

*Российская академия наук
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова*

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021 Том 65 № 3 Март

Основан в июле 1957 г.

Выходит 12 раз в год
ISSN 0131-2227

*Журнал издается под руководством
Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН*

Главный редактор

А.В. РЯБОВ

Редакционная коллегия:

В.С. Автономов (НИУ ВШЭ, ИМЭМО, Москва), В. Андрефф (Ун-т Парижа, Сорбонна-1, Франция), В.Г. Барановский (ИМЭМО, Москва), А.Г. Большаков (Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, Казань), Ю.А. Борко (Институт Европы, Москва), Л. Бреннан (Тринити Колледж, Ирландия), Ф.Г. Войтоловский (ИМЭМО, Москва), А.А. Дынкин (ИМЭМО, Москва), В.С. Загашвили (ИМЭМО, Москва), Н.И. Иванова (ИМЭМО, Москва), С.М. Кадочников (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), Р.И. Капелюшников (ИМЭМО, НИУ ВШЭ, Москва), Э.В. Кириченко (ИМЭМО, Москва), Н.А. Косолапов (ИМЭМО, Москва), Ю.А. Красин (Институт социологии, Москва), В.Л. Ларин (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Владивосток), Ли Юнцюань (Университет Китайской академии общественных наук, Пекин), К. Лиухто (Ун-т Турку, Финляндия), Г. Манготт (Инсбрукский ун-т им. Леопольда и Франца, Австрия), В.С. Мартыанов (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург), А. Мальхотра (Институт энергии и ресурсов, Индия), Е.В. Морозова (Кубанский государственный ун-т, Краснодар), В.П. Оболенский (Институт экономики, ИМЭМО, Москва), Г.М. Олевский (Латвийский государственный ун-т, Латвия), К. Росс (Университет Данди, Великобритания), А. Ротфельд (Варшавский ун-т, Польша), А.В. Рябов (“МЭ и МО”, Москва), Н. Симотомаи (Ун-т Хосей, Япония), А. Стент (Джорджтаунский ун-т, США), А.В. Торкунов (МГИМО(У), Москва), Л.А. Фадеева (Пермский государственный ун-т, Пермь), П. Фердинанд (Уорикский ун-т, Великобритания), Фэн Шаолэй (Восточно-Китайский педагогический университет, Шанхай), К.К. Худoley (Санкт-Петербургский государственный ун-т, Санкт-Петербург), Ю.Г. Чернышов (Алтайский государственный ун-т, Барнаул), С.В. Чугров (МГИМО(У), Москва)

Заведующая редакцией Е.Е. РУБЦОВА

*Адрес редакции: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23
Тел.: 8-499-128-08-83*

Электронная почта: metojournal@mail.ru, metojournal@imemo.ru

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова РАН, 2021
© Составление. Редколлегия журнала
“Мировая экономика и международные отношения”, 2021

*Russian Academy of Sciences
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations*

**WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL RELATIONS**
(Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya)

2021 Vol. 65 No. 3 March

Published since July 1957

Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN 0131-2227

*The Journal is published under supervision of the Department of Global Problems
and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. RYABOV

Editorial Board:

AVTONOMOV V. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), ANDREFF W. (University Paris I Pantheon Sorbonne, France), BARANOVSKY V. (IMEMO, Moscow), BOL'SHAKOV A. (Kazan' (Privolzhskii) Federal University, Kazan), BORKO Y. (Institute of Europe, Moscow), BRENNAN L. (Trinity College, Ireland), VOITOLOVSKY F. (IMEMO, Moscow), DYNKIN A. (IMEMO, Moscow), ZAGASHVILI V. (IMEMO, Moscow), IVANOVA N. (IMEMO, Moscow), KADOCHNIKOV S. (Higher School of Economics, Saint-Petersburg), KAPELYUSHNIKOV R. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), KIRICHENKO E. (IMEMO, Moscow), KOSOLAPOV N. (IMEMO, Moscow), KRASIN Y. (Institute of Sociology, Moscow), LARIN V. (Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok), LI YONGQUAN (University of Chinese Academy of Social Sciences, Beijing), LIUHTO K. (University of Turku, Finland), MANGOTT G. (University of Innsbruck, Austria), MART'ANOV V. (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Ekaterinburg), MALHOTRA A. (The Energy and Resources Institute, India), MOROZOVA E. (Kuban' State University, Krasnodar), OBOLENSKIY V. (Institute of Economics, IMEMO, Moscow), OLEVSKY G. (Latvian State University, Latvia), ROSS C. (University of Dundee, UK), ROTFELD A. (University of Warsaw, Poland), RYABOV A. (MEMO Journal, Moscow), SHIMOTOMAI N. (Hosei University, Japan), STENT A. (Georgetown University, USA), TORKUNOV A. (MGIMO-U, Moscow), FADEEVA L. (Perm' State National Research University, Perm), FERDINAND P. (University of Warwick, UK), FENG SHAOLEI (East China Normal University, Shanghai), KHUDOLEY K. (Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg), CHERNYSHOV Y. (Altai State University, Barnaul), CHUGROV S. (MGIMO-U, Moscow)

Office Manager E. RUBTSOVA

Address: 23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation
Tel.: +7-499-128-08-83

e-mail: memojournal@imemo.ru, memojournal@mail.ru

Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

2021, Том 65, Номер 3

Мир в начале тысячелетия

Перспективы и вызовы международного экономического и энергетического сотрудничества после пандемии <i>COVID-19</i> <i>А. Дынкин, Е. Телегина, Г. Халова</i>	5
Императивы устойчивого развития в тени и в свете пандемии <i>В. Давыдов</i>	11

Китай: внутренняя и внешняя политика

“Однополярная Азия”: китайский региональный порядок <i>А. Виноградов</i>	23
Дипломатия КНР: контекст академического дискурса <i>Е. Грачиков</i>	33
Инициатива “Пояса и Пути”: промежуточные итоги и вызовы в условиях пандемии <i>Н. Пыжиков, Е. Гуцин</i>	42

Европа: новые реалии

Социально-экономические проблемы стран ЕС в начальный период пандемии <i>А. Егоров, А. Петровский</i>	52
Американский контингент в ФРГ: символ безопасности, гарант лояльности, предмет роскоши? <i>И. Истомин, А. Соколов</i>	60
Крах и возрождение двухпартийной системы в Греции <i>Ю. Квашинин</i>	73
Особенности партийной системы Словакии в контексте парламентских электоральных циклов 2016–2020 гг. <i>Ю. Остапец, А. Ключкович</i>	81
Центральная Европа в период пандемии: первые последствия для экономики <i>А. Четверикова</i>	92

Экономика, экономическая теория

“Мягкая сила” и экспортный потенциал России в несырьевых секторах экономики <i>А. Погорлецкий</i>	102
--	-----

Большой Ближний Восток

Вторая волна ливийской гражданской войны: факторы и акторы <i>А. Кортаев, Л. Исаев, А. Шишкина</i>	111
---	-----

Политика и общество

Правопопулистские гражданские движения: западный опыт и российская ситуация <i>А. Митрофанова, О. Михайленок</i>	120
Социальная ответственность религиозных организаций <i>О. Балабейкина, А. Янковская</i>	130

CONTENTS

2021, Vol. 65, No. 3

The World at the Beginning of Millennium

- Prospects and Challenges to International Economic and Power Production Cooperation after the Covid-19 Pandemic
A. Dynkin, E. Telegina, G. Khalova 5
- Imperatives of Sustainable Development in the Shadow and in the Light of the Pandemic
V. Davydov 11
-

China: Domestic and Foreign Policies

- “Unipolar Asia”: Chinese Regional Order
A. Vinogradov 23
- Chinese Diplomacy: Context of Academic Discourse
E. Grachikov 33
- Belt and Road Initiative: Interim Results and Challenges During Pandemic
N. Pyzhikov, E. Gushchin 42
-

Europe: New Realities

- Social and Economic Problems of EC Countries in the Initial Pandemic Period
A. Egorov, A. Petrovskii 52
- American Forces in Germany: Security Symbol, Loyalty Warrant or Excessive Luxury?
I. Istomin, A. Sokolov 60
- Collapse and Re-Emergence of the Two-Party System in Greece
Yu. Kvashnin 73
- Peculiarities of the Party System of Slovakia in the Context of Parliamentary Electrical Cycles of 2016–2020
Yu. Ostapets, A. Klyuchkovych 81
- Central Europe in the Pandemic Era: First Economic Results
A. Chetverikova 92
-

Economy, Economic Theory

- “Soft Power” and Russia’s Export Potential in Non-Raw Materials Sectors of Economy
A. Pogorletskiy 102
-

Greater Middle East

- Second Wave of the Libyan Civil War: Factors and Actors
A. Korotayev, L. Isaev, A. Shishkina 111
-

Politics and Society

- Right Wing Populist Civic Movements: Western Experience and the Situation in Russia
A. Mitrofanova, O. Mikhailenok 120
- Social Responsibility of Religious Organizations
O. Balabeikina, A. Yankovskaya 130
-
-

ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

© 2021 г. А. Дынкин, Е. Телегина, Г. Халова

ДЫНКИН Александр Александрович, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (dynkin@imemo.ru).

ТЕЛЕГИНА Елена Александровна, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, РФ, 119991 Москва, Ленинский пр-т, 65, корп. 1 (meh@gubkin.ru).

ХАЛОВА Гюльнар Османовна, доктор экономических наук, профессор, РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, РФ, 119991 Москва, Ленинский пр-т, 65, корп. 1 (khalovag@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 02.12.2020.

В статье рассматриваются тенденции, тормозящие международное энергетическое и экономическое сотрудничество в 2018–2020 гг. Особенно они усилились в связи с пандемией COVID-19 и вызванным ею кризисом на энергетических рынках весной 2020 г. Подчеркивается нарастание конкуренции на фоне падающего спроса и отмечается, что как таковой институт международного энергетического сотрудничества, основанный на диалоге, утратил свою эффективность. Авторами предлагается свое видение дальнейшего развития международного экономического и энергетического сотрудничества в постпандемический период.

Ключевые слова: мировая экономика, мировой экономический кризис, международное экономическое сотрудничество, международные экономические отношения, США, Китай, ЕС, Россия, ЕАЭС, COVID-19.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-5-10

Макроэкономические эффекты и последствия пандемии COVID-19, равно как и оценка ее воздействия на общество, еще долгое время будут предметом всестороннего и глубокого анализа. Однако уже сейчас, в конце 2020 г., можно выделить ряд структурных проблем в мировой экономике, которые в условиях пандемии проявились с беспрецедентной остротой.

СЛОМ ТРЕНДОВ

Вероятно, наиболее важной из проблем является смещение ключевого вектора развития мировой экономики с межгосударственного сотрудничества (пусть зачастую лишь декларируемого) на нескрываемое соперничество, которое выходит за рамки конкурентной борьбы в ее неолиберальном понимании. Ввиду глобального кризиса, вызванного пандемией, над общемировыми целями устойчивого экономического, политического и социального развития как никогда в новейшей истории возобладали национальные интересы государств. Международное экономическое и политическое сотрудничество сильно пострадало, и ухудшение международного диалога происходит на всех уровнях: от межправительственного до профессионального и информационного. Несмотря на растущее число заявлений о необходимости объединения

усилий в борьбе с кризисом, именно сегодня представителям разных стран и национальных объединений становится все труднее находить общий язык даже на уровне основных понятий.

Наиболее ярким примером здесь является энергетический сектор, который был потрясен падением спроса и неспособностью стран-производителей быстро и эффективно договориться о совместных действиях во время кризиса. Внезапный и непредвиденный обвал нефтяных рынков, произошедший в первой половине 2020 г., не является для отрасли принципиально новым событием. Известно, что кризисы, связанные с дисбалансом мирового рынка нефти, происходили в 1985, 1996, 1998, 2008, 2014 гг. В большинстве случаев мировой экономике и нефтяной промышленности требовалось достаточно много времени, чтобы рынок вернулся к равновесию, а спрос продолжил устойчивый рост (рис. 1).

Происходившее в 2020 г. может оказаться крупнейшим кризисом в истории нефтяной отрасли. Удар по нефтяному рынку был нанесен беспрецедентным падением спроса – на 30% в апреле 2020 г. – и, как ожидается, не менее чем на 10% в среднем за год (9.3 млн барр./день, по ожиданиям МЭА). Обвал спроса в результате пандемии и ее последствий, переизбыток предложения и рост запасов нефти в хранилищах создали колоссальный

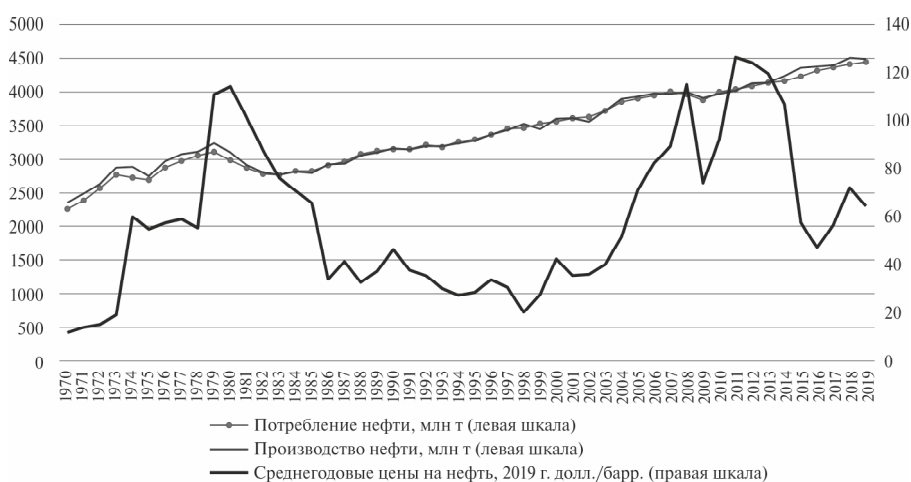

Рис. 1. Динамика производства, потребления и цен на сырую нефть в 1970–2019 гг.

Источник: [1].

дисбаланс на мировом нефтяном рынке, что закономерным образом привело и к обвалу цен. С января по середину апреля 2020 г. цена *Brent* упала в 3.5 раза. Впервые в истории биржевой торговли фьючерсы на *WTI* были проданы по отрицательной цене.

При этом и без того крайне тяжелая ситуация осложнялась очередной едва не начавшейся ценовой войной между ведущими странами — экспортерами нефти. Даже действовавшие на начало 2020 г. в рамках ОПЕК+ договоренности оказались недостаточными. К апрелю 2020 г. 23 страны — производителя нефти со значительными трудностями достигли нового глобального соглашения о сокращении добычи. Ожидаемый избыток нефти на рынке в объеме около 14.7 млн барр. в сутки компенсируется примерно на 2/3 за счет сокращения добычи странами ОПЕК+ в рамках твердых обязательств, а оставшийся избыток — прочими странами-производителями, не входящими в ОПЕК+, однако без принятия на себя твердых обязательств по сокращению добычи. Принятые меры позволили избежать наиболее тяжелого сценария и отчасти стабилизировать цены на мировом рынке нефти на уровне около 40–45 долл. за 1 барр. Однако очевидно, что быстрого восстановления отрасли не произойдет.

Фактически кризис 2020 г. сформировал новую реальность мировой нефтяной отрасли, да и в целом мировой энергетики. Нефтяные компании по всему миру сосредоточились на сокращении издержек, во многом за счет отказа от инвестиций в дорогостоящие новые добычные проекты, сокращения персонала, диверсификации деятельности путем развития проектов в области альтернативной энергетики и т. д. Отметим, что российские нефтяные компании в период пандемии в целом сохранили устойчивые позиции на мировом нефтяном рынке, хотя и были вынуждены предпри-

нять активные действия по сокращению затрат и оптимизации производственно-технологических и логистических цепочек.

Тем не менее опыт 2020 г. показывает, что эффективность соглашения ОПЕК+ остается недостаточной, поскольку в действующем виде оно не позволяет до конца разрешить принципиальные противоречия между участниками. Российские исследователи отмечают, что в будущем необходимо развивать этот формат сотрудничества в форме ОПЕК++, основанной на партнерстве и взаимном учете интересов, а не на конфронтации [2].

Другим ярким примером обострения дисбалансов и конфронтационных тенденций в мировой экономике является общая динамика отношений между крупнейшими мировыми экономическими центрами: Китаем, США, Европейским союзом и Евразийским пространством. Выход Великобритании из ЕС создал уникальный прецедент, который иллюстрирует, что модель европейской интеграции столкнулась с серьезным кризисом и очень далека от идеала. Вопрос, сможет ли ЕС после Брекзита и пандемии адаптироваться к новой реальности и найти внутренние ресурсы, необходимые для дальнейшего развития, остается открытым. При этом реальная эффективность мер, принимаемых в ЕС для борьбы с экономическими последствиями как пандемии, так и Брекзита, может быть оценена только по прошествии достаточного длительного времени [3].

ТОРГОВАЯ ВОЙНА США–КНР

Нарастающий драматизм экономических и политических отношений между Китаем и США в 2020 г. стал проблемой, которая волнует макроэкономических агентов и ученых едва ли не больше, чем собственно пандемия и ее последствия.

В 2018–2019 гг. экономическое соперничество между США и Китаем спровоцировало торговую войну, которая сильно затронула все субъекты мировой экономики – как государства, так и транснациональные корпорации [4]. Соединенные Штаты обвинили Китай в незаконном обороте и краже интеллектуальной собственности, ввели ограничительные тарифы на импорт ряда китайских товаров в США. Значительное количество поставляемых из КНР коммерческих товаров, от телекоммуникационного оборудования до продуктов питания, облагается более высокими тарифами.

Меры администрации президента Д. Трампа в отношении Китая носили открыто протекционистский характер. По сути, они были направлены на вытеснение китайских товаров с рынка США под предлогом сокращения дефицита в двусторонней внешней торговле, который в 2018 г. достиг 419 млрд долл. (рис. 2).

Торговая война негативно сказалась на мировой экономике и динамике основных мировых производственных индексов, которые демонстрировали высокую волатильность и негативные тренды (рис. 3). Тем не менее на протяжении 2018–2019 гг. она продолжала оставаться средством в первую очередь экономической конкуренции в чувствительных отраслях экономики. Это оставляло шансы на мягкое урегулирование противоречий в обозримом будущем, как это происходило со многими другими странами – контрагентами США даже в условиях непримиримой политики администрации Д. Трампа [6].

События 2020 г. подтвердили, что противоречия между Китаем и США носят более глубокий структурный характер и не могут быть преодолены уступками и соглашениями исключительно в торгово-экономической сфере. Даже американские эксперты отмечают, что пандемия усилит недовере-

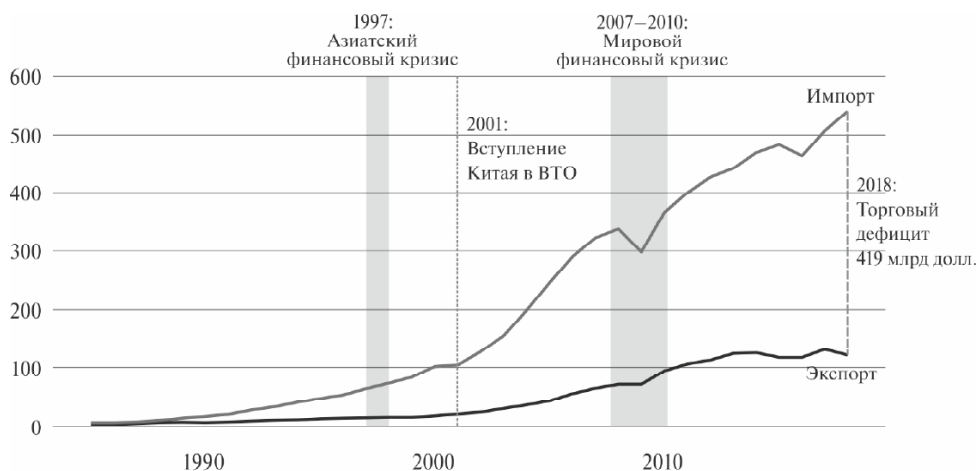

Рис. 2. Дефицит торгового баланса США в торговле с Китаем в 1990–2018 гг., млрд долл. Источник: [4].

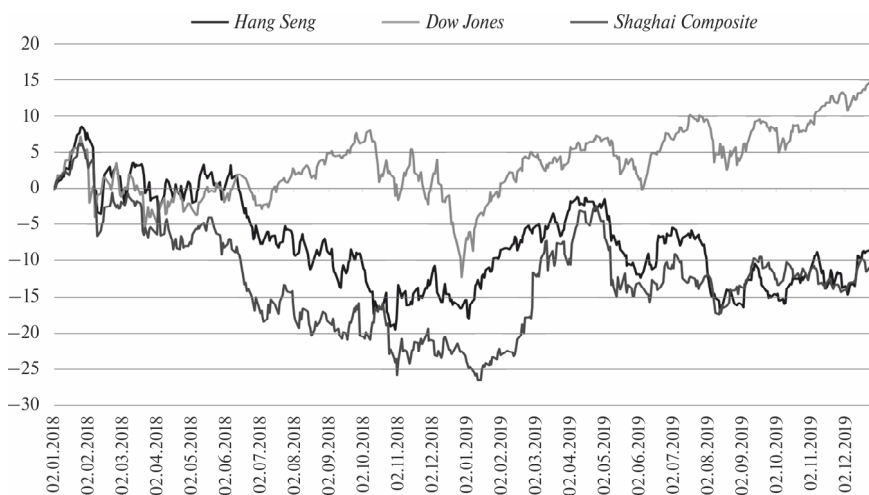

Рис. 3. Динамика производственных индексов США и Китая в 2018–2019 гг., % Источник: [5].

рие и антагонизм между США и Китаем – притом что сотрудничество было бы более эффективным решением [7]. Можно ожидать, что, в отличие от отношений со странами Европы, смена американской администрации в начале 2021 г. не приведет к серьезному улучшению ситуации.

Именно характер и порядок разрешения китайско-американских противоречий во многом определяют направленность мировой экономики и торговли в период 2020-х годов. При этом некоторые российские эксперты отмечают, что обострение противостояния Китая и Соединенных Штатов может привести к формированию новой биполярной архитектуры мирового порядка, в которой создание экономического и политического центра на Евразийском пространстве будет завершено с участием Китая, России и других стран ШОС и Центральной Азии, в то время как антагонизм этого региона со странами Западной Европы и Северной Америки продолжит усугубляться [8].

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Характерно, что на Евразийском пространстве структурные тенденции макроэкономического развития в период 2018–2019 гг. и в начале 2020 г. носили иной характер. В регионе наблюдается тенденция к дальнейшему укреплению экономического и политического сотрудничества. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в который входят Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Кыргызстан, продолжает активно сотрудничать с большинством ведущих стран мира и региональных интеграционных объединений. ВВП интеграционных объединений и стран – партнеров ЕАЭС по соглашению о свободной торговле и двусторонним соглашениям о сотрудничестве составляет около 30 трлн долл. США (по ППС), или более 23% мирового ВВП. Население этих стран превышает 1.7 млрд человек, что составляет более 20% населения мира. С учетом того что многие страны – партнеры ЕАЭС являются членами региональных интеграционных объединений, ВВП зарубежных партнеров по ЕАЭС превышает 43 трлн долл. по ППС (34% мирового ВВП при численности населения 3.7 млрд человек и более чем 48% населения мира).

ЕАЭС продолжает последовательное развитие взаимодействия с международным деловым и экспертным сообществом, в том числе с торгово-промышленными палатами, советами делового сотрудничества, региональными банками развития и ключевыми международными дискуссионными площадками [9]. Продолжается активная кооперация с Китаем, странами ШОС и другими странами Центральной Азии в рамках интеграционных проектов ЕАЭС и экономического пояса “Шелковый

путь”, рассматривается возможность дальнейшего расширения ЕАЭС как за счет полноправных стран-членов, так и за счет участия партнеров в отдельных интеграционных инициативах [10].

Среднесрочная цель макроэкономической политики ЕАЭС – поддержание макроэкономической стабильности и уровня жизни, достигнутых населением государств ЕАЭС, а также создание основы для дальнейшего экономического развития Союза. Макроэкономические вопросы обсуждались в принятой 10 апреля 2020 г. резолюции Евразийского межправительственного совета “О предпринимаемых в рамках Евразийского экономического союза мерах, направленных на обеспечение экономической стабильности в условиях развития пандемии коронавирусной инфекции *COVID-19*” [11]. Документ включает меры по сдерживанию негативного воздействия и минимизации экономического воздействия внешних шоков, связанных с пандемией *COVID-19* и резким падением цен на сырье.

Важная роль в решении данных вопросов будет принадлежать политике цифровизации государств ЕАЭС. Еще в 2018 г. в рамках ЕАЭС были выдвинуты предложения по созданию единой информационной системы промышленности, которая позволит связать производственные и научные организации, потребителей промышленного оборудования, товаров и услуг. Для этого была инициирована процедура создания Евразийской сети промышленной кооперации и субконтрактации, а также Евразийской сети трансфера технологий. По мнению специалистов, такие сети не только станут одной из ключевых частей информационной системы промышленности Союза, но и позволят сформировать единые базы данных, в которых будут связаны все производственные, научные организации и потребители со всех стран ЕАЭС.

Экономика цифровых платформ, или гиг-экономика, работает в режиме 24/7/365, имеет низкие барьеры входа. Экономия на масштабе, комплексность и глобальность обеспечивают таким площадкам высокие конкурентные преимущества (подробнее см. [12]). Последствием пандемии *COVID-19* стало значительное снижение производственных показателей ряда отраслей многих стран мира, однако ИТ-сектор получил мощный импульс развития. Очевидно, начавшийся в 2018 г. процесс цифровизации экономики стран ЕАЭС позволил смягчить негативные последствия пандемии *COVID-19* и ускорил переход народнохозяйственных комплексов государств ЕАЭС на новый уровень технологического развития.

Следует также отметить, что в условиях пандемии *COVID-19* страны ЕАЭС демонстрируют сплоченность и проводят единую энергетическую

политику. В начале апреля 2020 г. Евразийская экономическая комиссия продолжила формировать общий электроэнергетический рынок ЕАЭС, в основном в области согласования проектов правил его функционирования ввиду все чаще появляющихся вызовов, исходящих от мирового энергетического рынка, а также его частых колебаний. В конце августа 2020 г. члены Консультативного комитета по нефти и газу при Коллегии ЕЭК обсудили “дорожную карту” гармонизации законодательства стран ЕАЭС в нефтяной сфере. В ходе заседания было объявлено об ее принятии до конца текущего года. Кроме того, комитет отметил выполнение мероприятий первого этапа формирования уже общего рынка газа ЕАЭС.

Очевидно, что, несмотря на пандемию COVID-19, мировой экономический кризис и внешние вызовы, Евразийский экономический союз не только выдерживает их, но и продолжает активную деятельность по сплочению стран Союза, а также повышению их энергетической и экономической безопасности. В этом контексте важно подчеркнуть миротворческую и стабилизирующую роль России в прекращении военных действий и стабилизации ситуации после очередного обострения армяно-азербайджанского конфликта.

* * *

Сложившиеся негативные тренды последних лет, такие как частичная экономическая дегло-

бализация, обострение протекционизма и национализма, ужесточение соперничества США и Китая, явное ослабление ЕС и многосторонних международных институтов, будут лишь усугублены глубоким мировым экономическим кризисом, начавшимся в ходе пандемии COVID-19. Острота и скорость происходящих в 2020 г. событий поставили мир перед выбором: формировать эффективные институты международного сотрудничества в экономике и политике или ужесточать конфронтацию, основанную на национальном эгоизме, протекционизме и антагонизме с другими членами мирового сообщества.

На Евразийском пространстве сохраняется эффективная и стабильная институциональная система в основном благодаря действиям таких организаций, как ЕАЭС и ШОС. Однако растущий антагонизм между глобальными макрорегионами и усиление конкуренции представляют собой крайне тревожные тенденции, угрожающие долгосрочному устойчивому развитию мировой экономики.

По нашему мнению, основываясь на концепции равновесия Дж. Нэша (подробнее см. [13]), в данной ситуации оптимальным вариантом для дальнейшего развития макрорегионов станет экономическое поведение, при котором каждый игрок будет добиваться собственного благополучия путем формирования благополучия других игроков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Statistical Review of World Energy 2020*. BP, 2020. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed 25.08.2020).
2. Бакланов А. ОПЕК++. Лучше иметь партнеров, а не врагов. *Россия в глобальной политике*, 03.04.2020. [Baklanov A. ОПЕК++. Luchshe imet' partnerov, a ne vragov [ОПЕК++. Better to have partners than enemies]. *Rossiya v global'noi politike*, 03.04.2020.] Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/opek-luchshe/> (accessed 01.11.2020).
3. *The Common EU Response to COVID-19*. European Union, 2020. Available at: https://europa.eu/european-union/coronavirus-response_en (accessed 02.05.2020).
4. A Quick Guide to the US-China Trade War. *BBC*, 2020. Available at: <https://www.bbc.com/news/business-45899310> (accessed 21.09.2020).
5. Market Futures. *Bloomberg*, 2020. Available at: <https://www.bloomberg.com/markets/stocks/futures> (accessed 31.08.2020).
6. US and China Sign Deal to Ease Trade War. *BBC*, 2020. Available at: <https://www.bbc.com/news/business-51114425> (accessed 15.03.2020).
7. Huang Y. The U.S. and China Could Cooperate to Defeat the Pandemic. *Foreign Affairs*, 24.03.2020. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-03-24/us-and-china-could-cooperate-defeat-pandemic> (accessed 24.04.2020).
8. Скосырев В. Пекин обвинил Вашингтон в распространении дезинформации. *Независимая газета*, 29.04.2020. [Skosyrev V. Pekin обвинil Vashington v rasprostraneni dezinformatsii [Beijing accused Washington of spreading disinformation]. *Nezavisimaya gazeta*, 29.04.2020.] Available at: http://www.ng.ru/world/2020-04-29/6_7856_china.html (accessed 29.05.2020).
9. ЕАЭС расширил географию международного сотрудничества. *Евразийская экономическая комиссия*, 29.04.2020. [EAES rasshiril geografiju mezhdunarodnogo sotrudnichestva [The EAEU expanded the geography of international cooperation]. *Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya*, 29.04.2020.] Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/29-04-2020-1.aspx> (accessed 30.04.2020).
10. Кривошеев К. Узбекистан подбирается к ЕАЭС. *Коммерсантъ*, 29.04.2020. [Krivoshcheev K. Uzbekistan podbiraetsya k EAES [Uzbekistan is getting closer to the EAEU]. *Kommersant*, 29.04.2020.] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4334643> (accessed 31.08.2020).

11. Распоряжение № 6 “О предпринимаемых в рамках Евразийского экономического союза мерах, направленных на обеспечение экономической стабильности в условиях развития пандемии коронавирусной инфекции COVID-19”. [Order no. 6 “On measures taken within the framework of the Eurasian Economic Union to ensure economic stability in the context of the development of the COVID-19 coronavirus infection pandemic” (In Russ.)] Available at: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01425377/ico_16042020_6 (accessed 20.04.2020).
12. Дынкин А.А. Международная турбулентность и Россия. *Вестник РАН*, 2020, т. 90, № 3, сс. 208-219. [Dykin A.A. Mezhdunarodnaya turbulentsnost' i Rossiya [International turbulence and Russia]. *Vestnik RAN*, 2020, vol. 90, no. 3, pp. 208-219.]
13. Nash J. Equilibrium Points in N-persons Games. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 1950, vol. 36, p. 48-49.

**PROSPECTS AND CHALLENGES TO INTERNATIONAL ECONOMIC
AND POWER PRODUCTION COOPERATION AFTER THE COVID-19 PANDEMIC**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 3, pp. 5-10)

Received 02.12.2020.

Alexander A. DYNKIN (dynkin@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Elena A. TELEGINA (meb@gubkin.ru),

Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), 65, Leninsky Prosp., 119991, Moscow, Russian Federation.

Gul'nar O. KHALOVA (khalovag@yandex.ru),

Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), 65, Leninsky Prosp., 119991, Moscow, Russian Federation.

The article examines the trends that hinder the development of international energy and economic cooperation in 2018–2020. These trends have been particularly exacerbated by the COVID-19 pandemic and the resulting global economic and energy crisis. Falling demand for oil has affected the decline in world commodity prices. Competition between oil exporters has intensified amid falling demand. As a result, international energy cooperation mechanisms in the energy sector have come under serious pressure. The dynamics of relations between the world's largest economic centers: China, the United States, the European Union, and the Eurasian space have become another aspect of the aggravation of imbalances and confrontational trends in the global economy. The strengthening of trade contradictions between the United States and China in 2018–2019 negatively affected global economic growth and the dynamics of major manufacturing indices. In turn, the events of 2020 clearly confirmed that the contradictions between China and the United States are of a deep structural nature. These contradictions exacerbate the polarization of the global economic system and cannot be overcome by concessions and agreements exclusively in the field of investment and trade. Against this background, the real effectiveness of measures taken in the EU to deal with the economic consequences of both the pandemic and Brexit is questionable, and can only be reliably assessed after a sufficiently long time. The authors show that in contrast to the situation in the EU, the EAEU has tendencies to further strengthen economic, political and energy cooperation. Despite the COVID-19 pandemic, the global economic crisis and external challenges, the Eurasian economic Union not only stands up to them, but also continues to actively work to unite the Union's countries, as well as improve their energy and economic security. The authors offer their vision of further development of international economic and energy cooperation in the post-pandemic period, taking into account the positive trends in the development of the Eurasian space.

Keywords: world economy, world economic crisis, international economic cooperation, international economic relations, USA, China, EU, Russia, EAEU, COVID-19.

About authors:

Alexander A. DYNKIN, Academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Econ.), Professor, President of IMEMO.

Elena A. TELEGINA, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Dean of International Energy Business Faculty.

Gul'nar O. KHALOVA, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Deputy Head of World Economy and Energy Policy Department.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-5-10

ИМПЕРАТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ТЕНИ И В СВЕТЕ ПАНДЕМИИ

© 2021 г. В. Давыдов

ДАВЫДОВ Владимир Михайлович, чл.-корр. РАН, доктор экономических наук, профессор,
Институт Латинской Америки РАН, РФ, 115035 Москва, ул. Б. Ордынка, 21/16;
Российский университет дружбы народов, РФ, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 (davydov@ilaran.ru).

Статья поступила в редакцию 18.09.2020.

Пандемия *COVID-19* на время заслонила собой все прежние озабоченности мирового сообщества и среди них даже экзистенциальные вызовы. Отношение к проблематике устойчивого развития перешло в зону “отложенного спроса”. Пандемия подтолкнула наступление и усугубила эффект очередного кризиса в мировой экономике. При этом симптоматично, что во время пандемии дало о себе знать существенное улучшение экологической обстановки как следствие сокращения эмиссии парниковых газов и выделения других вредоносных отходов. В то же время пандемия акцентировала императив медико-биологической безопасности и внесла соответствующую корректировку в перечень главных приоритетов продвижения к целям устойчивого развития. После паузы пандемии императив перехода на режим устойчивого развития станет действовать со значительным усилением в связи с необходимостью компенсации потери времени и темпа. Особым приоритетом станет обеспечение медико-биологической безопасности. Уроки пандемии убедительно подтверждают понимание того, что реальный успех в продвижении к целям устойчивого развития согласно Повестке 2030 невозможно представить без нормализации международных отношений и налаживания широкого сотрудничества в общемировом формате.

Ключевые слова: пандемия *COVID-19*, устойчивое развитие, глобальное потепление, преодоление неравенства, медико-биологическая безопасность, глобальное регулирование, глобальный зеленый “новый курс”.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-11-22

БЛИЦКРИГ КОРОНАВИРУСА

Властно вторгаясь в наше жизненное пространство, проникая в поры людской популяции, пандемия *COVID-19* оказала широкомасштабное, глубокое и скоротечное воздействие на хозяйственную практику, на общественно-политическую активность, на систему трансграничных коммуникаций и международных отношений в целом. Более того, она изменила наш образ жизни, само бытие миллиардов землян. Сообщения и комментарии на тему коронавируса заполнили СМИ и пространство Интернета. Если сравнивать популярность запросов “*global warming*” и “*COVID-19*” по всему миру по поисковику *GoogleTrends*, то пик популярности запроса по теме глобального потепления придется на период 27 января – 2 февраля 2019 г. Ослабление популярности этой темы начинается с марта 2020 г. Тогда показатель популярности запроса “*COVID-19*” взлетел с 11 пунктов (7–8 марта) до 100 (22–28 марта). За один день 11 марта 2020 г. набралось около 20 млн упоминаний терминов, связанных с коронавирусом, по данным аналитической платформы *Sprinklr*; и около 38 пунктов по графику *Google*. Обследование медийного пространства за два полных года (2018 и 2019) показало, что за этот период объем информации по тематике изменения

климата или глобального потепления возрос на 73%, а в период с января по май 2020 г. упомянутая тематика сократила свое присутствие на 59%, сохраняя сравнительно высокую репрезентативность [1, р. 18]. Короче говоря, нужно признать: в 2020 г. мы стали свидетелями своего рода блицкрига пандемии коронавируса. Быть может, не только и не столько чисто физически, сколько информационно и по факту воздействия на общественное сознание.

Такой представляется общая картина исходя из событий прошлого года. Конечно, годовая продолжительность “эксперимента” слишком мала для окончательных выводов и убедительных прогнозов. Сводный баланс пандемии будет, по всей видимости, подведен практикой, выходящей за пределы 2020 г. Тогда, надеюсь, будет ясно, останется ли у *COVID-19* ореол экстраординарного бедствия. Он, несомненно, сохранится при новой волне пандемии. При этом, даже если дело дойдет до эффективной массовой вакцинации и повсеместного применения отработанной технологии комплексного лечения, пандемия будет обозначена в нашей исторической памяти как суровый урок, акцентирующий высокое значение превентивной практики. Конечно, шлейф пандемии в любом

случае будет долго ощущаться на разных широтах и меридианах. А наиболее вероятен деструктивный след в периферийной зоне мировой системы, той ее части, которая лишена современной санитарно-эпидемиологической инфраструктуры. Так, как это произошло и происходит во многих странах Латинской Америки, где в последнее время ставятся антирекорды по заболеваемости и смертности среди зараженных [2].

Разночтения в интерпретации причин и следствий пандемии остаются. Причем в нашем восприятии не исключена связь возникновения нынешней модификации коронавируса с климатическими отклонениями. Далекая история, касающаяся биосферы, дает нам немало пищи для аналогий относительно того, как осуществляется адаптация видов к изменениям среды, как мимикрия реализует себя посредством мутации — *mutatis mutandis*. Иначе говоря, нельзя сбрасывать со счетов и такой результат глобального потепления. А коли так, то и связь с общей проблематикой устойчивого развития проступит вполне явственно.

В свою очередь очерченная выше зависимость обращает наше внимание на серьезный пробел в признанном и до сих пор “расхожем” реестре ключевых экзистенциальных угроз, которым приходится противостоять, коль скоро принят курс на реализацию приоритетов устойчивого развития. Прежде всего речь должна идти об углублении циклического спада в мировой экономике. Он назревал изрядное время и уже 2019 г. был полон пессимистических предсказаний на сей счет [3, р. 24]. Остановка многих предприятий и фирм в силу падения платежеспособного спроса или с целью предотвращения массового заражения персонала и клиентуры, ограничение либо даже прекращение мобильности товаров и рабочей силы, изъятие капиталов из инвестиционной сферы, резко возросшие издержки на нужды санитарии и здравоохранения — все это умножило деструктивный эффект в экономике, переводя надвигающийся глобальный кризис в разряд экстраординарных. Прогнозы, появляющиеся практически ежедневно, “играют на понижение”. Наглядным примером стал традиционный прогностический выпуск британского журнала *The Economist*, вышедший в конце 2019 г. На 2020 г. предсказывалось уменьшение прироста ВВП для Китая до 6%, для США и Еврозоны — до 2% [3, р. 24]. Наихудший прогноз приведен для еврозоны — -9% [4]. Пора говорить об итогах 2020 г. Опираясь на выводы ОЭСР, МВФ и структур ООН, даются цифры по изменению ВВП: для мирового продукта — сокращение на 4.4%, для США — на 4.1%. Для развивающихся стран в целом — убытие на 3.3%. Уменьшение ВВП Латинской Америки — 7.7%. Позитивный прирост оставлен только для КНР, да и то на минимальном

уровне — 1.9%. Итак, до развертывания пандемии большинством экспертных оценок предполагалось понижение темпов экономического роста, но все же сохранение его в зоне положительных значений. С приходом пандемии происходит однозначное перемещение (за исключением КНР) на поле отрицательных показателей. Понятно, что усугубление кризиса пандемией означало сокращение резервов, которые могли бы предназначаться для переключения на стандарты устойчивого развития.

Экономический кризис, разумеется, имеет **социальные последствия**. В данном случае, с учетом эффекта пандемии, социальные издержки оказываются намного тяжелее того, что сулил ординарный циклический спад. Ведь по многим направлениям хозяйственная деятельность и общественная жизнь оказались просто блокированными. Чем продолжительней цикл пандемии, тем больше и болезненней ущерб, наносимый преобладающей массе населения. Идет, увы, расширение зоны бедности, несмотря на все усилия компенсационного порядка.

Надо напомнить, что в постбиополярное время за редкими исключениями повсеместно усиливалось имущественное расслоение социума. За фасадом “просвещенного Запада” тренд в этом смысле задавался практикой США и Великобритании [5, сс. 40-42]. Дали слабину даже благополучные скандинавы, пытаясь ограничить социальные издержки с тем, чтобы компенсировать понижение относительной конкурентоспособности национальных хозяйственных систем. Очевидно, сошедшее в прошлое “соревнование двух систем” уже не побуждало к распространению и поддержанию прежнего благополучия на нижнем и среднем этажах общественной пирамиды. Что касается механизма соблюдения относительного социального равновесия, унаследованного новым российским государством, то он был разрушен в исторически кратчайшие сроки почти до основания. В дальнейшем социальная поляризация лишь добавляла обороты. И Россия на этом пути, увы, обошла практически все постсоветские и постсоциалистические государства. Вместе с тем в обстановке пандемии обращает на себя внимание, казалось бы, алогичный рост доходов богатейших собственников. За два месяца пандемии капиталы шести сотен американских миллиардеров увеличились на 14%, активы пяти лидеров — на 19% при уменьшении доходов подавляющего большинства, когда за тот же период 38 млн американцев просто потеряли работу [6]. В России публику очень удивил конец августа, когда определялся размер дивидендов ведущих корпораций и банков. Они оказались рекордно высокими за последние десятилетия.

Традиционный измеритель имущественного неравенства — коэффициент — Джини обычно

используется для группировки стран по трем категориям: умеренная поляризация (менее 0.3), повышенная (от 0.3 до 0.4) и аномальная (свыше 0.4) поляризация. Процесс интенсивного расслоения завел Россию в третью категорию по шкале Джини, туда, где собрались латиноамериканские представители периферийного капитализма, отличающегося социальными антирекордами. Это, разумеется, не добавляет позитива имиджу современного российского государства, усугубляет социально-экономические деформации, подрывает основы внутринациональной солидарности.

Ныне массовая безработица, усугубляемая антиэпидемическими ограничениями, во многих странах поднялась на рекордные высоты, напоминая события Великой депрессии 30-х годов. В подобной обстановке обильно подпитываются социальные корни “неустойчивого” развития – возрастающая имущественная поляризация, эрозия средних слоев и, соответственно, платежеспособного спроса на национальных рынках большинства государств, находящихся ныне в фокусе пандемии.

Таким образом, подтолкнув и усугубив мировой экономической кризис, пандемия акцентировала социальные императивы перехода к устойчивому развитию, неприемлемость аномальной социальной “задолженности”. В правящих верхах государств, охваченных пандемией, стала осознаваться, а потом и доминировать задача минимизации возросших рисков – не только из-за нарастания недовольства снизу, но во многих случаях просто в силу инстинкта самосохранения власти. Императив предотвращения социального взрыва вынуждал и вынуждает правящие элиты предпринимать масштабное (пусть и кратковременное) перераспределение национального дохода. В сложившихся условиях прирост таких затрат уже не рассматривался в терминах благотворительности (хотя осталось и это) либо “пожарных” инъекций ликвидности. Ведь, говоря по существу, тем самым подпитывался незаменимый ресурс системы – человеческий капитал, обеспечивалось воспроизводство системы в целом, нейтрализовывалась вероятность ее спонтанного разрушения.

В “Добровольном национальном обзоре РФ о выполнении задач Повестки 2030” (ДНО), представленном недавно в ООН, декларируется, что в России ликвидирована крайняя нищета (эквивалентно доходу менее 3.2 долл. в день на человека по ППС). Далее отмечается, что проводимая в стране политика борьбы с бедностью предусматривает снижение ее уровня к 2024 г. как минимум вдвое. Точка отсчета – 2018 г., когда доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составляла 12.6%. Кроме того, утверждается, что коэффициент Джини в предпандемийные годы якобы стал

снижаться. Приводятся цифры: 2010 г. – 0.421, 2015 г. – 0.412, 2018 г. – 0.413. Но, с другой стороны, констатируется, что распределение населения по 20%-м группам (квинтилям) получаемых доходов практически не менялось [7, с. 10].

Сегодня мы видим, что руководство РФ оперативно отреагировало на ситуацию пандемии, направив крупные вспомоществования наиболее уязвимым слоям населения, прежде всего семьям с детьми и лицам, потерявшим свой заработок. Масштабная финансовая помощь была оказана системообразующим предприятиям. Однако вряд ли можно считать, что проблема решена исчерпывающим образом. Напротив, есть основания полагать, что в ходе пандемии положение большинства заметно пошатнулось.

Несколько последних лет в мировой экономике наблюдалось **сдерживание процессов глобализации**, воспринимавшейся как альфа и омега современности. Самая наглядная иллюстрация – понижение темпов прироста объема мировой торговли до темпов прироста совокупного мирового производства. Превосходство первых относительно вторых в течение нескольких десятилетий безапелляционно свидетельствовало об углублении интернационализации хозяйственных процессов. В преддверии пандемии сложилась обратная картина. Пандемия лишь добавила тормозов, остановив трансграничные перемещения товаров и услуг, а также пассажирские потоки. Майский номер журнала *The Economist* отреагировал на эту реальность обзорной статьей под красноречивым названием: “Гудбай глобализация”. Авторы статьи полагают, что в текущем году сокращение мировой торговли составит, как минимум, 10% и при дальнейшем ухудшении конъюнктуры может добраться до 30% [8, р. 8]. Впрочем, результаты глобализации на предыдущем этапе сегодня не перечеркиваются полностью. Да, процесс остановлен, а на ряде направлений пошел вспять. Постпандемийная перспектива, очевидно, будет определяться не повсеместным протекционистским демонтажем (на поверхности событий), а переформатированием глобальных и локальных процессов. Полагаю, что следует согласиться с мнением директора Института Европы РАН А.А. Громько, который считает, что “регрессивные, дезинтеграционные процессы на более высоком уровне сочетаются с ростом востребованности интеграционных процессов на более низком, региональном уровне” [9, с. 25]. Этим озабочены сегодня и в Евросоюзе, и в Латинской Америке, где возлагают надежды на реанимацию региональных и субрегиональных интеграционных проектов. Об объективной востребованности такой коррективы в стратегии экономического развития на постпандемийном этапе теперь говорят многие латиноамериканские авторитеты, среди них Селсу Аморим,

крупный политолог и дипломат, в недавнем прошлом министр иностранных дел Бразилии [10].

Скептически настроенный читатель может с иронией заметить: “Ну вот, опять за новым проглядывает хорошо забытое старое”. Но дело не в том, что от “фараоновых” межконтинентальных проектов времен Б. Обамы происходит возвращение к прагматике региональных и субрегиональных торгово-экономических блоков. Это возвращение с новым качеством, предполагающим адаптацию к радикально изменившимся условиям воспроизводства экономики, общества и международных отношений с пониманием того, что волевым принуждением придется теперь вводить в технологию экономической интеграции императивы устойчивого развития, будь то интеграция де-юре с преобладанием характеристик закрытого или открытого регионализма либо де-факто при выстраивании трансграничных цепочек добавления стоимости.

ПРЕДПАНДЕМИЙНЫЙ ЗАДЕЛ

Пролетают недели, проходят месяцы, а мы все еще находимся под гипнозом пандемии, отодвигающим на задний план даже то, что, подобно глобальному потеплению, совсем недавно вызывало острую тревогу в мировом сообществе. Отчаялась сама Грета Тунберг, лицо “зеленого” активизма, заявившая в конце августа, что после годичного перерыва возвращается в свою школу. Тем не менее шаг за шагом гипнотическая пауза начинает оспариваться и нарушаться сигналами внепандемийного происхождения. Реальность все чаще адресует нас к де-факто отложенной Повестке 2030, к тому концептуальному, институциональному и практическому багажу, который накоплен мировым сообществом до блицкрига коронавируса. Этот багаж – итог полувекowego многотрудного процесса осмысления и выработки согласованных мер противодействия угрозам экзистенциального порядка.

Ключевой вехой в эволюции концептуальных представлений о главенствующих императивах устойчивого развития служат, приходясь на вторую половину 80-х годов, результаты работы Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию, именуемой в профессиональном дискурсе Комиссией Брундтланд, по фамилии своего председателя Гру Харлем Брундтланд, экс-премьера Норвегии. В качестве базового критерия устойчивого развития она установила отказ нынешнего поколения существовать и действовать, влезая в долги перед будущим поколением [11]. Следующая веха – Конференция ООН по окружающей среде и развитию, проведенная в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Ее венцом стала Рамочная конвенция ООН по изменению климата. Конвенция

начала переводить концептуальные интерпретации в плоскость реальной политики и практики международного сотрудничества. За ней, как известно, последовал Киотский протокол (подписан в 1997 г., начал действовать в 2005 г.). Он задумывался как способ воплотить курс, провозглашенный Конвенцией, в конкретных мерах и действиях на национальном уровне.

Парадоксальным образом в обстановке нарастающей дивергенции, приправленной неправдой и дошедшей в ряде случаев до прямой конфронтации, сложились предпосылки для консенсусного восприятия императивов устойчивого развития. Наверное потому, что мировое сообщество стало осознавать приближение черты невозврата на пути к глобальному эколого-климатическому кризису. Концепция устойчивого развития, сложившаяся ко второму десятилетию нашего века, оказалась способной к тому, чтобы принять на себя **функцию общего знаменателя** [12]. Многогранная проблематика устойчивого развития оказалась полем, уникально подходящим для поиска и нахождения согласия, более того, для реального совместного действия. Момент разворота к согласию и, соответственно, к “общему знаменателю” пришелся на 2015 г., когда на платформе ООН консенсусным порядком приняли Парижское соглашение об изменении климата и резолюцию Генассамблеи о целях устойчивого развития на период до 2030 г. [13, 14, 15, 16].

Почему это произошло? Сказалось, конечно, накопление и распространение негативной информации касательно пагубных последствий неконтролируемой эмиссии парниковых газов, ускорения таяния ледников, учащения ритма и роста деструктивной мощи стихийных бедствий, прогрессирующего обезлесивания и опустынивания, оскудения животного мира и биоразнообразия в целом. Тенденция такова, что без торможения или нейтрализации этих процессов нам придется пожинать горькие плоды гуманитарных катастроф в разных частях планеты по совокупности указанных причин либо по одной из них.

Сошлемся на несколько примеров. Аномальное отклонение среднемировых температур можно проследить за последний полтора-два столетия. Если за точку отсчета принять среднемировой показатель (в градусах Цельсия) за 1991–1990 гг., то в самом начале рассматриваемого периода (1850 г.) мы увидим уровень температур на 0.4–0.5 °C ниже линии отсчета (0). С начала прошлого века кривая пошла вверх, а затем, с конца 40-х до середины 70-х годов, образовалось своего рода “плато”. После него к началу второй декады нашего века кривая последовательно взбирается до отметки плюс +0.8 °C. Очень показательным изменением площади

арктических льдов (по данным летних сезонов). В конце 70-х — начале 80-х годов она оценивалась в 8–9 млн кв. км, сократившись к настоящему времени как минимум до 6 млн [14].

Убедительные подтверждения нарастающих рисков дает российская конкретика. Об этом говорят (и можно даже сказать кричат) две недавние катастрофы, случившиеся в конце мая — начале июня 2020 г. Речь идет о разрушении железнодорожного моста под Мурманском и разливе хранилища нефтепродуктов близ Норильска. Результат первого — блокирование основной транспортной магистрали, обеспечивающей жизнедеятельность крупного городского центра Северо-Западного региона страны и мощного портового комплекса, выполняющего стратегически важные внешнеторговые функции. Последствия второго — долговременное заражение обширной территории, повреждение флоры и фауны в экологически уязвимой тундре. На фоне банальных обстоятельств, идущих, как говорят, от “человеческого фактора” (халатность, безалаберность, отклонение от принятой технологии, злоупотребление выделенными фондами, бездеятельность представителей Росприроднадзора и т.п.), ключевой причиной в упомянутых случаях стало отступление на север границы вечной мерзлоты в процессе глобального потепления, когда фундаменты тех или иных строений конструктивно и технологически должны быть уже совсем иными. А это, учитывая продолжение глобального потепления и огромную широтную протяженность вечной мерзлоты в нашей стране, создает нам труднопреодолимый вызов на долгие годы. Впрочем, он сказывается также в Канаде и на Аляске, на норвежском севере и в Гренландии. Но при нашей географии масштаб проблемы, наверное, более значителен; особенно имея в виду стратегические планы хозяйственного освоения Севера и Арктики, а также необходимость создания здесь современной инфраструктуры безопасности.

Если обратиться к основному содержанию Парижского соглашения и Повестки 2030, то можно сказать, что первый документ призывает мировое сообщество достичь к 2050 г. “климатическую нейтральность” (баланс между объемом эмиссии и масштабом естественного поглощения парниковых газов), предлагая для этого систему коллективных и индивидуальных мер, в первую очередь ограничение эмиссии CO_2 и наращивание “зеленой” энергетики. Она, как предполагается, позволит затормозить процесс глобального потепления, не дав прибавить к средней температуре более 1.5 °C. Второй документ определяет 17 ключевых целей, реализация которых должна открыть путь перехода на платформу устойчивого развития. Здесь пропорционально представлен основной спектр признанных императивов с явным акцентом на том,

что, с одной стороны, обеспечивает исправление экономических и социальных дисбалансов, с другой — ограничивает экологическую безответственность и авантюризм в эксплуатации природных ресурсов. Отрадно признать, что в совокупности обозначенное целеполагание отвечает высоким общегуманистическим стандартам.

Оба документа, имеющие, несомненно, стратегическое значение, образуют органичное единство, перекрывая поле базовой проблематики устойчивого развития. Они симптоматично перекликаются между собой: Парижское соглашение в мотивировочной части не раз адресуется к постулатам Повестки 2030. Та в свою очередь доказательно опирается на его ключевую аргументацию.

Если подводить общий баланс предшествовавшего этапа в формировании платформы устойчивого развития, то следует обратить внимание на несколько ключевых обстоятельств. **Во-первых**, нужно иметь в виду, что в итоге однозначно возобладала **антропогенная версия** в объяснении того, что воспринимается сегодня как основная причина деградации среды обитания. Соответственно, утвердилось признание возможности торможения либо нейтрализации результатов деградации через те же факторы антропогенного свойства. **Во-вторых**, концептуальное осмысление проблематики устойчивого развития эволюционировало в русле **расширительной интерпретации** и, как представляется автору, ко второй декаде нашего века дозрело до **интегральной трактовки**. Иначе, наверное, не могло и быть, учитывая многопрофильный механизм детерминации общественного развития и объективную взаимообусловленность воздействующих на него факторов, имея в виду де-факто реализуемый ими интерактивный режим взаимоотношений. Другими словами, интегральный подход совершенно логично вытекает из интегральности, имманентно присущей механизму детерминации результатов развития.

В-третьих, обратим внимание на то, что целевые ориентиры, обозначенные Повесткой 2030, отражают собой “искусство возможного” (применительно к нынешней ситуации на мировой арене) и сочетают сугубо практические установки и прогрессивные, глубоко гуманистические настроения. Речь не идет об абсолютном новшестве. Как известно, в 2000 г. прецедентом стали “цели тысячелетия”, насчитывавшие 8 позиций. Проверка каждые 15 лет, похоже, входит теперь в практику ООН. Между тем принятые целевые ориентиры нельзя воспринимать как некую константу. Это данность очередного этапа. **Периодическая корректировка целевых ориентиров — функция времени**. Иными словами, это не “конечная станция”, а своего рода “горизонт”.

Четвертое качество, которое уже комментировалось выше. При всех “за” и “против” концепция устойчивого развития оказалась уникальным инструментом поиска и нахождения согласия в обстановке экстремальной дивергенции, характеризующей наше время уже не в идеологическом, строго говоря, смысле, но в геополитическом и геоэкономическом отношении. Именно это качество — способность дать опору согласованию позиций — обеспечило в конечном счете консенсус 2015 г. при апробации Парижского соглашения и Повестки 2030. Таким образом, именно в поле проблематики устойчивого развития обнаруживается своего рода **общий знаменатель, отсутствующий ныне на других направлениях мировой политики.**

Все сказанное не означает, что иные подходы к проблематике устойчивого развития сошли на “нет”. В ходу, особенно в публицистическом дискурсе, остаются интерпретации, апеллирующие к процессам внеземного (космического) происхождения. Есть те, кто сетует на возобладание расширительной трактовки, включающей в равной мере экономические, социальные и политические факторы, тогда как, по их убеждению, суть дела просто сводится к характеру природопользования. Так считает доктор географических наук профессор В.А. Горбанев. Он утверждает: “...учитывая ту поддержку, которую получила концепция устойчивого развития в мире и ее огромный воспитательный потенциал, видимо, нет смысла отныне от нее отказываться, но при этом всегда следует иметь в виду, что фактически речь идет о рациональном природопользовании в том или ином районе земного шара” [17, с. 403]. Таким образом, де-факто автор возвращает нас к истокам концепции устойчивого развития, к тому времени, когда она стартовала с сугубо экологических позиций. К подобному подходу более склонны представители естественных наук. Но и в этой среде сторонников расширительной трактовки становится все больше. Среди них, например, биолог В.С. Фридман, который читает в МГУ курс “Глобальный экологический кризис” [18]. Экологические проблемы, вопросы природопользования он однозначно трактует с глубоким погружением в социально-экономический контекст. Иной, довольно распространенной точки зрения придерживается экономист-международник С.А. Рогинко. Он осуждает “алармизм” сторонников перехода на стандарты устойчивого развития и антропогенной версии происхождения феномена глобального потепления. Что касается последнего, то автор относит его к разряду “виртуальных угроз”. Более того, по утверждению С.А. Рогинко, климатическая повестка используется сегодня как “квазирелигия для малообразованных масс” [18, с. 134, 136]. В свою очередь автор причисляет себя к принципиальным защитникам

российского ТЭК. И он не одинок в лояльности к нашему ТЭК в его нынешнем качественном состоянии, для которого климатическая повестка действительно звучит вызовом инерционному существованию. Но ведь мы, казалось бы, давно провозглашали императив “слезания с нефтегазовой иглы”. Выходит: если отстаивать инерционный сценарий, то придется согласиться с коллегой С.А. Рогинко. Если же принимать инновационный сценарий с настроем на приближение к целям устойчивого развития, то логика заставит отмежеваться от безоглядной лояльности традиционному укладу.

Как выглядит нынешний расклад на международной арене? Позиция администрации Д. Трампа существенно отличалась от курса времен президентства Б. Обамы. Приоритет отдавался обеспечению роста американской экономики и сохранению потенциала занятости. И с этих позиций недавнего главу Белого дома никак не беспокоила задолженность перед будущими поколениями. Именно такой мотивацией продиктовано решение Д. Трампа выйти из Парижского соглашения по климату и де-факто уклонение от выполнения Повестки 2030. Обратная сторона — демонтаж важных элементов экологического законодательства, относящегося ко времени администрации демократов. Между тем курс Д. Трампа не встретил единодушной поддержки в стране. Симптоматично, что 15 штатов, а также округ Колумбия и Пуэрто-Рико образовали “климатический альянс”, продемонстрировав альтернативный подход, соответствующий духу Повестки 2030 [19]. А новый президент США Д. Байден в ходе предвыборной кампании пообещал, что в случае победы вернет страну в число участников Парижского соглашения.

Евросоюз занимает, пожалуй, наиболее активную позицию в пользу трансформации экономики на пути, ведущем к целям устойчивого развития. Европейская комиссия в новом составе, принявшая бразды правления в Евросоюзе в начале 2020 г., во главу угла своей политики поставила “зеленый” курс, предполагающий систему стимулов и анти-стимулов для отхода от углеродоемких технологий. Среди них — чувствительное увеличение таможенных тарифов, налагаемых на импорт продукции, связанной с повышенной эмиссией парниковых газов. А это, среди прочего, угроза крупных потерь для российских экспортеров. Не торопятся зафиксировать свои обязательства два других крупных эмитента — Китай и Индия. Причина понятна: они не готовы жертвовать темпами экономического роста, обеспечивающего повышение уровня жизни и потребительской платежеспособности.

Понятно, что для большинства развивающихся стран Повестка 2030 создает противоречивый

контекст. Они, как правило, готовы следовать “зеленым” курсом, получившим признание на международной арене. Но, во-первых, без серьезных ограничений для динамики своих экономик и, во-вторых, при условии масштабного содействия “зеленой” конверсии своих хозяйственных систем со стороны государств с развитыми экономиками. Они отстаивают свое право на трансформацию национальных хозяйственных комплексов в преференциальном режиме, а также право капитализировать имеющиеся ресурсные и экологические резервы через рыночный механизм. Разумеется, нефтедобывающие страны (из числа развивающихся), привыкшие к обильным экспортным поступлениям при высокой конъюнктуре, вынуждены считаться с необходимостью смены приоритетов; тому пример ряд арабских нефтеэкспортёров.

Нет сомнения в том, что интересы ТЭК влияли и влияют на официальную позицию РФ. Иначе не может быть в условиях страны, экономика которой определяется специализацией на производствах, добывающих и перерабатывающих углеводородное сырье. Понятно, что РФ предпочитала осторожную позицию в дебатах на международной арене по вопросу о переходе на низкую углеродоемкость, на чистую энергетику, минимизирующую эмиссию парниковых газов. Вместе с тем в восприятии идей устойчивого развития РФ солидаризировалась с большинством мирового сообщества, с ориентирами общей, но дифференцированной ответственности, с принципом осознанной добровольности участия в выполнении задач, обозначенных Повесткой 2030. Всего того, без чего немислимо было достижение консенсуса на мировой арене в 2015 г.

В завершающий период своего существования правительство Д.А. Медведева в конце 2019 г. вышло с постановлением о ратификации участия РФ в Парижском соглашении об изменении климата. Позитивный подход РФ продемонстрирован Добровольным национальным обзором хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (ДНО) – первым документом подобного рода, представленным в ООН от российской стороны. Он подготовлен Аналитическим центром при Правительстве РФ в сотрудничестве с рядом российских ведомств и экспертных организаций по профилю проблематики устойчивого развития. Параллельно в интернет-пространстве появился доклад, подготовленный группой НПО, авторы которого просят не воспринимать их издание как альтернативу первому документу. Доклад предназначался для Политического форума ООН, который должен был состояться в июле 2020 г. Инициатором и организатором подготовки доклада выступила Коалиция за устойчивое раз-

витие страны (КУРС). Коалиция – общественная организация без образования юридического лица, создана на одном из Гайдаровских форумов. Если ДНО авторами доклада под эгидой КУРС трактуется как озвучивание позиции государства, то свой доклад они позиционируют как отражение настроения гражданского общества. Относительно положения дел в РФ доклад КУРС в целом выдержан в объективистски критических тонах. Обращает на себя внимание то, что в интерпретации ключевых и наиболее чувствительных тем его авторы проявляют удивительную забывчивость. Так, цель преодоления неравенства (ЦУР 8) напрочь лишена своего центрального стержня – преодоления имущественной поляризации социума. Зато обстоятельно аргументируется необходимость обеспечения прав представителей ЛГТБ. Как говорится, *no comments*.

Подводя итог предпандемийного этапа становления **концепции устойчивого развития**, ее суть можно выразить следующим образом. Развитие станет устойчивым, если будет экономически сбалансированным, социально инклюзивным и уравновешенным, экологически ответственным, биологически безопасным, институционально настроенным на соблюдение интересов большинства и уважение прав меньшинства. Если в то же время предполагается и гарантируется то, что применение оружия массового поражения будет исключено, если угаснут призывы к военным решениям международных конфликтов. И, разумеется, на такой платформе недопустима, как говорилось, задолженность перед будущим. Таков, конечно, идеал, а практика определяется и будет определяться большим либо меньшим приближением к нему [20].

ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ: ЧТО ОЖИДАТЬ И НА ЧТО НАСТРАИВАТЬСЯ?

Выступая в Экономическом и социальном совете ООН 17 июля 2020 г. на форуме “Мультилатерализм после COVID-19”, Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш дал общую оценку состояния мирового сообщества в условиях пандемии. Сегодня, по заключению Гутерриша, мировое сообщество находится в ситуации подлинного бедствия, пагубные последствия которого не будут исчерпаны в предстоящие годы. Пандемия повысила риски, идущие от экономического кризиса, и обернула вспять достижения в борьбе с бедностью, в обеспечении продовольственной безопасности и гендерного равенства, обесценила результаты продвижения на пути к другим целям устойчивого развития. Гутерриш подчеркнул, что пандемия высветила неравенство в положении отдельных стран и в соотношении между ними, про-

демонстрировала их возросшую уязвимость и не только в связи с чрезвычайной ситуацией, создаваемой угрозами общественному здравоохранению. Но одновременно, по причине климатического кризиса, вследствие слабости правовой защиты в киберпространстве и, конечно, в силу все еще очень реальной угрозы распространения ядерного оружия. Отсюда, считает генсек ООН, следует, что мы обязаны переосмыслить многие долгосрочные предположения, предпринять переоценку прежних подходов. По его мнению, мы также должны переосмыслить формы международного сотрудничества. Ведь в изменившихся условиях усилился императив укрепления и обновления мультилатерализма. Но нам, по словам Гутерриша, необходим теперь другой — “инклюзивный мультилатерализм”. И, соответственно, все это нужно учитывать при обновлении механизма глобального управления [21].

Один из важнейших уроков пандемии относится к **сфере научных исследований** и прикладных разработок. Несмотря на ставшую совершенно неоспоримой роль науки и технологии как ее продолжения в приращении “богатства народов” (по Адаму Смиту), несмотря на то, что наука, казалось бы, действительно превратилась в главную производительную силу в марксовской терминологии, вульгарно рыночный либо примитивно бюрократический подход низводит науку до массового ремесленничества. И там, где “реформаторы” преуспели, там, оказывается, трудно мобилизовать преимущества медико-биологической науки в противодействии пандемии. Та в свою очередь торжествовала и торжествует в странах, где биологическая наука и медицинская практика оказались заложниками “рыночного выбора” (США) или пленниками политических амбиций (США, Бразилия). Россия смогла воспользоваться советским наследием, не до конца растерянным, сохранившим плодотворное фундаментальное звено и давнюю традицию эпидемиологии, а также опыт быстрого реагирования на чрезвычайные ситуации (стартовавший в практике советского министра Н.А. Семашко). Выход России в лидеры в получении эффективной вакцины — закономерный результат. С другой стороны, пренебрежение охранительной практикой, мерами изоляции, массовой дезинфекции и т. п. оборачивается большой форой коронавируса. В иных случаях (Швеция) порой подводит слепая вера в превосходство своего общества по части организованности, дисциплинированности и санитарной культуры. Китай, с одной стороны, Куба, с другой, во-первых, пожинают плоды многолетней заботы о состоянии биологической науки и повышения уровня медицинской практики, а, во-вторых, имеют возможность маневрировать ресурсами централизованного директивного управления.

Уроки пандемии однозначно говорят нам о том, что в общем знаменателе, обозначенном проблематикой устойчивого развития, должно появиться важное дополнение — оценка **вызовов медико-биологической безопасности** и формула адекватного ответа. В равной мере это дополнение обязано занять должное место в задачах глобального регулирования. Причем с гораздо большей императивностью, чем это могло бы видаться в допандемийную пору.

Феномен нынешней пандемии рождает очень сильные тревоги за пределами уже давно осознанной угрозы — применения ядерного оружия. У нас невольно возникают реминисценции 50–60-х годов прошлого века, когда бактериологическое оружие трактовалось как равнозначный компонент ударных средств массового поражения. Не нужна ли нам в этой связи серьезная ревизия представлений о содержании стратегической безопасности? И, быть может, восстановление порушенной системы сдержек и противовесов, механизма международных гарантий на этом поле нужно начинать сегодня с другого угла? Итак, в полный рост встает вопрос об угрозе распространения и применения биологического оружия. Но теперь уже не самого по себе, а в **русле революции военного дела, в контексте диверсификации средств массового поражения**. Иначе говоря, в усилиях по предотвращению военной катастрофы опасно класть яйца лишь в одну “ядерную корзину”. Отсюда понятно: построение новой международной системы стратегической безопасности должно быть адекватным современному диапазону ключевых вызовов, традиционных и нетрадиционных.

Здесь мы подходим, возможно, к более масштабной теме, к теме действительно интегрального значения. Речь идет о смене технологической парадигмы, лежащей в основе уже начавшегося глобального перехода к качественно иному режиму воспроизводства экономики и общества. А что касается пандемии, то она высвечивает и позитив, и негатив **развернувшейся технологической революции**. Чаше всего — и совершенно справедливо — подчеркивается, что в ходе пандемии мощный побудительный импульс получила **цифровизация**. Она позволила активно практиковать меры, связанные с рассредоточением социума, помогла соблюдать самоизоляцию граждан и контролировать выполнение жестких дисциплинарных требований к населению и хозяйствующим субъектам. В свою очередь, полученный опыт должен послужить преодолению психологического консерватизма потенциальных пользователей, облегчив массовое вовлечение населения в мир современных коммуникаций и форсируя экспансию соответствующего рыночного сегмента.

В то же время приобщение к цифровизированной инфраструктуре большинства социума,

более масштабный охват его социальными сетями подкрепляют предпосылки формирования и роста активности **гражданского общества**. Опираясь на цифровизированный базис, оно способно существенно поднять потенциал своего влияния на выбор траектории развития, в том числе в пользу платформы устойчивого развития, подкрепить защиту институтов демократии либо, напротив, пополнить неадекватными реакциями деструктивные последствия самой пандемии, а в дальнейшем утяжелить бремя вмешательства со стороны негативных факторов более длительного действия.

Мы также видим, что пандемия, послужившая суровым экзаменом для **рынка занятости**, предвещает серьезные сдвиги в его профессиональной структуре, предупреждая о необходимости превентивных и компенсационных мер в контексте госрегулирования с целью корректировки стратегических ориентиров в системе образования и профессиональной подготовки. В свою очередь нельзя не замечать того, что, изменив структуру спроса на товарных рынках, пандемия одновременно накладывает глубокий отпечаток на **механизмы ценообразования**, подкрепляя тот эффект, который сопровождает переход к возобновляемым источникам энергии. Конечно, в российском случае дало себя знать роковое совпадение атаки коронавируса с неожиданным расторжением в начале 2020 г. соглашения в формате ОПЕК+. Расторжением, которое, похоже, оказалось результатом неадекватного восприятия расстановки сил среди основных протагонистов нефтяного рынка. Суровая действительность вернула ситуацию на круги своя, но с огромными издержками для нефтеэкспортеров. Остается надеяться на то, что этот урок не пройдет даром.

И, конечно, нельзя обойти вниманием то, что пандемия особенно ярко высветила **уязвимость современного социума**. Несмотря на достигнутые высоты технологической вооруженности, эта уязвимость может обнаруживать себя по самому широкому кругу действия деструктивных факторов и экзистенциальных угроз. В оценке последствий пандемии дело не только в выходе на арену бытия модифицированного поколения вредоносных вирусов, а в невозможности предвидения и предупреждения их мимикрии, в трудности прогнозирования вероятных атак с этой стороны. И сегодня приходится признать: в процессе усложнения систем организации экономики и жизнеобеспечения **поле уязвимости в целом расширяется**. Ведь параллельно и одновременно удлиняется линия фронта, за которой кроется вероятность спонтанного разрыва ключевых звеньев защиты этой системы, разрыва, провоцирующего скоротечные цепные реакции, несущие деструкцию и дестабилизацию. Отсюда следует императив выстраивания гораздо

более дееспособного **механизма быстрого реагирования** на разного рода прорывы и сбои. Не только на национальном и, может быть, региональном уровнях. В равной мере речь идет о соответствующей достройке механизма глобального регулирования.

Эксперты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) полагают, что в общей сложности пандемия продлится около двух лет. Так будет даже при запуске кампании массовой вакцинации. А на нее уйдет от 12 до 18 месяцев [22, p. 53]. Так что перспектива отнюдь не краткосрочна. И если пандемии рассматривать как прецедент подобных событий, как разновидность экзистенциальной угрозы и учитывать ее медико-биологическую проекцию в контексте приоритетов устойчивого развития, то совершенно необходима двоякая реакция. С одной стороны, требуется, как уже говорилось, создание **инфраструктуры быстрого реагирования**. С другой стороны, речь идет о **стратегическом планировании** на долгосрочную перспективу, которое в должной мере станет стержнем государственной политики в русле Повестки 2030. Это одинаково относится как к страновому, так и к глобальному масштабу.

Очевидно, что в условиях нынешней дивергенции на международной арене, которой сопутствует атмосфера взаимного недоверия, трудно рассчитывать на активное, а тем более “инклюзивное” сотрудничество. Его фактическое отсутствие наглядно продемонстрировало время пандемии. Врачебные десанты, дары масок и перчаток, разовые поставки аппаратов искусственной вентиляции легких в помощь другим государствам предпринимались отдельными странами, в том числе Китаем, Кубой и РФ. Но эти акции мало сказывались на общей ситуации, характеризующейся преобладанием национального эгоизма.

Уроки нашего времени, включая “критическую массу” неприемлемых **издержек национального эгоизма**, должны в конечном счете поменять вектор общественных настроений. В таком случае “стрелка часов” переводится на гражданское общество, на необходимость возникновения “нового мышления”, на которое мы в свое время возлагали благие надежды. Но они тогда, увы, не осуществились. Платформа устойчивого развития, предлагающая, как отмечалось выше, своего рода общий знаменатель и в то же время сигнализирующая о приближении к роковой черте невозврата, может скорректировать ориентиры общественного сознания, обеспечив важные предпосылки для утверждения новой философии и новой культуры. На это, конечно, хотелось бы рассчитывать. Но из категории желаемого это превратится в категорию действительного только тогда, когда в наиболее влиятельных странах современного мира они обретут права гражданства. Другая важнейшая предпосыл-

ка – конструктивное **действие государства**. Вызовы пандемии акцентировали внимание на роли государства и государственных институтов, сформировали запрос на проявление политической воли для осуществления на практике жесткой регламентации хозяйственной и общественной жизни. Уроки пандемии и опыт ее преодоления прямо говорят о том, что в подобной ситуации роль государств просто незаменима – *conditio sine qua non*¹.

Неолиберальная формула минимизации государства становится поводом для иронии и сарказма. Показательно, что в декларациях и выводах известных аналитиков и авторитетных “мозговых центров” все чаще звучат неокейнсианские мотивы. В таком ключе идет сегодня обращение к опыту президентства Франклина Делано Рузвельта. Хорошим примером служат последние доклады ЮНКТАД, а также книга известного американского экономиста Джереми Рифкина, которые продвигают идею **глобального зеленого “нового курса”** – планетарного проекта в духе рузвельтовского опыта [23]. Речь идет об отказе института государства от роли “ночного сторожа”, о мобилизации подконтрольных ему ресурсов для использования в целях масштабного перераспределения для концентрации сил и средств на поддержку устойчивого экономического роста, для нейтрализации циклических перепадов, для модернизации инфраструктуры и технологии базовых производств в русле “зеленой” конверсии. С другой стороны, согласно рузвельтовской практике, государство также несет ответственность за платежеспособность большинства и, соответственно, внутреннего рынка, за надежное состояние системы социального обеспечения.

Государство призвано активно действовать с целью вовлечения в созидательный процесс, в движение по пути устойчивого развития ресурсов частного сектора в духе Глобального договора ООН, обращенного к предпринимательству, побуждать к солидарному действию банковский и страховой бизнес. Предстоит “респонсифицировать” в этом ключе центральные банки, осуществить переориентацию налогового механизма на “зеленую” конверсию и декомпрессию социальной поляризации.

С опорой на национальное “рузвельтовское” регулирование может и должен формироваться глобальный регуляторный механизм. Наивно полагаться на радикальную перестройку системы ООН и Бреттон-Вудских институтов в обозримой перспективе. Но их соответствующая корректировка и адаптация к новой реальности, к новым вызовам неизбежны по мере созревания политической воли членов мирового сообщества.

¹ Обязательное условие (лат.).

Тень пандемии, разумеется, легла на сферу международных взаимодействий. По многим признакам на этом временном отрезке существенно спала их интенсивность. Прежде всего буквально в физическом смысле (пространственное перемещение) и, во-вторых, по части проведения трансакций политико-дипломатического свойства. Перевод на дистанционное общение, на встречи *on-line* не компенсирует потери реальной активности в сравнении с предпандемийным временем. Выше уже комментировался деглобализационный эффект пандемии. Один пример – на момент апрельского пика до 90% мирового авиапарка стояло на приколе. Пандемия не была причиной кризиса мировой экономики, не была его иницилирующим моментом, но она стала своего рода акселератором и ускорителем. Разного рода перегородки времен пандемии не только становились тормозом взаимодействий, но во многих случаях просто блокировали взаимодействие на международной арене. В то же время международные отношения деформировались деструктивными импульсами, исходившими от администрации Д. Трампа. Климат международного общения отравлялся откровенно “недипломатичной” манерой ее поведения, подрывающей основы многосторонности, стилистикой грубого давления, шельмования непокорных, тактикой шантажа и принуждения с использованием финансовых и торговых рычагов.

Наивно рассчитывать на способность мирового сообщества полностью элиминировать экзистенциальные угрозы и исключить повторение пандемической ситуации. Но мы вправе обратить внимание (как это делает Гутерриш) на использование преимуществ конструктивного международного сотрудничества. Такая позиция вытекает из глобальности вызовов, создаваемых пока преимущественно “неустойчивым” развитием мирового сообщества, а также действием природной стихии, неподвластной людскому контролю. Но при упомянутых ограничениях закономерным становится вопрос о минимизации издержек. И в решении этой задачи международная кооперация и международная солидарность способны дать высокий эффект. Так обстоит дело в теории, но, к сожалению, не на практике. Секрет в том, как сделать международное сотрудничество “инклюзивным”, к чему призывают резолюции авторитетных форумов ООН, сам генсек А. Гутерриш и просто здравый смысл, проверенный историей. Может быть, реализация проекта, заложенного Повесткой 2030 в глобальном разрезе, позволит найти убедительный ответ?

При самом тяжелом ходе событий пандемия коронавируса остается все же феноменом переходящим. Продвижение к целям устойчивого развития – долговременный процесс, требующий

адаптации к новым реалиям на каждом следующем этапе. Анализ сегодняшней ситуации приводит экспертов ЮНКТАД к однозначному выводу: успех продвижения к целям устойчивого развития обусловлен и опосредован успехом в преодолении пандемии [24, p. 9].

Завершать писание цитатой не принято, считается плохим тоном. Но уж слишком велик соблазн воспользоваться мудрым парафразом Фернан-

ду Энрике Кардозу — экс-президента Бразилии, видного латиноамериканского социолога и в свое время почитаемого профессора Сорбонны. Судите сами: “Политика не есть искусство возможного. Политика есть искусство превращения необходимого в возможное” [24, p. 238]. Его парафраз, ставший максимой, подтвержден и пандемией, и антитезой устойчивого развития. Дело теперь за “малым” — за адекватной политикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Porter C. *Adapting to a Changing Climate. How Collaboration Addresses Unique Challenges in Climate Change and Environmental Reporting*. Center for Cooperative Media, Monclair State University, July 2020. 24 p. Available at: <https://collaborativejournalism.org/wp-content/uploads/sites/8/2020/07/climate-change-caroline-porter-july-16-2020.pdf> (accessed 08.09.2020).
2. Observatorio COVID-19 en América Latina y el Caribe en tiempos de pandemia. *CEPAL*, 25 de Junio de 2020. Available at: <https://www.cepal.org/es/noticias/observatorio-covid-19-la-cepal-un-instrumento-apoyo-america-latina-caribe-tiempos-pandemia> (accessed 08.09.2020).
3. *The World in 2020*. London, The Economist, 2019. 142 p.
4. *CEPAL, Balance preliminar de la economía de América Latina y el Caribe. Santiago de Chile, 2020*. Diciembre de 2020, p. 11, 12, 23.
5. Аткинсон Э.Б. *Неравенство. Как с ним быть?* Москва, Дело, 2018. 536 с. [Atkinson E. B. *Neravenstvo. Kak s nim byt'?* [Inequality. What Can Be Done?] Moscow, Delo, 2018. 536 p.]
6. Tale of Two Crisis: Billionaires Gain as Workers Feel Pandemic Pain. Americans for Tax Fairness. *Americans for Tax Fairness*, Institute for Policy Studies, May 21, 2020. 3 p. Available at: <https://americansfortaxfairness.org/wp-content/uploads/2020-5-21-Billionaires-Press-Release-at-Two-month-Covid-Pandemic-FINAL.pdf> (accessed 08.09.2020).
7. *Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года*. Российская Федерация. Москва, 2020. 240 с. [Voluntary National Review of the Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. Russian Federation. Moscow, 2020. 240 p. (In Russ.)] Available at: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/DNO.pdf> (accessed 08.09.2020).
8. Goodbuy globalization: The dangerous lure of self-sufficiency. *The Economist*, May 16, 2020. Available at: <https://www.economist.com/weeklyedition/2020-05-16> (accessed 08.09.2020).
9. Давыдов В.М. *Детерминация развития Латино-Карибской Америки. Сопряжение глобальной и региональной проблематики*. Москва, ИЛА РАН, 2016. 72 с. [Davydov V.M. *Determinatsiya razvitiya Latino-Karibskoi Ameriki. Sopryazhenie global'noi i regional'noi problematiki* [Determination of Development of Latin America and Caribbean Area. Conjunction of Global and Regional Agenda]. Moscow, ILA RAN, 2016. 72 p.]
10. Громыко А.А. (Дез)интеграционные процессы: кризис “глобального мира”. *Обозреватель*, 2020, № 7, сс. 24-38. [Gromyko A.A. (Dez)integracionnyye processy: krizis “global'nogo mira” [(Des)integration Trends: Crisys of “Global World”]. *Obozrevatel'*, 2020, no. 7, pp. 24-38.] Available at: <https://www.instituteofeurope.ru/images/stories/structura/gromyko/2020/gromyko2020-5.pdf> (accessed 08.09.2020).
11. Amorim C. Los pergaminos del nuevo mundo. *Nueva Sociedad — Opinión*, julio 2020. Available at: <https://www.nuso.org/articulo/postales-de-un-mundo-que-cambia/> (accessed 22.10.2020).
12. *Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию*. Москва, Прогресс, 1989. 376 с. [Our Common Future. World Commission on Environment and Development. Moscow, Progress, 1989. 376 p. (In Russ.)]
13. Давыдов В.М. Устойчивое развитие как общий знаменатель. *Международная жизнь*, 2019, № 10, сс. 32-45. [Davydov V.M. Ustoichivoe razvitie kak obshchii znamenatel' [Sustainable Development as Common Denominator]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2019, no. 10, pp. 32-45.]
14. *Парижское соглашение. Организация объединенных наций. FCCC/cp/2015/L.9/Rev.1. Рамочная конвенция об изменении климата. Конференция сторон. Приложение*. Двадцать первая сессия. Париж, 30 ноября — 11 декабря 2015 г. [Paris Agreement. United Nations. FCCC/cp/2015/L.9/Rev.1. Framework Convention on Climate Change. Conference of the Parties. Application. Twenty-first session (In Russ.)] Available at: <https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/109r01r.pdf> (accessed 14.09.2020).
15. *Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года*. Резолюция ГА ООН от 25.09.2015 (A/RES/70/1). [Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. UN General Assembly Resolution of September 25, 2015 (A/RES/70/1) (In Russ.)] Available at: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (accessed 14.09.2020).
16. *Horizons 2030. Equality at the Centre of Sustainable Development*. Thirty Sixth Session of ECLAC. Mexico City, 23–27 of May, 2016. 172 p. Available at: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/40160/4/S1600652_en.pdf (accessed 14.09.2020).

17. Булатов А.С., ред. *Перспективы экономической глобализации*. Москва, МГИМО, 2019. 666 с. [Bulatov A.S., ed. *Perspektivy ekonomicheskoi globalizatsii* [Perspectives of Economic Globalization]. Moscow, MGIMO, 2019. 666 p.]
18. Фридман В.С. *Глобальный экологический кризис*. Москва, URSS-Ленанд, 2017. 442 с. [Fridman V.S. *Global'nyi ekologicheskii krizis* [Global Ecological Crisis]. Moscow, URSS-Lenand, 2017. 442 p.]
19. Рогинко С.А. В центре мировой дискуссии: проблемы климатической повестки. *Современная Европа*, 2019, № 6, сс. 127-138. [Roginko S.A. V tsentre mirovoi diskussii: problemy klimaticheskoi povestki [In the Spotlight at the World Debate: Climate Agenda Issues]. *Sovremennaya Evropa*, 2019, no. 6, pp. 127-138.]
20. Сахаров А.Г. Изменение климатической политики США и повестка дня Арктического совета. *Вестник международных организаций*, 2018, № 1, сс. 66-79. [Sakharov A.G. Izmenenie klimaticheskoi politiki SShA i povestka dnya Arkticheskogo soveta [Shift in the US Climate Policy and Arctic Council Agenda]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2018, no. 1, pp. 66-79.]
21. Давыдов В.М. *Перспективы устойчивого развития в новом глобальном и региональном контексте*. Москва, ИЛА РАН, 2020. 72 с. [Davydov V.M. *Perspektivy ustoichivogo razvitiya v novom global'nom i regional'nom kontekste* [Perspective of Sustainable Development in the New Global and Regional Context]. Moscow, ILA RAN, 2020. 72 p.]
22. United Nations Department of Economic and Social Affairs. *Sustainable Development Outlook 2020. Achieving SDGs in the Wake of COVID-19: Scenarios for Policymakers*. 13 July 2020. Available at: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/sustainable-development-outlook-2020-achieving-sdgs-in-the-wake-of-covid-19-scenarios-for-policymakers/> (accessed 80.09.2020).
23. UNCTAD. *Trade and Development Report 2019. Financing a Global Green New Deal*. UN, 2019. 174 p. Available at: <https://unctad.org/webflyer/trade-and-development-report-2019> (accessed 08.09.2020).
24. Cardoso F.H. *Crise e reinvenção da política no Brasil*. São Paulo. Companhia de letras, 2019. 240 p. [Crisis and reinvention of politics in Brazil. São Paulo. Companhia de letras, 2019. 240 p. (In Portuguese)]

**IMPERATIVES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE SHADOW
AND IN THE LIGHT OF THE PANDEMIC**

(World Economy and International Relations, 2021, vol.65, no. 3, pp. 11-22)

Received 18.09.2020.

Vladimir M. DAVYDOV (davydov@ilaran.ru),

Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, 21/16, B. Ordynka Str., Moscow, 115035, Russian Federation;

The Peoples' Friendship University of Russia, 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation.

The COVID-19 pandemic temporarily overshadowed all the previous concerns of the world community, and among them even existential challenges. The attitude towards sustainable development issues has moved into the "deferred demand" zone. The pandemic pushed the offensive and exacerbated the effect of another crisis in the global economy. At the same time, it is symptomatic that during the pandemic a significant improvement in the environmental situation was felt as a result of the reduction in greenhouse gas emissions and the release of other harmful production wastes. At the same time, the pandemic has accentuated the biomedical safety imperative and will inevitably make a corresponding adjustment to the list of top priorities for moving towards sustainable development goals. After the pause of the pandemic, the imperative of transition to a sustainable development regime will begin to act with significant intensification, bearing in mind the need to compensate for the loss of time and pace. Ensuring biomedical safety will be a special priority. The lessons of the pandemic convincingly confirm the understanding that real success in moving towards sustainable development goals in accordance with the 2030 Agenda cannot be imagined without the normalization of international relations and the establishment of broad cooperation in a global format. At the same time, the author proceeds from the integral perception of the concept of sustainable development. Summing up the pre-pandemic stage of the formation of the concept of sustainable development, its essence can be expressed as follows. Development will be sustainable if it is economically balanced, socially inclusive and balanced, environmentally responsible, biologically safe, institutionally oriented to the interests of the majority and respect for the rights of the minority. If at the same time it is assumed and guaranteed that the use of weapons of mass destruction will be excluded if the urge for military solutions to international conflicts fades. And, of course, on such a platform, debt to the future is unacceptable, as it was said. This, of course, is the ideal, and practice is determined and will be determined by a greater or lesser approximation to it.

Keywords: COVID-19 pandemic, sustainable development, global warming, bridging inequalities, biomedical security, global regulation, global green New Deal.

About author:

Vladimir M. DAVYDOV, Doctor of Economics, Professor, Academic Director of the ILA RAS, Associate Member of Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Iberoamerican Studies of the RUDN.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-11-22

КИТАЙ: ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

“ОДНОПОЛЯРНАЯ АЗИЯ”: КИТАЙСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

© 2021 г. А. Виноградов

ВИНОГРАДОВ Андрей Владимирович, доктор политических наук,
МГИМО-Университет МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (vinogradov-a.v@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 12.10.2020.

В последние годы главной ревизионистской державой мира было принято считать КНР, оспаривающую лидерство Соединенных Штатов, а соперничество двух стран в различных областях было предметом пристального внимания политиков и ученых. Сегодня стало очевидно, что не менее серьезный вызов существующему международному порядку бросает экономический и политический кризис западного мира, преодолеть который в обозримой перспективе не представляется возможным. Вопрос о том, какой международный порядок может сменить действующий, из теоретической плоскости переходит в практическую. Как правило, указывается на многополярный характер будущего мирополитического устройства, но как эта принципиально новая конструкция будет функционировать на практике — остается не ясно. В статье рассматривается эволюция китайских представлений о мировом устройстве и многополярном мире, проводятся исторические аналогии, ставится вопрос о том, насколько они могут быть востребованы и полезны в современном мире при формировании нового мирового и региональных порядков.

Ключевые слова: Китай, международный порядок, мироустроительные функции, “Один пояс, один путь”, центр и периферия, великие державы, сопредельная дипломатия КНР.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-23-32

Биполярный мир второй половины XX века и формирующийся сейчас многополярный мир XXI являются частным случаем системы международных отношений. Однако на ранних этапах истории, когда социальный порядок определялся одним цивилизационным центром, международные отношения в современном понимании отсутствовали, на первый план выходила мироустроительная функция, обуславливавшая характер отношений локальной цивилизации с соседями. Наиболее близким аналогом такого мира сегодня можно было бы назвать мир однополярный.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И МИРОУСТРОЙСТВО

Первые высокоразвитые цивилизации — Римская и Китайская значительно различались по социально-политическому устройству, но были похожи в отношениях с внешним миром. Порядок взаимодействия Древнего Китая с окружающими народами (“хуа и”) принципиально не отличался от порядка Древнего Рима, в их основе лежали взаимосвязи цивилизованного центра (“Тянься”) с варварской периферией. Только цивилизация могла утверждать и поддерживать порядок и этим отличалась от варварства. В этом пространстве суверенитет на международной арене был тождествен абсолютной государственной власти, которая выполняла мироустроительные функции, в центре успешнее, на периферии хуже. Два мира — китай-

ский и римский, *Pax Romana* и *Pax Sinica*¹, знали о существовании друг друга, но не соприкасались, поэтому собственно международных отношений между ними не было, не было и биполярности.

На протяжении столетий *Pax Romana* интенсивно эволюционировал и разлагался. В Вестфальском мире было признано множество суверенитетов, взаимодействие которых означало появление международных отношений и международного порядка. Вестфальский договор (1648), Венский конгресс (1815), Первая и Вторая мировые войны и последовавшие урегулирования установили принципы современного международного права и контроля за его соблюдением, положив начало формированию институтов глобального управления, которые наряду с государствами взяли на себя часть мироустроительных функций в системе международных отношений.

В чем отличие миропорядка от мироустройства? В современных западных концепциях миропорядка существует несколько субъектов, которые определяют свои взаимоотношения, используя категорию “суверенитет”. В китайской концепции мироустройства был только один субъект, его власть абсолютна, поэтому понятие “суверенитет” не нужно. Появление международных отношений

¹ В самом понятии *Pax* содержится единство мироустроительных функций и миропорядка или, выражаясь современным языком, однополярного порядка в мире или отдельном регионе.

в Средневековой Европе² не отменило мироустроительные функции, пространство мироустройства ограничилось одной страной, а само мироустройство приобрело вид общественного строя (формы общественного развития), который по-прежнему оказывал глубокое воздействие на международные отношения и мировой порядок. Можно сказать, что международные отношения стали формой мироустроительных функций в новой мирополитической среде.

Китайская модель регионального порядка существовала в неизменности более двух тысяч лет – в центре располагалось Среднее государство, которое источало цивилизацию и выполняло мироустроительные функции, на периферии существовали варвары. Международные отношения и мироустроительные функции не разделялись, международный порядок совпадал с мировым устройством³. Длительное существование *Pax Sinica* способствовало уточнению и совершенствованию этих представлений и в конце концов придало им вид стройной концепции, положенной в основу китайской внешней политики и дипломатии⁴. В политической культуре взаимоотношений императорского Китая с окружающими странами «нет ничего похожего на “международность”, поскольку отсутствует обычная для западного понимания структура, в которой “я” противопоставлялось “другому”» [1, с. 86].

Вторжение западных держав в середине XIX столетия разрушило этот порядок, а вместе с ним и традиционную внешнеполитическую доктрину Поднебесной. Насильственное вовлечение Китая в систему международных отношений превратило его в одну из наиболее слабых частей современного мира. В этих условиях в начале XX в. Китай был вынужден признать понятие “суверенитет”, который давал, прежде всего ему самому, возможность не мириться с неблагоприятной для него реальностью и бороться за свои права. Но, подчинившись диктату бывшей периферии и открывшись для ее влияния, Китай не потерял надежды восстановить свой прежний статус и вернуться в центр значимого для него мира⁵.

² Трудно представить, что международные отношения в современном понимании могли появиться за пределами христианского мира, представленного различными богоподобными типами субъектов социальных отношений.

³ Эта схема в европейской научной традиции разрабатывалась в теории мир-системы И. Валлерстайна.

⁴ По традиционным китайским представлениям внешняя политика и дипломатия не разделяются, что выражает, на наш взгляд, приоритет мироустроительных функций, которые реализуются дипломатическими средствами.

⁵ После проведения революции в Китае “государство с таким общественным строем будет недостижимым для других стран... Такая социальная революция, несомненно, явится примером для всех цивилизованных стран” [2, с. 117].

На протяжении всего XX в. исследователи на Западе знали о традиционной китайской модели мира, но считали ее достоянием истории, которой нет места в современности. Распад биполярного мира и появление единственной сверхдержавы создали предпосылки для воссоединения представлений о глобальном мироустройстве и международном порядке, но уже не в Китае, а на Западе, что нашло отражение в известных построениях Ф. Фукуямы. Несмотря на то что борьба США за однополярный мир отличалась по методам от традиционной китайской дипломатии, она легко укладывалась в китайскую концепцию. *Pax Americana* выглядел глобальной версией мироустроительных представлений древности, объединявших внутренние и внешние функции государств-цивилизаций.

В действительности мироустроительная роль всегда оставалась естественной функцией и содержанием цивилизации до того момента, пока она не сталкивалась с другой цивилизацией. Именно так на протяжении XIX – первой половины XX в. страны Запада вели себя по отношению к афроазиатскому миру, в не обладающих суверенитетом колониях.

В середине XX в. противостояние Запада и остального мира приняло форму биполярности, способной достаточно эффективно поддерживать международный порядок. Рождение объединенного, глобального мира к концу XX столетия подготовило предпосылки для более простой конструкции, чем многообразный мир субъектов и суверенитетов. США попытались использовать это обстоятельство для создания однополярного устройства⁶. Одновременно наметилась противоположная тенденция, от биполярного мира через постбиполярный к многополярности. У каждой из концепций была своя теория поддержания международного порядка – теория гегемонистской стабильности и теория баланса сил⁷. Как и несостоявшаяся американская однополярность, так и устройство будущего многополярного мира, вероятно, будет сильно отличаться от Вестфальского, прежде всего внутренней структурой полюсов и окружающих их регионов и, следовательно, содержанием и многообразием понятия “суверенитет” – для полюсов, регионов, стран внутри регионов и т. д., а также отношениями между ними. Уже сейчас это можно проследить в делении мира на великие, средние

⁶ В сущности, об этой связи пишет А. Богатуров, разделяя международный и мировой порядки [3, с. 6]. И это является объяснением политики “двойных стандартов”: страна, устанавливающая, “дарующая” порядок, не равна стране, подчиняющейся порядку.

⁷ К. Райс подвергала критике многополярность и настаивала на однополярности как лучшей структуре международных отношений, построенной на базе универсальных для Запада ценностей [4, с. 407].

и малые державы, которое косвенно ставит под сомнение само понятие “суверенитет” как строгую юридическую категорию. (И в свою очередь существенно расширяет понятийное пространство современных международных отношений [5].)

Стремление великих держав к однополярности и ее различные проявления в современных условиях можно рассматривать как промежуточную форму между современным миром суверенитетов Вестфальского типа и миром древних цивилизаций. Актуальность моделей мирового устройства Древнего Китая и Древнего Рима не пропала, и при определенных условиях они по-прежнему имеют право на существование, как и мир суверенитетов. Последний в этом ряду явно выделяется, поскольку возник в результате особых исторических обстоятельств, а его универсальный характер стал прямым следствием глобальной экспансии Запада и неизбежно будет подвергаться эрозии по мере углубления экономического и политического кризиса глобализации. Таким образом, все многообразие международных отношений можно расположить в пространстве, ограниченном мироустроительными функциями цивилизаций и миром суверенитетов Вестфальского типа со множеством промежуточных форм, таких, например, как федерации и конфедерации, различного рода протектораты, ассоциированные государства и территории, модель “одно государство – два строя” в Китае и т. д.

Понять и оценить перспективы эволюции нынешней системы международных отношений можно как на примере ведущей державы современного мира США, так и на примере Китая, воплощающего в качестве растущего мирового полюса некоторые важные тенденции современности и имеющего богатый опыт мироустроительных функций – цивилизационной однополярности.

МИР “ГЛОБАЛЬНОЙ ДВОЙКИ”

В основе установившейся после Второй мировой войны биполярной системы лежали разные концепции общественного развития (мироустройства) – капиталистическая и социалистическая. Такая структура давала Китаю возможность выбрать общественный строй, “примкнуть к одной стороне” и освободиться от оков старой системы, в которой он, по официальной терминологии, был “полуколонией”. Начавшаяся вскоре ожесточенная и скоротечная борьба с СССР за лидерство в международном коммунистическом движении окончилась для него поражением. Это ознаменовало разделение единого лагеря и фактически начало его разрушения. Пекин надеялся перехватить лидерство и возглавить мировой революционный процесс, но вновь был отброшен на периферию за-

падноцентричного мира, в котором соперничали сверхдержавы.

Уже в 1974 г. он представил свой проект мирового устройства [6]. Выделив Третий мир и наделив его особой идентичностью, Китай попытался разрушить биполярную конфигурацию и заявил о своих претензиях на лидерство не в мире в целом, а в отдельной его части. В основу проекта он положил единство мироустроительных функций – нового общественного строя и соответствующего ему миропорядка – интернационализма угнетенных и эксплуатируемых и борьбы с гегемонистским “первым” миром⁸. “Теория трех миров” отводила Китаю собственное геополитическое пространство и центральную роль в нем. Однако в биполярном мире развивающиеся страны и Китай не могли соперничать со сверхдержавами и их более успешными проектами мироустройства. Ни высокие нравственные принципы и моральные стандарты, культивировавшиеся в традиционном Китае, ни идеология социальной справедливости и всеобщего равенства не могли конкурировать на равных с западным превосходством в материальном, технологическом мире. Раскол социалистического лагеря и готовность КНР бросить вызов СССР были замечены США, разыгравшими китайскую карту. Оказав поддержку Китаю, Соединенные Штаты ослабили противоположный полюс, но одновременно нарушили целостность биполярной конструкции. Наметившийся в результате треугольник не привел к достижению стратегических целей Китая, который застрял между полюсами, не получив ни равенства с ними, ни своей зоны влияния, но укрепил независимость и дал шанс со временем реализовать свою миссию на периферии.

Осознание нежизнеспособности доктрины “трех миров” совпало с пересмотром партийной идеологии и началом реформ. Перенос центра тяжести работы на “социалистическую модернизацию” на 3-м пленуме ЦК КПК (1978 г.) подразумевал отказ от классовой борьбы в пользу экономического развития. На XII съезде (1982 г.) КПК заявила о смене внешнеполитической доктрины, мир и развитие были названы основными тенденциями современности, одновременно было принято решение о равноудаленности и невступлении в союзнические отношения с любой из сверхдержав. Поднебесная отказывалась от революционного переустройства мира и приоритета мироустроительных функций и соглашалась на встраивание в существующий мировой порядок на его услови-

⁸ В этой внешнеполитической стратегии видна прямая преемственность китайским традициям морального превосходства и теории классовой борьбы. Исторически первым объединить угнетенных Азии и Африки попытался СССР. Американские концепции демократического мира – не что иное, как либеральный интернационализм.

ях. Во внешней политике это означало отказ от лидерских амбиций и диктуемой ими конфронтации и переход к прагматичному курсу, направленному на взаимодействие и максимизацию экономического роста. Поиск и реализация конкурентных преимуществ в действующей системе в итоге оказались более эффективной стратегией.

Распад СССР и биполярной системы открыл для Китая новые возможности. Стратегическая неопределенность бросала вызов, но глубокая трансформация мирового порядка создавала предпосылки для повышения международного статуса самой слабой стороны треугольника. Тогда в КНР появилось выражение “вызовы рожают возможности”, в равной степени применимое и к внешней политике⁹. В этих обстоятельствах естественное, хотя и неочевидное для компартии решение предложил Дэн Сяопин, осознавший негативные последствия великодержавных амбиций, изоляции и самоизоляции Китая на международной арене. Во имя сохранения экономического роста и повышения совокупной государственной мощи он призвал отказаться от амбиций, основанных на чувстве исторического, идеологического и нравственного превосходства, сменить внешнеполитическую идентичность, не бороться за лидерство, избегать конфликта с США — “не высываться”.

На вклад этой внешнеполитической установки Дэн Сяопина в концепцию реформ обращают внимание значительно меньше, чем на положение о социалистической рыночной экономике, но ее практическое значение для их успеха невозможно переоценить. Снятие идеологических барьеров и отказ от конфронтации мироустроительных моделей позволили КПК максимально полно реализовать свои конкурентные преимущества в отношениях с Западом. Из потребности в расширении экономических связей выросли внешнеполитические доктрины добрососедства и партнерств, подчиненные задаче экономического роста [8, с. 41]. Обе доктрины обходили вопрос о лидерских амбициях и полностью соответствовали наказам Дэн Сяопина, но одновременно открывали новое пространство для деятельности. Постбиполярный порядок, лишенный антагонистических противоречий и стратегической конфронтации, идеально подходил для экономического роста. И к 2028 г. обеспечил бы превращение КНР в крупнейшую экономику мира [9, с. 69].

На рубеже 2000-х годов Китай впервые в своей истории оказался в принципиально новой ситуации. Он стал органической частью мира, занял

⁹ Этот период продолжался до смены руководства в 2012 г. Еще на XVIII съезде КПК Ху Цзиньтао подчеркивал, что “если смотреть на международную и внутреннюю ситуацию в целом, то развитие нашей страны все еще остается на стадии важных стратегических выборов” [7].

в нем выгодное положение, успешно решал стоявшие перед ним социально-экономические задачи, не противостоял действовавшему миропорядку, не бросал вызов США, хотя и занимал вместе с РФ критическую позицию в отношении Запада. В результате отказа от конфронтационной идеологии он со все возрастающей скоростью превращался во второй экономический полюс мира, становился незаменимым для мировой экономики. Мир начал движение к двоякой модели “зависимости от Китая в экономике и зависимости от США в политике” [10, р. 64], закладывая предпосылки асимметричной биполярности нового типа, природа которой еще не была до конца ясна.

Такой партнер, как Китай, лишенный глобальных амбиций, вполне устраивал Вашингтон: Китай был заинтересован в поддержании сложившегося миропорядка и не претендовал на обременительное лидерство, напоминая в этом Японию 1960–1980-х годов, а его экономический рост способствовал стабилизации международной обстановки¹⁰. В постбиполярном мире он превратился во внешнеполитическую фигуру, экономический потенциал которой можно было использовать и поэтому целесообразно было укреплять. Эта идеология обеспечила Китаю вступление в ВТО. Политика вовлечения и сдерживания, провозглашенная Б. Клинтонем, не противоречила смыслу наказов Дэн Сяопина и определяла особое место КНР в международной системе на длительную перспективу.

Новая реальность потребовала ревизии активностей. На внешней арене у Пекина было несколько приоритетов. Во-первых, обеспечить экономический рост, который диктовал невозможность отказаться от парадигмы “выжидания”, благодаря ей в 2000-е годы Китай переместился с 6-го на 2-е место в мире по ВВП. Во-вторых, сохранить независимость, не мириться с гегемонизмом одной или нескольких держав, то есть не подчиняться их мироустроительным концепциям. В-третьих, использовать свой экономический и политический потенциал для создания дружественного окружения. Эти приоритеты определяли все инициативы КНР во внешней политике в 2000-е годы. Тогда же, как отражение нового места Китая, появились первые китайские теории международных отношений, китайские международники стали предпринимать собственные попытки концептуализации миропорядка, создания “большой теории”, используя для этого традиционные для страны представления.

Концепция “мирного возвышения”, обнародованная в выступлении проректора ЦПШ Чжан

¹⁰ Следует, вероятно, напомнить, что первой в 1930–1940-е годы попыталась установить свой региональный порядок в Восточной Азии Япония, но потерпела поражение.

Бицзяня в 2003 г., описывала собственное видение места и роли Китая в новой международной реальности. Однако если значение Китая для мира на тот момент оспорить было уже сложно, то его новая роль сразу же стала вызывать вопросы, в первую очередь со стороны соседей, с подозрением воспринявших идею возвышения. Встретив негативные международные отклики, в Пекине от нее быстро отказались. Неудачная попытка опробовать новые возможности надолго отбила у руководства во главе с Ху Цзиньтао желание нарушать наказания Дэн Сяопина. Сменив концепцию “мирного возвышения” на концепцию “мирного развития”, лишенную намека на лидерские амбиции и мироустроительные функции, Китай вплоть до ухода Ху Цзиньтао старался “не высовываться” – ни после конфликта в Южной Осетии (2008 г.), который показал китайским экспертам, что однополярный мир так и не состоялся, ни после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., подтвердившего углубляющийся спад западного мира в целом, ни после превращения КНР во вторую экономику мира (2010 г.).

В качестве альтернативы возвышению в 2005 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН Ху Цзиньтао выдвинул идею строительства гармоничного мира на основе цивилизационного многообразия [11]. Это была первая и до сих пор единственная китайская концепция глобального миропорядка – мира суверенитетов и международного права, изложенная языком традиционной китайской философии. Концепция “гармоничного мира” соединила мироустроительные функции внутри государства – “гармоничное социалистическое общество” и китайский взгляд на международный порядок – “гармоничный мир”.

Как и концепция “трех миров”, возросший экономический потенциал и желание Китая играть большую роль не остались незамеченными в США. Идея мирного возвышения показала, что на горизонте вырисовывается потенциальный соперник, несущий угрозу однополярной конфигурации. В политическом истеблишменте Соединенных Штатов возникла мысль о необходимости нейтрализовать этот вызов, чтобы избежать нового глобального противостояния. Институционализировать сложившийся порядок должна была идея “Большой двойки” (в разных интерпретациях – *G2*, *Chimerica* и др.), возникшая практически одновременно с новыми китайскими концепциями международных отношений. Отвечая на новые вызовы, они должны были сохранить иерархическую систему международных отношений с американским доминированием. Ценой этого было признание особого места Китая в американоцентричном мире, облеченное в формулировку его соответствия критериям “ответственной державы”, под-

держивающей, а не нарушающей постбиполярный порядок, “державы статус-кво”.

Движение к однополярности, закрепляющее ведущую роль США, которые уже начали утрачивать свое экономическое превосходство [12, сс. 17-32], было неприемлемо для Китая, он не мог согласиться ни с безусловным лидерством СССР в международном коммунистическом движении, ни с глобальным лидерством Соединенных Штатов¹¹. Отказавшись от места в *G2*, Китай фактически отказался от участия в американском проекте мирового устройства, но надеялся сохранить существующий в рамках концепции “гармоничного мира” порядок, в котором видел себя “великой державой, способной ограничивать свои амбиции” [14, р. 28]. В действительности это была китайская формула многополярного мира, где все великие державы помимо суверенитета на своей территории обладают еще и мироустроительными функциями в своем регионе. Тогда это еще не было ясно ни в Китае, ни за его пределами.

Распад биполярности объективно усилил роль мироустроительных функций великих держав, которые должны были взять на себя часть ответственности за поддержание международного порядка. Поскольку в однополярном мире и глобальном масштабе это не удалось, то и мироустроительные функции стали концентрироваться уровнем ниже – в регионах.

НА ПУТИ К ОДНОПОЛЯРНЫМ МИРАМ

Взаимовыгодный характер китайско-американских отношений, таким образом, не исключал недопонимания на фундаментальном уровне. Это и стало настоящей проблемой многополярности – определить, где заканчиваются мироустроительные функции (свой регион) и начинается международный порядок. Для Китая взаимная выгода означала возможность ее использования для реализации своего проекта возрождения, в котором не было места политической либерализации, а рыночная экономика была эффективным инструментом, но не ценностью. В описанной реальности Китай хотел использовать полученный на международной арене экономический эффект для достижения собственных целей, признавая тем самым сложившийся международный порядок и право на мироустроительные функции на своей территории.

Параллельная, американская реальность, напротив, имела ярко выраженный мироустроительный характер. Для США глобализация была

¹¹ “Огромные регионы мира никогда не разделяли западную концепцию порядка, и лишь вынужденно соглашались с ней.... Порядок, провозглашенный и установленный Западом, подошел к поворотному моменту” [13].

естественным продолжением внешней политики биполярного противостояния, подтвердившей американское превосходство, в первую очередь в реализации мироустроительной функции — создания в качестве конечной цели либерального, рыночного, демократического мира. В этой реальности США считали, что изменения в КНР, как и в бывших социалистических странах, являются прямым следствием их мироустроительного воздействия, а не внутреннего развития, а зависящее от внешнего мира экономическое процветание Китая неизбежно приведет его к изменению идентичности. США, таким образом, видели в экономической взаимозависимости реализацию своей исключительности и мироустроительной функции в однополярном мире¹², Китай — многополярную систему с особыми отношениями между великими державами-полюсами.

Первые контакты с новой администрацией после избрания Б. Обамы президентом США давали китайской стороне основание считать, что двусторонние отношения не просто вышли на новый уровень, а обрели иной характер, отражающий возросшее влияние КНР [16, с. 46]. Перед Китаем возникла задача выстроить с единственной сверхдержавой отношения нового типа, в которых взаимная выгода и экономическое процветание не зависели бы от идеологических разногласий и лидерских устремлений. В июле 2009 г. госсекретарь США Х. Клинтон заявила, что США “возвращаются в Азию”, то есть взаимодействие двух стран неизбежно становилось еще теснее. С 2010 г. должностные лица обоих государств все чаще стали называть двусторонние отношения не просто приоритетными, а самыми главными (чжунчжун чжи чжун). В октябре 2011 г. вышла статья Х. Клинтон, в которой она утверждала, что Америка находится в “точке поворота” и должна “вернуться” к АТР как “региону будущего” [17]. Не возвращение США в Азию в качестве ключевого игрока, а ясно продемонстрированное администрацией Б. Обамы намерение создать архитектуру отношений североатлантического типа, основанную на блоковой стратегии, в которой не просматривалось самостоятельное место для Китая, настоятельно требовало определиться с характером отношений между великими державами, в первую очередь с самой главной из них. В июне 2013 г. во время визита в США Си Цзиньпин предложил создать новый тип отношений между великими державами [18] и зафиксировать таким образом движение к многополярному миру.

В целом после 2010 г. стремление Соединенных Штатов к реализации своей мироустроительной

¹² В Китае увлеченно критикуют американскую исключительность и навязываемую ими “модель мира” [15, сс. 14-24].

функции в глобальном масштабе (однополярному миру) вызывало озабоченность у Китая не меньше, чем его возвышение у США в 2000-е. КНР по-прежнему отвергала американские ценности и занимала все более твердую позицию, соответствующую ее растущим экономическим возможностям. Не малую роль в этом играли сами США, которые не только продолжали оказывать традиционную поддержку Тайваню и Далай-ламе, но и стали усиливать свое военное присутствие в Южно-Китайском море¹³ — в непосредственной близости от Китая, демонстрируя последнему и странам региона, что не воспринимают его равноправным партнером.

После переизбрания Б. Обамы на второй срок в выступлениях китайских экспертов и должностных лиц для описания взаимоотношений между двумя странами все чаще стала появляться фраза “структурное противоречие” (цзегоусин маодунь). Тем не менее Китай не оставлял надежд выстроить равноправное взаимодействие с США. Во время визита Б. Обамы в Пекин в ноябре 2014 г. Си Цзиньпин уже в качестве председателя КНР предложил построить между двумя странами “военные отношения нового типа”, в которых можно было увидеть китайскую версию G2 в АТР и уточнение высказывавшейся ранее мысли о том, что в АТР хватит места и для Китая, и для США [20, с. 403].

Таким образом, США в середине 2000-х попытались придать отношениям институциональный характер на глобальном уровне, сделать Китай привилегированным партнером, который мог бы, как и раньше, обеспечивать себе экономический рост и защиту своих “ключевых интересов”, но не имел права на стратегическую (мироустроительную) инициативу [16, с. 45]. Китай, напротив, был заинтересован в сохранении их в узком формате. Он не мог составить конкуренцию США на глобальном уровне [21] и предпочитал ограничить обсуждение вопросами двусторонних связей и проблемами региона, в котором заметно укрепил позиции и получил право на инициативу и лидерство.

Когда в начале второго десятилетия XXI в. стало окончательно ясно, что договориться Китаю и США не удастся, обе стороны пошли своим путем, парадоксально, но каждая к своей версии многополярного мира. Китай провозгласил начало строительства Экономического пояса Шелкового пути (2013 г.), обозначив новые границы своего региона, а США вышли из Транстихоокеанского партнерства, подписав в то же время новое соглашение с Канадой и Мексикой *The United States-Mexico-Canada Agreement, USMCA* (2018 г., вступило в силу 2 июля 2020 г.).

¹³ В 2010 г. госсекретарь Х. Клинтон объявила ЮКМ зоной “национальных интересов” США [19].

ОДНОПОЛЯРНАЯ АЗИЯ

Невозможность договориться с США на глобальном уровне и сохранить постбиполярную систему отношений, благоприятную для экономического роста, способную к эволюции и учету интересов Китая, отсутствие у последнего собственного глобального проекта предопределили смещение фокуса на региональный уровень, где складывались предпосылки для новых инициатив, которые были усилены начавшейся турбулентностью на глобальном уровне. В материалах XVIII съезда КПК (2012 г.) закреплялись идеи о “возвышении китайской нации” [22]. Фактически Китай от гармоничного мира и международного порядка вплотную подошел к пределу, за которым начинались великое возрождение и мироустроительные функции в качестве его неотъемлемой части. Постбиполярность оказалась несостоявшимся проектом одного полюса и одной общественной модели. Изменение реального веса Китая подталкивало его к поиску новой внешнеполитической доктрины – активной, мироустроительной, которой он следовал на протяжении большей части своей истории, и близкой официальной идеологии КПК.

Постепенно во внешней политике КНР стало расти место сопредельных стран, отражая смещение приоритетов китайского руководства с глобального, наполненного конфликтами, санкциями и торговыми войнами уровня на региональный. “Сопредельные страны, – писал Си Цзиньпин, – имеют весьма важное стратегическое значение для нашей страны как с точки зрения географического расположения и природной окружающей среды, так и с точки зрения взаимных отношений” [20, с. 401].

Для пришедшего в 2012 г. нового руководства указы Дэн Сяопина все больше становились историей. Китайское экспертное сообщество быстро уловило смену настроений: «В настоящее время внешняя политика нашей страны вступила в новый этап, в прошлом говорили о необходимости соблюдать принцип “не высовываться”, в настоящее время фактически мы уже вышли в центр международной арены» [23].

После 2012 г. Китай сформулировал новые внешние приоритеты – “сообщество единой судьбы человечества”, “дипломатия великой державы с китайской спецификой”, “новый тип международных отношений между великими державами” и таким образом внес серьезные коррективы в свою внешнеполитическую стратегию [24]. Менее чем через год после избрания новый генеральный секретарь ЦК КПК выдвинул инициативу “Один пояс, один путь”, которая означала расставание со стратегией Дэн Сяопина и возвращение к традиционной китайской концепции внешней политики, в основе которой лежат мироустроительные

функции, прежде всего в сопредельных регионах. Новый статус этой инициативы был зафиксирован на XIX съезде КПК (2017 г.), где исчезло упоминание о ШОС и БРИКС, а затем был внесен и в Конституцию КНР (2018 г.).

От активного участия в глобальном управлении в качестве ответственного участника Китай перешел к собственным стратегическим инициативам на региональном и мегарегиональном уровнях. Он не просто стал создавать благоприятные условия для внутреннего развития, о чем говорил Дэн Сяопин, а, как уже заявляют в Пекине, определяет направление прогресса человеческой цивилизации [25], направление развития эпохи¹⁴.

В результате этой инициативы Китай стал не просто партнером каждого из соседних регионов, с которыми установил особые формы сотрудничества на предыдущем этапе в рамках концепции гармоничного мира (ШОС, АСЕАН+1), а приступил к созданию собственного макрорегиона из стран Азии, Африки и части Восточной Европы, поставив себя в его центр. Основными участниками проекта стали развивающиеся государства – Третий мир, объединяющим для которого является уже не отставание от западных стран, а особая идентичность. Для Китая понятие “развивающиеся страны” не конкретно экономическое, а историческое, политическое и культурное [26].

Как и в системе “Тянься”, открытой для всех стран, любое государство может принять участие в “Поясе и пути” в полном соответствии со стратегией “большая страна – ключ, периферия – основа” [27, pp. 51-52]. Степень их участия определяется самими странами: от меры вовлеченности и близости к Китаю зависят объем их взаимной выгоды и процветание, а в будущем, возможно, и безопасность¹⁵. Это гораздо более свободная геометрия отношений является прямым продолжением мироустроительного опыта китайской цивилизации.

Появление такого проекта оказалось особенно востребовано в условиях экономического спада и протекционизма. Интерес к нему стали проявлять не только страны Азии и Африки, на которые он первоначально был рассчитан, но и Латинской Америки. Проект, по официальной версии замысливавшийся как сугубо экономический, призванный поддержать темпы роста внутри страны и сформировать новые рынки, приобрел в резуль-

¹⁴ Китайские ученые после XIX съезда прямо говорят, что КНР должна возглавить течение “великих изменений”, чтобы “стать самой сильной и современной в мире” [9, сс. 69-70].

¹⁵ В принципе, на этом же основывается и Стратегия национальной безопасности США: “Мы не собираемся навязывать другим наши ценности”, “Мы приветствуем всех, кто хочет присоединиться к нашему сообществу демократических государств” [28, pp. 37-38].

тате энтузиазма отсталых государств (периферии) и эгоизма развитых (бывших “первого” и “второго” миров) новый смысл.

Из иерархического характера китайской инициативы следует другая его важная черта. Основной структурной единицей “Пояса и пути” являются двусторонние отношения, для которых отсутствует универсальная модель, построенная на неизменном суверенитете, скрепленном двусторонними отношениями, гораздо более уязвимыми с точки зрения справедливости. “Один пояс, один путь” приобретает характер не международного проекта, а китайского мироустроительного. “В целом Пекин, – по мнению А. Богатурова, – предпочитает быть в курсе всех переговоров, но не желает связывать себя какими-то обязательствами. И это, я считаю, знак серьезности намерения дистанцироваться от всех” [29, с. 86].

Вслед за Дэн Сяопином (1974 г.) и Ху Цзиньгао (2005 г.) Си Цзиньпин впервые подробно изложил свою концепцию на ГА ООН (сентябрь 2015 г.). Как и у предшественников, в его построениях прослеживается прямая связь внутренних (мироустроительных) и внешних (международных) функций – “китайская мечта о великом возрождении” и “сообщество единой судьбы человечества”. Об этой глубокой внутренней связи, в частности, свидетельствуют высказывания Си Цзиньпина о “сопредельном сообществе судьбы”, “сообществе судьбы Азии”, “сообществе единой судьбы АТР” [30] и т. д.

* * *

Появление в лице Китая нового центра за пределами Запада вводит в мировую практику иные

представления и принципы взаимоотношений. Впервые в мировой истории на регулирование глобальных отношений стали претендовать две традиции – западная и восточная, отражающие разные представления о мироустройстве. Вызывает очевидный конфликт западного и восточного понимания того, как должно быть организовано международное пространство. Для Китая “Пояс и Путь” – это не интеграционный проект, а зона привилегированного экономического сотрудничества при сохранении отличий, которая весьма точно описывается понятием “инклюзивность”. В отличие от малых и средних государств региона у великих держав, в соответствии с этими представлениями, нет места в китаецентричном мире, поскольку отношения в нем строятся по принципу центр–периферия. Точно так же, как Китай не соглашался быть периферией западного мира, ни одна великая держава не согласится стать частью *Pax Sinica*. В первую очередь такая перспектива беспокоит Индию, увидевшую в “Поясе и Пути” проект создания “однополярной Азии” с неизбежным определением границ и переделом зон влияния.

В атмосфере углубляющегося экономического и политического кризиса западного мира Китай предлагает свое понимание целей международного развития – не справедливые международные отношения, а справедливое мироустройство [25, сс. 68–69]. Разница между ними заключается в том, что справедливые отношения подразумевают равенство субъектов, а справедливое устройство – точно определенное место субъекта в системе отношений.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Грачиков Е.Н. *Геополитика Китая: Эгоцентризм и пространство сетей*. Москва, Русайнс, 2015. 234 с. [Grachikov E.N. *Geopolitika Kitaya: Egotsentrizm i prostranstvo setei* [Geopolitics of China: Egocentrism and Space of Networks]. Moscow, Rusains, 2015. 234 p.]
2. Сунь Ятсен. Три народных принципа и будущее Китая. Сунь Ятсен. *Избранные произведения*. Москва, Наука, 1985, сс. 110–120. [Sun Yat-sen. *Tri narodnykh printsipa i budushchee Kitaya* [Three Principles of the People and the Future of China]. Sun Yat-sen. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Nauka, 1985, pp. 110–120.]
3. Богатуров А. Международный порядок в наступившем веке. *Международные процессы*, 2003, № 1, сс. 6–23. [Bogaturov A. *Mezhdunarodnyi porjadok v nastupivshem veke* [International Order at the Turn of the XXI Century]. *International Trends*, 2003, no. 1, pp. 6–23.]
4. Дегтерев Д.А. Многополярный миропорядок: старые мифы и новые реалии. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, 2019, т. 19, № 3, сс. 404–419. [Degterev D.A. *Mnogopolyarnyi miroporjadok: starye mify i novye realii* [Multipolar World Order: Old Myths and New Realities]. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2019, vol. 19, no. 3, pp. 404–419.] DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419
5. Womack B. *Asymmetry and International Relationships*. Cambridge, Cambridge University Press, 2016. 244 p.
6. 邓小平在联大第六届特别会议上发言。《人民日报》，11.04.1974. [Deng Xiaoping's Speech at the 6th Special Session UN General Assembly. *People's Daily*, 11.04.1974. (In Chin.)]
7. Доклад Ху Цзиньгао на 18-м съезде КПК. *Россия и Китай*, 30.11.2012. [Hu Jintao's Report at the 18th Congress of CPC. *Rossiya i Kitai*, 30.11.2012. (In Russ.)] Available at: <http://www.ruchina.org/china-article/china/61.html> (accessed 14.09.2020).

8. Мамонов М. Инерция и новации во внешней политике Китая. *Международные процессы*, 2010, т. 8, № 3, сс. 40-56. [Mamonov M. Inertsia i novatsii vo vneshnei politike Kitaya [Change and Continuity in China's Foreign Policies]. *International Trends*, 2010, vol. 8, no. 3, pp. 40-56.]
9. Борох О., Ломанов А. Китайский путь реформ в условиях глобализации. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 6, сс. 66-75. [Borokh O., Lomanov A. Kitaiskii put' reform v usloviyakh globalizatsii [China's Path of Reform Under Conditions of Globalization]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 6, pp. 66-75.] DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-66-75
10. 张春. 国际公共产品的供应竞争及其出路—亚太地区二元格局与中美新型大国关系建构. *当代亚太*, 2014年, 第6期, 第52-72页. [Zhang Chun. Competition over Provision of International Public Goods and Paths Forward: Polarizing Dynamics in the Asia Pacific Region and the Building of a New Type of Great Power Relationship between China and the U.S. *Journal of Contemporary Asia Pacific Studies*, 2014, no. 6, pp. 52-72. (In Chin.)]
11. 胡锦涛在联合国成立60周年首脑会议上的讲话(全文) 16.09.2005. [Hu Jintao' Speech at the UN 60th Anniversary Summit (Full Text). 16.09.2005. (In Chin.)] Available at: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_681966/zyjh_681976/t212365.shtml (accessed 14.09.2020).
12. Кузнецов А.В., под ред. *Феномен Трампа*. Москва, ИНИОН РАН, 2020. 642 с. [Kuznetsov A.V., ed. *Fenomen Trampa* [Trump Phenomenon]. Moscow, INION RAN, 2020. 642 p.]
13. Киссинджер Г. Как сконструировать новый мировой порядок. *Россия в глобальной политике*, 02.09.2014. [Kissinger H. Kak skonstruirovat' novyi mirovoi porjadok [How to create New World Order]. *Russia in Global Affairs*, 02.09.2014.] Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-skonstruirovat-novyj-mirovoj-poryadok/> (accessed 14.09.2020).
14. 罗建波. 负责任的发展中大国:中国的身份定位与大国责任. *西亚非洲*, 2014年, 第5期, 第28-45页. [Luo Jianbo. Responsible Developing Big Power: Chinese Identity and Its International Responsibility. *West Asia and Africa*, 2014, no. 5, pp. 28-45. (In Chin.)]
15. Ивкина Н.В., Трусова А.А., Черняев М.С. Китайский подход к концепции “американской исключительности”. *Международные отношения*, 2019, № 4, сс. 14-24. [Ivkina N.V., Trusova A.A., Chernyaev M.S. Kitaiskii podkhod k kontseptsii “amerikanskoi iskluchitel'nosti” [Chinese approach to conception of American exceptionalism]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, no. 4, pp. 14-24.] DOI: 10.7256/2454-0641.2019.4.31447
16. Виноградов А.В. Китайско-американские отношения в конце президентского срока Б. Обамы. *Запад—Восток—Россия 2015. Ежегодник*. Москва, ИМЭМО, 2016, сс. 45-48. [Vinogradov A.V. Kitaisko-amerikanskie otnosheniya v kontse prezidentskogo sroka B. Obama [Chinese-American Relations at the End of B. Obama's Presidency]. *Zapad—Vostok—Rossiya 2015. Ezhegodnik*. Moscow, IMEMO, 2016, pp. 45-48.]
17. Clinton H. America's Pacific Century. *Foreign Policy*, October 11, 2011. Available at: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed 14.09.2020).
18. Jin Canrong. *How America's relationship with China changed under Obama*. World Economic Forum. December 14, 2016. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2016/12/america-china-relationship/> (accessed 14.09.2020).
19. Hillary Rodham Clinton, *Secretary of State, National Convention Center*, Hanoi, Vietnam. July 23, 2010. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/07/145095.htm> (accessed 14.09.2020).
20. Си Цзиньпин. *О государственном управлении*. Пекин, Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. 630 с. [Xi Jinping. *O gosudarstvennom upravlenii* [The Governance of China]. Beijing, Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 2014. 630 p.]
21. Buzan B. China in International Society: Is “Peaceful Rise” Possible? *The Chinese Journal of International Politics*, 2010, vol. 3, no. 1, pp. 5-36.
22. 习近平等十八届中共中央政治局常委同中外记者见面. [Xi Jinping and Other Members of the Politburo Standing Committee 18th Central Committee's Meeting with Chinese and Foreign Journalists (In Chin.)] Available at: http://www.gov.cn/ldhd/2012-11/15/content_2266858.htm (accessed 14.09.2020).
23. 国防大学教授：下一艘航母决不是现在这个水平. *环球网*, 17.12.2012. [Professor of the National Defense University: the Next Aircraft Carrier is Below the Level. *Huanqiu wang*, 17.12.2012. (In Chin.)] Available at: <https://mil.huanqiu.com/article/9CaKrnJyd3w> (accessed 14.09.2020).
24. Мокрецкий А.Ч. Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина. *Международная жизнь*, 2019, № 3, сс. 29-48. [Mokretskii A.Ch. Kitaiskaya diplomatiya v epohu Xi Jinpina [Chinese Diplomacy in the era of Xi Jinping]. *International Affairs*, 2019, no. 3, pp. 29-48.] Available at: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/32019/files/assets/downloads/publication.pdf (accessed 14.09.2020).
25. Ломанов А. Внешнеполитические идеи Си Цзиньпина. *Модель развития современного Китая. Оценки, дискуссии, прогнозы*. Воскресенский А.Д., под ред. Москва, 2019, сс. 55-82. [Lomanov A. Vneshnepoliticheskie idei Xi Jinpina [Xi Jinping's Thoughts on Foreign Policy]. *Model' razvitiya sovremennogo Kitaya. Otsenki, diskussii, prognozy* [Model of development of modern China. Ratings, discussions, and forecasts]. Voskresenskii A.D., ed. Moscow, 2019, pp. 55-82.]
26. 罗建波. 中国与发展中国家关系为什么很重要? *中国投资*, 2018年, 第10期, 第30-32页. [Luo Jianbo. Why Relations Between China and Developing Countries are so Important? *China Investments*, 2018, no. 10, pp. 30-32. (In Chin.)]
27. 蒲博. 全球化时代的国际组织变迁与中国的战略选择. *教学与研究*, 2012年, 第1期, 第47-54页. [Pu Ping. Transformation of International Organizations in Globalization Era and China's Strategic Choice. *Teaching and Research*, 2012, no. 1, pp. 47-54. (In Chin.)]

28. *National Security Strategy of the United States of America*. December 2017. The White House, Washington, DC. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 14.09.2020).
29. Богатуров А.Д. Китайский угол в миросистемном управлении. *Полис. Политические исследования*, 2019, № 5, сс. 85-95. [Bogaturov A.D. Kitaiskii ugol v mirosistemnom upravlenii [The Chinese Angle in the World-system Management]. *Polis. Political Studies*, 2019, no. 5, pp. 85-95.] Available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.07> (accessed 14.09.2020).
30. 习近平首次提出亚太梦想. *人民网*, 09.10.2014. [Xi Jinping for the First Time Put Forward Asia-Pacific Dream. *People's Net*, 09.10.2014. (In Chin.)] Available at: <http://world.people.com.cn/n/2014/1109/c1002-25998800.html> (accessed 14.09.2020).

“UNIPOLAR ASIA”: CHINESE REGIONAL ORDER

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 3, pp. 23-32)

Received 12.10.2020.

Andrey V. VINOGRADOV (vinogradov-a.v@mail.ru),

Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University), 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

Acknowledgements. The research was supported by a grant from the Russian science Foundation (project no. 19-18-00142).

In recent years, the PRC was considered to be the main revisionist power in the world, challenging the leadership of the United States. The rivalry between the two countries in various fields was the subject of close attention of both politicians and scientists. Depending on how this rivalry would end, forecasts were made about the future of the system of international relations. Today it has become obvious that an equally serious challenge to the existing international order is posed by the economic and political crisis of the Western world, which cannot be overcome in the foreseeable future. The question of what kind of international order can replace the current one is gradually moving from a theoretical level to a practical one. As a rule, it is pointed out the multipolar nature of the coming world political order, but how this fundamentally new structure will function in practice remains unclear. The article emphasizes the following questions: What are the characteristics of the Chinese version of the multipolarity, does it have historical analogs, what are traditional Chinese ideas about the world structure and China's interaction with neighbors, it also argues how useful they can be in contemporary world, in the formation of a new world and regional order. The focus is on China's relations with neighboring powers, with developing countries and great powers, primarily the United States, as well as the problem of combining world-building functions and international order, which is embodied in Xi Jinping's concept "Community of common destiny of mankind" and particularly in the Belt and Road Initiative. As a result of its practical implementation, for the first time in world history, two traditions can claim to regulate global relations – Western and Eastern, reflecting different ideas about the world order and organization of international community and having their own ideas about justice.

Keywords: China, international order, world-pattern functions, "Belt and Road Initiative", center and periphery, great powers, peripheral diplomacy of the PRC.

About author:

Andrey V. VINOGRADOV, Doctor Political Science, Member of the research team of the project «multi-Factor analysis of the "Asian turn" in Russian foreign policy (achievements, problems, prospects)».

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-23-32

ДИПЛОМАТИЯ КНР: КОНТЕКСТ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

© 2021 г. Е. Грачиков

ГРАЧИКОВ Евгений Николаевич, кандидат политических наук, доцент,
Российский университет дружбы народов, РФ, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 (grachikov-en@rudn.ru).

Статья поступила в редакцию 16.10.2020.

В статье исследуется китайский академический дискурс, связанный с 70-летней историей дипломатии КНР. Автор систематизирует *китайский* взгляд на теорию и практику дипломатических стратегий Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина, их периодизацию и содержание. Уделено также внимание современным формам дипломатии Китая. Статья строится главным образом на *китайских* монографиях и статьях.

Ключевые слова: дипломатия КНР, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Си Цзиньпин, независимые переменные китайской дипломатии, дипломатия великой державы, новые формы дипломатии.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-33-41

За 70 лет дипломатия Китайской Народной Республики прошла два больших 30-летних цикла, связанных с именами Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина – руководителей страны первого и второго поколения. Дипломатию Мао Цзэдуна характеризуют такие черты, как идеология и стратегия вступления в союзы. Дипломатию Дэн Сяопина отличают экономическая направленность и стратегия невступления в союзы. Си Цзиньпин с 2013 г. активно проводит “дипломатию великой державы” [1, pp. 441-452] и геэкономический проект “Один пояс, один путь” [1, pp. 497-520]. Внесение в Устав КПК (утвержден 24.10.2017) “идей Си Цзиньпина” наряду с “идеями Мао Цзэдуна” и “теорией Дэн Сяопина” свидетельствует не только об особом статусе самого Си, но и легитимизации на самом высоком уровне нового этапа дипломатии КНР [2, p. 119].

Цель статьи – попытаться представить по возможности (учитывая ограниченный формат) достаточно полную систематизацию библиографии, дипломатических стратегий и современных форм дипломатии Китая, в том числе дипломатию великой державы Си Цзиньпина, а также затронуть некоторые вопросы дипломатической теории страны. В статье исследуется *китайский* взгляд на историю современной дипломатии КНР, отраженную в *китайском* академическом дискурсе, партийных документах КПК и выступлениях руководителей с некоторым привлечением иностранных источников. Для анализа в основном использованы издания двух авторитетных мозговых центров: журнал “Современные международные отношения” (выходит на двух языках – *Contemporary International Relations* и *现代国际关系*) Китайской академии современных международных отношений (КАСМО) и журнал “Мировая экономика и политика” (*世界经济与政治*) Китайской академии общественных наук за пери-

од с 2000 по 2019 г. с включением некоторых более ранних статей, а также китайские монографии по дипломатии КНР. Аффiliation авторов работ, отраженных в библиографии данного исследования, свидетельствует, что они представляют ведущие китайские учебные и научные организации и основной контекст академического дискурса.

Под *дипломатией* в китайском академическом сообществе понимается мирное осуществление суверенитета страны во внешних отношениях через действия своих официальных представителей/представительств, управление отношениями с другими государствами и участие в международных делах. Это важный для Китая инструмент отстаивания собственных интересов и осуществлению своей внешней политики. Различные национальные интересы и внешняя политика определяют различную природу, содержание и особенности дипломатии государства, которые формируют различные ее формы [3, p. 2045].

Статья состоит из трех разделов. В первом излагаются некоторые элементы китайской дипломатической теории, во втором дается периодизация истории дипломатии страны и в завершающем разделе представлены основные формы ее современной дипломатии и главное содержание дипломатии великой державы Си Цзиньпина. Статья является своего рода *введением* в 70-летнюю историю дипломатии Китая, в которой обозначены основные ее коннотации.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

В КНР пока не сложилась целостная дипломатическая теория, которая представляла бы кон-

сенсусный взгляд китайских ученых-международников. В академическом сообществе идет процесс осмысления текущей дипломатической практики, ее концептуализация с использованием как внешнеполитической традиции доциньского периода, так и современных подходов. Например, в теоретическом разделе коллективной монографии под редакцией Ян Цземяня “Дипломатия Китая: теория и практика” исследуются такие проблемы, как взаимосвязанность дипломатии с концепциями времени, международной системы, национальных интересов и развития страны [4, pp. 3-244]. После прихода к власти Си Цзиньпина в авторитетном издании канцелярии Госсовета КНР “Интерпретация новой философии китайской дипломатии” Е Цзычэн исследует девять новых концепций Си Цзиньпина: тренд времени версии 3.0 – мир, развитие, сотрудничество и взаимовыгода; новые международные отношения с сотрудничеством и взаимовыигрышем в качестве основы; человеческое сообщество единой судьбы; новая концепция государственных интересов; новая концепция безопасности: всесторонняя, общая, кооперативная; новое ориентирование на человека как глобальное видение; интеграция БРИКС; дух Шанхая – китайский подход к организации регионального сотрудничества; дружественный подход к проблеме различий [5, сс. 92-123]. В статье “Введение в политическую теорию китайских внешних отношений” Су Чанхэ рассуждает о политико-теоретическом формате международных отношений/дипломатии КНР. В частности, он рассматривает влияние китайской политической философии на дипломатию, предлагает свое “понимание политики партии, правительства, демократии и внутрисоветской институциональной организации с точки зрения китайской политической теории и их дипломатическое воплощение” [6, p. 4]. Ранее в другой статье “От отношений к симбиозу: культурная и институциональная интерпретация китайской теории дипломатии великой державы” Су Чанхэ пытается соединить два современных подхода: “реляционную теорию мировой политики” Цинь Яцина и концепцию международного симбиоза шанхайской школы, то есть *guanxi* (关系) и *gongsheng* (共生) – отношения и симбиоз, которые представляют культурные (文化) и институциональные (制度) элементы китайской теории дипломатии великой державы (中国大国外交理论) [7, pp. 5-25]. В отличие от Су Чанхэ, который “соединяет” различные подходы в китайской международной мысли, Цинь Яцин акцентирует внимание на различиях, в частности, логики дихотомии структурного реализма Янь Сюэтуна и своего процессного конструктивизма с логикой “преемственности через измененность” (*continuity through change*) [8, pp. 285-314].

Рассмотрим постоянные константы дипломатии Китая, которые имеют практический интерес

как для ученых-теоретиков, так и для политиков-практиков (*decision-makers*).

Независимые переменные дипломатии КНР

1. **Дипломатические стратегии.** Концептуализация внешней политики КНР в виде дипломатических стратегий (外交战略), которые отражают традиционную политическую философию и практику внешних сношений древнего Китая, берет свое начало еще в эпоху “Воюющих царств” в виде стратагем (а затем стратегий) [9, pp. 154-173]. Дипломатические стратегии – это выработанный курс, линия и стратегия защиты национальных интересов страны, осуществляемая в процессе межгосударственного взаимодействия и взаимосвязи в определенный период времени и в зависимости от национальных условий. Они включают политические, экономические, культурные, этнические и другие стратегии выживания, связанные с развитием страны [10]. Дипломатические стратегии – это общий замысел, комплексный расчет и всеобщий план действий дипломатией как самостоятельным субъектом [11, pp. 97-90]. Вся история дипломатии Китая представляет собой естественный процесс постоянной смены дипломатических стратегий [12, pp. 290-306]. Внешнеполитическая практика КНР до 1978 г. показала, что краткосрочные дипломатические стратегии продолжительностью около 10 лет (например, стратегия “склониться в одну сторону”) являются составной частью долгосрочных стратегий, охватывающих 30 и более лет (например, стратегия “вступления в союзы”, а сейчас – “китайская мечта” или “две столетние задачи”) [13, p. 290], которые в свою очередь всего лишь “небольшой раздел” великой стратегии Китая (中国大战略). Под *великой стратегией Китая*, по определению президента Китайской академии современных международных отношений Юань Пэна, понимается “воплощение идеалов и политики, которые представляют собой обеспечение долгосрочного руководства будущим страны, выходящим за пределы индивидуальных организаций или политических партий и устраняющим демаркационную линию между внутренними и международными делами” [14, p. 3]. Великая стратегия – это огромная стратегическая система (庞大的战略体系), включающая ряд взаимосвязанных и различных стратегий, объединяющих государственную долгосрочную грандиозную цель – превращение Китая в мировую державу [15, p. 2].

Между краткосрочными стратегиями наблюдаются трехлетние периоды урегулирования дипломатии КНР, которые появлялись между кардинальными сменами дипломатических стратегий. Так было, к примеру, с 1976 по 1979 г. после хаоса “культурной революции”. Через два десятилетия такая же трехлетняя пауза произошла с 1989

по 1992 г. и была связана с внутренними беспорядками и внешним давлением в виде “западных коллективных санкций” [14, р. 9]. Сюда же можно отнести 2009–2012 гг., когда происходило переосмысление руководством страны места и роли Китая в международных отношениях после мирового финансового кризиса и осознание начала процесса “упадка” США и “возвышения” Китая, который получил даже собственное название – период “триумфализма” – достаточно жесткий подход КНР к некоторым международным проблемам (копенгагенские переговоры по климату, ситуация в Южно-Китайском море и др.), связанным с преждевременной самоуверенностью Пекина в своей военно-экономической мощи [16, pp. 3-5].

2. Национальные интересы Китая, включающие защиту суверенитета и территориальной целостности, поддержание внутренней стабильности, экономического роста и обеспечение статуса Китая как великой державы, которые оставались довольно последовательными и неизменными в течение десятилетий [17, 18]. С ростом экономической мощи и экспортных возможностей, как замечает Сюй Цзя, шел медленный процесс “раздвижения” границ национальных интересов КНР за пределы ее государственных границ [19, р. 19]. Е Сяоди при анализе китайских национальных интересов использовал подход неоклассического реализма, взяв в качестве независимой переменной структуру силы (*power structure*) и промежуточных переменных – стратегическую ориентацию Китая и реакцию приграничных/периферийных/соседних стран. Опираясь на соотношения этих трех переменных смещение/транзит национальных интересов, он категорировал их как “оборонительные национальные интересы”, “конструктивные национальные интересы” и “сопоставительные коренные интересы” с расширением пространства применения от внутренних и региональных до межрегионального и мирового уровней. За последние 40 лет, считает Е Сяоди, произошел следующий транзит национальных интересов Китая: в 1980–1990-х годах наблюдались биполярность и оборонительный национальный интерес; с 1991 по 2010 г. – однополярная система и конструктивный национальный интерес; в 2011–2017 гг. – тенденция к многополярности и сопоставительные коренные интересы Китая [20, pp. 76-115]. Соответствующим образом менялось китайское внешнеполитическое поведение/дипломатия от “участника” до “лидера” мировой политической системы.

3. Взаимоотношения КНР с двумя великими державами – СССР/РФ и США, которые всегда оказывали существенное влияние на выработку конкретных дипломатических стратегий (“склониться в одну сторону”, “одной линии”) [13], что связано с древними китайскими представи-

ями о необходимости попеременного, с учетом внутренних и внешних факторов, использования в своих интересах “ближних” (СССР/РФ) и “дальних” (США) стран для достижения своих национальных целей [21, pp. 57-77, 83-86]. О значимом месте России в современной дипломатии Китая говорит тот факт, что РФ является единственной страной со статусом его “глобального стратегического партнера” и фактического союзника в глобальном противостоянии с США.

Особое, если не исключительное место в дипломатии КНР последние 40 лет занимают взаимоотношения с США, парадигму развития которых задал лично Дэн Сяопин. Юэ Цзюнь, например, пишет: “Дэн Сяопин полагал, что китайская модернизация, в контексте китайско-американских отношений, является главным внешним фактором, тесно связанным с процветанием страны” [22, р. 88]. По откровенному признанию Юань Пэна, “без китайско-американской нормализации не было бы никаких многосторонних реформ и политики открытости. Нормализация двусторонних отношений оказала влияние на ситуацию в КНР и за ее пределами, это влияние остро ощущается во внутренней, политической, экономической и социальной жизни страны. С тех пор эта траектория прослеживается до сегодняшнего дня” [23, pp. 4-5]. Эта “добровольная” зависимость от Соединенных Штатов, желание не испортить отношения в наши дни показали явную методологическую слабость и стратегический просчет китайской дипломатии, которая оказалась не совсем готовой к напористой “торгово-санкционной” дипломатии Д. Трампа. Чем бы и как бы ни закончились “войны” с Вашингтоном, Пекину потребуется не один год для “импортозамещения” США в своей внешней политике и дипломатии, переориентации “американской части” внешней торговли на рынки других регионов мира.

Одной из особенностей современной китайской дипломатии является глобальный характер ее стратегии партнерских отношений, охватывающей все мировое политическое и экономическое пространство [24, pp. 83-93]. Новая черта дипломатии Китая последних пяти лет – явное его стремление поменять свой статус в глобальном управлении с принимающей нормы и правила (*norm-taker*) к их созданию (*norm-maker*) [25, pp. 74-106; 26, pp. 103-136].

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИИ КНР

Многие китайские ученые историю дипломатии КНР условно делят на два больших периода, связанных с историей социально-политического развития страны: 1949–1978 гг. и 1979 г. – настоящее время, где 3-й пленум ЦК КПК (декабрь 1978 г.), на котором Дэн Сяопин объявил о на-

чале политики реформ и открытости, становится историческим рубежом кардинального изменения внутренней и внешней политики Китая, выразившейся в смене самой парадигмы его дипломатии. Каждый автор старается дать свою интерпретацию этих этапов. Так, например, декан факультета дипломатии Института международных отношений Пекинского университета Е Цзычэн называет первый период дипломатической стратегией заключения союзов, а второй период — стратегией невступления в союзы [15, р. 23]. Цзи Пэнфэй и Ли Баочжень, исходя из идеологических установок КПК, говорят о дипломатии “первых 30 лет” (*前三十年*), 1949–1978 гг., которой руководило первое поколение китайских лидеров во главе с Мао Цзэдуном, и дипломатии “последующих 30 лет” (*后三十年*), 1979–2012 гг., которую осуществляло второе поколение во главе с Дэн Сяопином и его преемниками [27, pp. 5–6].

Президент КАСМО Юань Пэн рассуждает о “дипломатическом менталитете” и утверждает, что стержнем дипломатии Мао Цзэдуна была “философия борьбы” (*struggle philosophy*). 100 лет национального унижения, 50 лет революции, 10 лет “культурной революции”, соответствующая международная среда, идеология, национальные чувства, по его мнению, определяли борьбу как главное содержание дипломатии КНР с момента ее образования. Дипломатия борьбы сохранялась еще долгие годы после холодной войны [28, р. 8]. Дипломатию Дэн Сяопина Юань Пэн называет дипломатией “самоограничения” и “скромных действий”, где первое было стратегией, а второе — тактикой. В начале XXI в. с ростом экономической мощи и распространением национальных интересов далеко за пределы государственных границ эта дипломатия стала пересматриваться в сторону формулирования концепта “гармоничного мира” [28, р. 9, 10].

Второе десятилетие XXI в. демонстрирует новое осмысление истории дипломатии КНР и отказ от подходов китайских ученых старшего поколения. Например, “Практический справочник по международным отношениям”, вышедший в 2013 г., рассматривает генезис современной дипломатии Китая как пять периодов развития. Первый охватывает время с момента образования КНР (1949 г.) и до середины 1950-х годов, который называется “дипломатией трех больших политик” (*外交三大决策*): “чисто прибраться в доме, а затем приглашать гостей” (*打扫干净屋子再请客*); второй: середина 1950-х — конец 1960-х годов, который связан с политикой “против империализма (США) и ревизионизма (СССР)”; третий: конец 1960-х — конец 1970-х годов — политика “одного фронта” с США против СССР; четвертый: начало 1980-х — конец XX столетия [29, р. 151], когда Китай стал публично подчеркивать, что “не устанавливает ни с одной

великой державой стратегические отношения, не опирается ни на одну великую страну и в международных делах отстаивает собственный подход и собственную позицию”; пятый: начало XXI в. — настоящее время — КНР отстаивает международный порядок мирного сосуществования и гармоничный мир совместного развития [29, pp. 151–184].

Близко к этой периодизации представлена история дипломатии Китая в работе Чжан Лили “Краткая история современной китайской дипломатии (1949–2014 гг.)”, которая используется многими материковыми институтами в качестве основного учебника. Процесс становления и развития дипломатии страны Чжан видит в семи достаточно коротких временных отрезках: дипломатическая работа начального периода после образования КНР (1949–1955 гг.), постепенное развитие дипломатии нового Китая (1956–1965 гг.), дипломатия в особый период (1966–1977 гг.), дипломатия исторически новой эпохи политики реформ и открытости (1978–1989 гг.), дипломатия по отстаиванию мира и стимулированию экономического развития (1990–2002 гг.), дипломатия по претворению в жизнь политики “гармоничного общества” (2003–2008 гг.), дипломатия “сотрудничества и взаимовыгоды” (2009–2014 гг.) [30]. Самый современный период китайской дипломатии (2009–2017 гг.) связывается с отказом от выдвинутой Дэн Сяопином стратегии “вести себя скромно” (*韬光养晦*) и постепенном введении в практику стратегии “стремиться к достижениям” (*有所作为*) [31, pp. 285–314], под которым понимается переход от сугубо экономической прагматики к получению политических дивидендов в виде поддержки своих коренных национальных интересов, который стал особенно заметен с приходом к руководству страной Си Цзиньпина. Дипломатию Си Цзиньпина правомерно назвать дипломатией великой державы, о которой он говорит во втором томе своей работы “Об управлении государством” [1, р. 441]. Работа проректора Дипломатического института Ван Фаня посвящена исследованию генезиса появления “дипломатии великой державы” [32].

Обращает на себя внимание сильный идеологический компонент работ, рассчитанных на зарубежную научную общественность. Так, во введении коллективной монографии на английском языке ученых Шанхайского института международных исследований “Дипломатия Китая: теория и практика” под редакцией Ян Цземяня говорится о трех “мирных” периодах: “дипломатии мирного освобождения” (1921–1949 гг.), “дипломатии мирного сосуществования” (1949–1979 гг.) и “дипломатии мирного развития” (1979 г. — настоящее время) [4, pp. 3–244]. С этим сложно согласиться, поскольку Китай прошел через 14-летний период борьбы с японской оккупацией, трехлетнюю гражд-

Таблица 1. Периодизация дипломатических стратегий КНР, 1949–2012 гг.

Стратегии	Стратегия вступления в союзы. Философия борьбы (Мао Цзэдун и его преемник Хуа Гофэн)	Стратегия невступления в союзы. Философия самоограничения (Дэн Сяопин и его преемники: Ху Яобан, Чжао Цзыян, Цзян Цзэминь, Ху Цзинтао)
Стратегия “склониться в одну сторону” “一边倒” 战略	1950-е	
Стратегия борьбы “против ревизионизма и империализма” “反修反帝” 战略	1960-е	
Стратегия “одного фронта” “一条线” 战略	1970-е	
Стратегия “приглашения к себе” “请进来” 战略		1980–1990-е
Стратегия партнерских отношений “伙伴关系战略” 战略		1993 г. – наст. время
Стратегия “выхода за рубеж” “走出去” 战略		2001 г. – наст. время

Составлено автором по: [15, р. 23; 33, pp. 91-10; 34, pp. 1-17; 35, р. 9; 36, pp. 21-46; 37, pp. 1-40; 38; 28, pp. 1-26].

данскую войну, непосредственное участие в корейской войне, пограничные конфликты с Индией, СССР, Вьетнамом, поэтому слово “мирный” в данном контексте выглядит несколько странным.

С учетом изложенного можно представить историю дипломатии КНР в виде истории дипломатических стратегий (табл. 1).

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ДИПЛОМАТИИ КНР

В китайском академическом сообществе международников не существует единого подхода по вопросу форм и методов дипломатии своей страны, поэтому в данной статье представлены различные взгляды, которые тем не менее дают комплексное видение о новых формах современной дипломатии КНР (табл. 2).

В поле зрения китайских ученых также находятся проблемы современной дипломатии [38], проводятся кейс-исследования [39, 40], изучаются характеристики дипломатического соперничества в международных финансовых институтах [41, pp. 112-138], приграничной дипломатии [42, pp. 37-55], дипломатии городов [43], международной системы и китайской дипломатии [44], отношений великих держав и дипломатия Китая [45], китайской дипломатии в мировой политике [46], модели принятия решений в дипломатии Китая [47], международной дискурсивной силы Китая [48, pp. 19-43], спортивной дипломатии [49, pp. 55-60]. В этом многообразии работ обращает на себя внимание исследование Чжао Кэцзиня “Введение в нетрадиционную дипломатию”, в котором он дает свое понимание содержания китайской дипломатии. Автор выделяет три составляющие: политическая дипломатия (дипломатия глав государств, дипломатия конференций, партийная дипломатия), специализированная дипломатия (экономическая, военная, судебная, гуманитарная [50, р. 21], мозговых центров) и социальная дипломатия (дипломатия городов, корпораций, СМИ, сетевая, неправительственных организаций, религиозная).

Особую роль во внешнеполитической деятельности государства играет дипломатия руководителей КНР. Эта тенденция многократно возросла при Си Цзиньпине с его инициативами, которые вплетены в его концепцию “дипломатии великой державы” и глобального управления (отражено в табл. 3).

При Си Цзиньпине китайская дипломатия претерпела множество изменений. Но единого мнения о природе, масштабах, сути и направлениях этих изменений пока нет. Интересным представляется изучение проблемы соотношения изменений и преемственности во внешней политике Китая под руководством Си Цзиньпина через призму его широко пропагандируемой формулировки “дипломатия великой державы с характерными китайскими особенностями”. Прослеживая эволюцию, проявление и причины формирования этой дипломатии, многие, в том числе Янь Сюэтуан, утверждают, что дипломатия Си является явным отходом от стратегии Дэн Сяопина. В то же время приверженность коренным интересам национальной безопасности затрудняет реализацию его глобальных проектов. В этом отношении, пишет Ван Цзиньвэй, стакан остается наполовину полным и наполовину пустым. Это противоречие провоцирует критику дипломатии Си Цзиньпина внутри страны [51].

В Китае можно выделить три направления/школы, стремящиеся объяснить коренные национальные интересы дипломатии государства, которые играют определяющую роль в его поведении на международной арене. Это подъем КНР, ставший под сомнение баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, внутреннее давление со стороны растущего китайского национализма и смена руководства. Первая школа полагает, что предложение о коренных интересах является побочным продуктом растущей мощи Китая, поскольку его подъем изменил существующую структуру власти в Азиатско-Тихоокеанском регионе и сам характер совре-

Таблица 2. Основные формы и библиография современной дипломатии КНР

Название	Основная литература
Дипломатия партнерских отношений	金正昆：伙伴战略：中国外交的理性选择 // “教学与研究” ，2000年第7期，第65-77页 [Jin Zhengkun. Partnership Strategy: The rational choice of Chinese diplomacy. <i>Teaching and Research</i> , 2000, no. 7, pp. 65-77 (In Chin.)]; 洪华，刘笑阳：“中国伙伴关系战略评估与展望” . “世界经济与政治” ，2015第2期第65-96页 [Mei Honghua, Liu Xiaoyang. Partnership Strategy of China: Progress, Evaluation and Prospects. <i>World Economics and Politics</i> , 2015, no. 2, pp. 65-96 (In Chin.)]; 孙学峰，丁鲁：“伙伴国类型与中国伙伴关系升级” // “世界经济与政治” ，2017第2期第54-76页 [Sun Xuefeng, Ding Lu. Explaining the Upgrading of China's Partnership: Pivot Partners, Broker Partners and Beyond. <i>World Economics and Politics</i> , 2017, no. 2, pp. 54-76 (In Chin.)]; Struver G. International Alignment between Interests and Ideology: The Case of China's Partnership Diplomacy. <i>The Chinese Journal of International Politics</i> , 2017, vol. 10, no. 1, pp. 31-66.
Публичная дипломатия	周鑫宇：“公共外交的“高政治”探讨：权力运用于利益维护” // “世界经济与政治” ，2015第2期第96-110页 [Zhou Xinyu. Discussion on the “High Politics” of Public Diplomacy: The Application of Power to the Maintenance of Interests. <i>World Economics and Politics</i> , 2015, no. 2, pp. 96-110 (In Chin.)]; Niu Qin, Zhong Xin. A Bibliometric Analysis of Public Diplomacy Research in China. <i>Contemporary International Relations</i> , 2015, vol. 25, no. 3, pp. 35-50; 世界新公共外交模式与趋势 / 李华 著。-北京：时事出版社，2017年版第302页 [Li Hua. <i>New Public Diplomacy in the World: Patterns and Trends</i> . Beijing, Current Affairs Press, 2017. 302 p. (In Chin.)]; 公共外交：多元理论舆论战略研究 / 王莉丽著。-北京：中国社会科学出版社，2018年版第253页 [Zhang Lili. <i>Public Diplomacy: Pluralistic Theory and Opinion Strategy</i> . Beijing, Chinese Social Science Press, 2018. 253 p. (In Chin.)]; 新时代中国公共外交与民间外交：理论与实践 / 姚遥著。-北京：世界知识出版社，2019年版第356页 [Yao Yao. <i>Public and Peoples Diplomacy in New Era: Theory and Practice</i> . Beijing, World Knowledge Press, 2019. 356 p. (In Chin.)]
Экономическая дипломатия	Zhang Xiaotong, Wang Hongyu. <i>China's Economic Diplomacy (2002-2012)</i> . London, ACA Publishing Ltd, 2015. 235 p.; Chi Zhang. <i>The Domestic Dynamics of China's Energy Diplomacy</i> . Singapore, World Scientific Publishing Co, 2015; 李巍，朱红宇：外交关系与人民币离岸市场的发展 // “世界经济与政治” ，2017底期第107-138页 [Li Wei, Zhu Hongyu. Diplomatic Relations and Renminbi Offshore Markets Development. <i>World Economics and Politics</i> , 2017, pp. 107-138 (In Chin.)]; 孙怡，孙宇辰：中国经济伙伴网络中的多重制度联系 // “世界经济与政治” ，2019年第4期，第101-128页 [Sun Yi, Sun Yucheng. Multiple Institutional Relationships in China's Economic Partnership Network. <i>World Economics and Politics</i> , 2019, no. 4, pp. 101-128 (In Chin.)]
Культурная дипломатия	世界大国（地区）文化外交。中国卷 / 赵毅，赵剑 著。-北京：世界知识出版社，2014年385页 [Zhao Yi, Zhao Jian. <i>Cultural Diplomacy of World Powers</i> . China, Beijing, World Knowledge Press, 2014. 385 p. (In Chin.)]; 中美文化外交比较研究：以“和谐世界”和“民主联盟” / 张宇权著。-北京：时事出版社，2013年第251页 [Zhang Yuquan. <i>A Comparative Study of Sino-US Cultural Diplomacy</i> . Beijing, Current Affairs Press, 2013. 251 p. (In Chin.)]
Многосторонняя дипломатия	中国外交与国际发展战略研究 / 胡树祥主编。北京：中国人民大学出版社，2009年版第351页 [Hu Shuxiang, ed. <i>China's Diplomacy and Strategy of International Development</i> . Beijing, China People's University Press, 2009. 351 p. (In Chin.)]; 中国多边外交 / 郑启荣，牛仲君 主编。-北京：世界知识出版社，2012年第288页 [Zheng Qirong, Niu Zhongjun, eds. <i>Chinese Multilateral Diplomacy</i> . Beijing, World Knowledge Press, 2012. 288 p. (In Chin.)]; Zhou Shuchun. <i>Civilization in Transition and China's World Dream</i> . Beijing, Foreign Languages Press, 2014. 292 p.
Военная дипломатия	韩献栋，[韩]金。中国军事外交与安全 // 现代国际关系2008年第2期第47-54页 [Han Xiandong, Kim Soonsoo. China's Military Diplomacy and New Conception of Security. <i>Contemporary International Relations</i> , 2008, no. 2, pp. 47-54 (In Chin.)]; 当代中国军事外交：历史与现实 / 张芳 著。-北京：时事出版社，2014年版第436页 [Zhang Fang. <i>The Contemporary Chinese Military Diplomacy: History and Reality</i> . Beijing, Current Affairs Press, 2014. 436 p. (In Chin.)]; Kenneth A., Saunders Ph.C., Chen J. <i>Chinese Military Diplomacy, 2003-2016: Trends and Implications</i> . Center for the Study of Chinese Military Affairs Institute for National Strategic Studies National Defense University. Washington, D.C., National Defense University Press, 2017. 84 p.
Партийная дипломатия	中国特色政党外交 / 于洪君主编。-北京：社会科学文献出版社，2017年版第266页 [Yu Hongjun, ed. <i>Party-to-Party Diplomacy with Chinese Characteristics</i> . Beijing, Social Sciences Academic Press (China), 2017. 266 p. (In Chin.)]; 钟准：把政党找回来——政党与对外政策 // “世界经济与政治” ，2019年第2期第33-52页 [Zhong Zhun. Bringing the Party Back In: Multi-Party, Two-Party and One-Party Systems in the Politics of Foreign Policy. <i>World Economics and Politics</i> , 2019, no. 2, pp. 33-52 (In Chin.)]
Сетевая/ВЕБ дипломатия	唐小松，黄忠：轮信息时代的网络外交 // 现代国际关系2008年第6期第53-58页 [Tang Xiaosong, Huang Zhong. Web Era and Web Diplomacy - A New Realm of Foreign Policy Studies. <i>Contemporary International Relations</i> , 2008, no. 6, pp. 53-58 (In Chin.)]; 赵可金：网络外交的兴起：机制与趋势 // “世界经济与政治” ，2011年第5期第113-159页 [Zhao Kejin. The Rise of Cyber Diplomacy: Mechanisms and Trends. <i>World Economics and Politics</i> , 2011, no. 5, pp. 113-159 (In Chin.)]; 董文博：关于中国网络外交战略与网络外交政策研究 // “北京电力高等专科学校学报” 2012年第7期第13-32页 [Dong Wenbo., Research on China's Internet Diplomacy Strategy and Internet Foreign Policy. <i>Journal of Beijing Electric Power College</i> , 2012, no. 7, pp. 13-32 (In Chin.)]; 庞珣，权家运：回归权力的关系语境：国家社会性权利的网络分析与测量 // “世界经济与政治” ，2015年，第6期，第39-64页 [Pang Xun, Quan Jiayun. Return to Relational Context of Power: Networks Analysis and Measurement of National Social Power. <i>World Economics and Politics</i> , 2015, no. 6, pp. 39-64 (In Chin.)]; 刘丰，董梓壮：联盟网络与军事冲突：基于社会网络分析的考察 // “世界经济与政治” 2015年第6期第63-80页 [Liu Feng, Dong Zuozhuang. Alliance Network and Military Conflicts: A Social Network Analysis Perspective. <i>World Economics and Politics</i> , 2015, no. 6, pp. 63-80 (In Chin.)]; 杨辰博：国际核不扩散机制的社会网络分析。 “世界经济与政治” 2015年，第6期，第81-101页 [Yang Chenbo. Social Network Analysis of International Nuclear Nonproliferation Regime. <i>World Economics and Politics</i> , 2015, no. 6, pp. 81-101 (In Chin.)]; Xun Pang, Lida Liu and Stephanie Ma. China's Network Strategy for Seeking Great Power Status. The Chinese network diplomacy. Office of Internet Informalisation of the Government of the PRC. <i>Journal of International Politics</i> , 2017, vol. 10, no. 1, pp. 1-30; 中国开启网络外交新纪元2016年01月12日来源：中国网信网 [China has ushered in a new era of CPC Central Committee Cyberspace Leading Group. Official website of the Government of the PRC]. Available at: http://www.cac.gov.cn/2016-01/12/c_1117752487.htm (accessed 17.07.2020)

Составлено автором.

Таблица 3. Дипломатия великой державы Си Цзиньпина

Направления	Содержание
Философия/ идеология	Сообщество единой судьбы человечества; китайская мечта; “достижение результатов” (<i>you suo zuo wei</i> 有所作为)
Геоэкономика/ геополитика	Инициатива “Один пояс, один путь”; форумы КНР–Африка, КНР–Латинская Америка, КНР+16, АСЕАН+1 (КНР)
Глобальное экономическое управление	Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (штаб-квартира в Пекине), Новый банк развития БРИКС (штаб-квартира в Шанхае); <i>G20</i> как главный механизм
Дипломатия	Новые отношения с великими державами; периферийная дипломатия; глобальная сеть партнерских отношений

Составлено автором на основании работ Си Цзиньпина [1].

менных международных отношений. Вторая школа мысли подчеркивает роль китайского национализма и, в частности, давление, которое он оказывает на правительство, заставляя его занять более агрессивную позицию в своей внешней политике, чтобы успокоить националистически настроенную внутреннюю аудиторию. Третье научное объяснение связывает изменение национальных интересов с транзитом власти в китайском руководстве [20]. Все эти доводы тем не менее не объясняют логику поведения дипломатии КНР, которая оказалась фактически не готова ни к торговой войне с США, ни к их коронавирусным претензиям и, конечно, к фактическому запрету ее высокотехнологическим компаниям действовать на американской территории. Богатый, отработанный десятилетиями инструментарий китайской дипломатии и его теоретическое обеспечение оказались недостаточными для предвидения действительно кризисных ситуаций во взаимоотношениях с мировым гегемоном.

Только в 2020 г. ведущие китайские ученые-международники стали говорить о возможности новой холодной войны и биполярном соперничестве. Дипломатия Китая не смогла усвоить и те “открытые” уроки по успешному противодействию агрессивной внешней политики США, которые дает дипломатия России после 2014 г. “Новая реальность”, о которой так много говорили международники, в том числе китайские, наступает только сейчас, в период пандемии. Дипломатия КНР, безусловно, справится с нынешними проблемами, главное для нее – избавиться от сохраняющихся иллюзий, что с Соединенными Штатами можно договориться без ущерба своим национальным интересам.

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 20-514-93003 совместного проекта с Китайской академией общественных наук “Россия и Китай в мировом политическом пространстве: согласование национальных интересов в глобальном управлении”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. 习近平谈治国理政。第二卷 / 习近平著。北京：外文出版社，2017年 569页 [Xi Jinping. *The Governance of China*. Vol. II. Beijing, Foreign Languages Press, 2017. 569 p. (In Chin.)]
2. *Documents of the 19th All-China Congress of the CPC*. Beijing, Foreign languages Press, 2018. 351 p.
3. 钱其琛主编：“世界外交大辞典（下）”，北京：世界知识出版社，2005年版，第2045页 [Qian Qichen, ed. *Big dictionary of world diplomacy*. Vol. II. Beijing, World Knowledge Press, 2005. 2045 p. (In Chin.)]
4. Jiemian Yang, ed. *China's Diplomacy: Theory and Practice*. Beijing, World Century Publishing Corporation, 2014. 244 p.
5. *Анализ новых концепций внешней политики КНР*. Издание Пресс-канцелярии Госсовета КНР, Пекин, Межконтинентальное издательство Китая, 2014. 271 с. [Interpretation on New Philosophy of Chinese Diplomacy. Compiled by the State Council Information Office of the PRC. Beijing, China Intercontinental Press, 2014. 271 p. (In Russ.)]
6. 苏长和：“中国大国外交的政治学理论基础”，载“世界经济与政治”2019年第8期第4-19页 [Su Changhe. An Introduction to the Political Theory of Chinese Foreign Relations. *World Economics and Politics*, 2019, no. 8, pp. 4-19 (In Chin.)]
7. 苏长和：“从关系到共生—中国大国外交理论的文化和制度阐释”，载“世界经济与政治”2016年第1期第5-25页 [Su Changhe. From Guanxi Through Gongsheng: A Cultural and Institutional Interpretation to China's Diplomatic Theory. *World Economics and Politics*, 2016, no. 1, pp. 5-25 (In Chin.)]
8. Qin Yaqing. Continuity through Change: Background Knowledge and China's International Strategy. *The Chinese Journal of International Politics*, 2014, vol. 7, no. 3, pp. 285-314.
9. Grachikov E.N. Chinese School of International Relations: How Theory Creates Diplomatic Strategies and Vice Versa. *Russia in Global Affairs*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 154-173. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-2-154-173
10. 外交战略. 百科—百度 [Diplomatic Strategies. Baike-Baidu, 27.07.2020. (In Chin.)] Available at: <https://baike.baidu.com/item/外交战略> (accessed 27.07.2020).
11. 现代外教学概论 / 金正昆著。—北京：中国人民大学出版社，1999年276页 [Jin Zhengkun. *Introduction to Contemporary Diplomacy*. Beijing, China People's University Press, 1999. 276 p. (In Chin.)]
12. Grachikov E.N. China's Foreign Policy: Strategies in the Context of Identity and Global Perspective. *International Relations*, 2015, no. 3, pp. 290-306.

13. Grachikov E.N. *Geopolitics of China: egocentrism and space of network*. Moscow, Science, 2015. 273 p. DOI: 10.15216/978-5-4365-0419-3
14. Yuan Peng. China's Grand Strategy Seen from the Report to the CPC18th National Congress. *Contemporary International Relations*, July/August 2013, vol. 23, no. 4, pp. 1-21.
15. 中国大战略 / 叶自成 著。—北京：中国社会科学出版社，2003第442页 [Ye Zicheng. *The Grand Strategy of China*. Beijing, China Social Science Press, 2003. 442 p. (In Chin.)]
16. 时殷弘：中国周边行为曾有的“胜利主义”：动能和决策复杂性. *现代国际关系*，2013年第10期第3-5页 [Shi Yinhong. "Triumphalism" in China's Behavior in the Surrounding Areas: Motivation and the Complexity of Decision-Making. *Contemporary International Relations*, 2013, no. 10, pp. 3-5 (In Chin.)]
17. 中国国家利益分析 / 阎学通 著。—天津：天津人民出版社，1996年 328页 [Yan Xuetong. *Analysis of China's National Interests*. Tianjin, Tianjin People's Press, 1996. 328 p. (In Chin.)]
18. 国家利益论 / 洪兵 著。—北京：军事科学出版社，1999年425页 [Hong Bing. *Theory of National Interests*. Beijing, Military Science Press, 1999. 425 p. (In Chin.)]
19. 许嘉：“论利益边界与本土边界之关系”载 *中国国家利益与影响* / 许嘉 主编。—北京：时事出版社，2006年第464页 [Xu Jia. The Relationship between the Borders of Interests and State's borders. *China's National Interests and its Influence*. Xu Jia., ed. Beijing, Current Affairs Press, 2006. 464 p. (In Chin.)]
20. Ye Xiaodi. Rediscovering the Transition in China's National Interest: A Neoclassical Realist Approach. *Journal of Current Chinese Affairs*, 2019, vol. 48 (1), pp. 76-115.
21. Kissinger Henry. *On China*. New York, Penguin Books, 2012. 604 p.
22. 牛军：“联盟与战争”：冷战时期的中国战略决策及其后果，“世界经济与政治”，2014年，第6期，第8-15页 [Niu Jun. "Alliances and Wars": Chinese Strategic Policy and its results during Cold War. *World Economics and Politics*, 2014, no. 6, pp. 8-15 (In Chin.)].
23. Yuan Peng. A New Model of China-U.S. Relations after Beijing's Second Reform. *Contemporary International Relations*, 2015, vol. 25, no. 1, pp. 4-5.
24. Грачиков Е. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993–2018). *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 3, сс. 83-93. [Grachikov E.N. Strategiya partnerskikh otnoshenii KNR: praktika i ee kontseptualizatsiya (1993–2018) [Chinese Partnership Strategy: Practice and Its Conceptualisation (1993–2018)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no. 3, pp. 83-93.] DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93
25. 从制造者到索取者：霸权衰落的逻辑 / 卢凌宇，鲍家政著。 *世界经济与政治*，2019年第9期第74-106页 [Lu Lingyu, Bao Jiazheng. From Maker to Taker: A Logic of Hegemonic Decline. *World Economics and Politics*, 2019, no. 9, pp. 74-106. (In Chin.)]
26. Reilly James. A Norm-Taker or a Norm-Maker: China's ODA in Southeast Asia. *Contemporary International Relations*, 2011, vol. 21, no. 3, pp. 103-136.
27. 新中国外交简史 / 齐鹏飞，李葆珍 著。—北京：人民出版社，2014年版第299页 [Ji Pengfei, Li Baozhen. *Brief History of the Diplomacy of New China*. Beijing, People's Publishing House, 2014. 299 p. (In Chin.)]
28. Yuan Pen. A Harmonious World and China's New Diplomacy. *Contemporary International Relations*, 2007, vol. 17, no. 3, pp. 1-26.
29. 国际关系实用手册 / 黄日涵，姚玉斐 主编。—天津：天津人民出版社，2013年版第311页 [Huang Rihan, Yao Yufei., eds. *Practical Handbook of International Relations*. Tianjin, Tianjin People's Publishing House, 2013. 311 p. (In Chin.)]
30. 当代中国外交简史 (1949-2014) / 张历历 著。—上海：上海人民出版社，2015年428页 [Zhang Lili. *Brief History of Contemporary Chinese Diplomacy (1949-2014)*. Shanghai, Shanghai People's Publishing House, 2015. 428 p. (In Chin.)]
31. Qin Yaqing. Continuity through Change: Background Knowledge and China's International Strategy. *Chinese Journal of International Politics*, 2014, vol. 7, no. 3, pp. 285-314.
32. 大国外交 / 王帆著。—北京联合出版公司，2016年版第382页 [Wang Fan. *China's Diplomacy*. Beijing, Beijing United Publishing Co. Ltd, 2016. 382 p. (In Chin.)]
33. 中国外交战略和政策 / 楚树龙，金威 主编。—北京：时事出版社，2008年版第495页 [Chu Shulong, Jin Wei, eds. *China's Foreign Strategy and Policy*. Beijing, Current Affairs Press, 2008. 495 p. (In Chin.)]
34. 中国“走出去”战略十年回顾：成就与挑战. *现代国际关系*，2011年第8期第1-17页 [A Ten-year Review of China's "Going Abroad" Strategy: Achievements and Challenges. *Contemporary International Relations*, 2011, no. 8, pp. 1-17. (In Chin.)]
35. 理解中国外交 (1949-2009)：民族复兴进程中的国家神峰探求 / 李开盛 著。—北京：中国社会科学出版社，2011年版第226页 [Li Kaisheng. *Identity, National Revival and China's Foreign Strategy (1949-2009)*. Beijing, Chinese Social Science Press, 2011. 226 p. (In Chin.)]
36. Qiu Huafei. *Contemporary Chinese Foreign Affairs and International Relations*. Beijing, Current Affairs Press, 2013. 428 p.
37. 新时期中国外交战略 / 官力，王红续 主编。—北京：中共中央党校出版社，2014年版第265页 [Gong Li, Wang Hongxu, eds. *China's Diplomatic Strategies in New Era*. Beijing, Central Party School Press, 2014. 265 p. (In Chin.)]
38. 当代中国外交 / 颜声毅 著。—上海：复旦大学出版社，2004年391页 [Yang Shengyi. *Contemporary Chinese Diplomacy*. Shanghai, Fudan University Press, 2004. 391 p. (In Chin.)]

39. 外交案例/吴建民 著, -北京: 中国人民大学出版社, 2007年357页 [Wu Jianming. *Case Studies in Diplomacy*. Beijing, China's People's University Press, 2007. 357 p. (In Chin.)]
40. 外交案例II /吴建民 著, -北京: 中国人民大学出版社, 2014年417页 [*Case Studies in Diplomacy II*. Beijing, China's People's University Press, 2014. 417 p. (In Chin.)]
41. 李巍: “中美金融外交中的国际制度竞争” // “世界经济与政治”, 2016第4期第112 - 138页 [Li Wei. Sino-U.S. Diplomatic Competition in International Financial Institutions. *World Economics and Politics*, 2016, no. 4, pp. 112-138. (In Chin.)]
42. 陈小鼎: 区域公共产品与中国周边外交新理念的战略内涵 // “世界经济与政治”, 2016第8期第37 - 55页 [Chen Xiaoding. The New Strategic Connotations of Neighborhood Diplomacy in Light of Regional Public Products. *World Economics and Politics*, 2016, no. 8, pp. 37-55. (In Chin.)]
43. 城市外教: 中国实现与外国经验/韩方明 主编。-北京: 新华出版社, 2014第180页 [Han Fangming, ed. *City Diplomacy: China's Practice and Foreign Experience*. Beijing, Xinhua Press, 2014. 180 p. (In Chin.)]
44. 国际体系与中国外交/秦亚青 等著。-北京: 世界知识出版社, 2009年401页 [Qin Yaqing, et al. *International System and China's Diplomacy*. Beijing, World Knowledge Press, 2009. 401 p. (In Chin.)]
45. 大国关系与中国外交/秦亚青主编。-北京: 世界知识出版社, 2011年版第492页 [Qin Yaqing, ed. *Great Power Relations and China's Diplomacy*. Beijing, World Knowledge Press, 2011. 492 p. (In Chin.)]
46. 国际政治中的中国外交/扬勉 著。-北京: 中国传媒大学出版社, 2005年版第475页 [Yang Mian, ed. *Chinese Diplomacy in International Politics*. Beijing, China's Communication University Press, 2005. 475 p. (In Chin.)]
47. 中国外交决策模式/宋海啸 著。-北京: 时事出版社, 2016年版第280页 [Song Haixiao. *Pattern of Decision-Making of Chinese Diplomacy*. Beijing, Current Affairs Press, 2016. 280 p. (In Chin.)]
48. 孙吉胜: 中国国际话语权的塑造提升路径: 以党的十八大以来的中国外交实践为列 // “世界经济与政治” 2019年第3期第19 - 43页 [Sun Jisheng. China's Approach to Shape and Improve Its International Discursive Power: Diplomatic Practice Since the 18th Party Congress as an Example. *World Economics and Politics*, 2019, no. 3, pp. 19-43 (In Chin.)]
49. 体育外交的作用及其运用: 以北京奥运会为列/李德芳 著。现代国际关系。2008年第10期第55 - 60页 [Sport Diplomacy's Role and Application: Beijing Olympic Games. *Contemporary International Relations*, 2008, no. 10, pp. 55-60 (In Chin.)]
50. 非传统外交导论/赵可金 著。-北京: 北京大学出版社, 2015年版第323页 [Zhao Kejin. *Diplomacy Beyond Foreign Ministry*. Beijing, Peking University Press, 2015. 323 p. (In Chin.)]
51. Wang Jinwei. Xi Jinping's "Major Country Diplomacy": A Paradigm Shift? *Journal of Contemporary China*, 2019, vol. 28, iss. 115, pp. 15-30. Available at: <https://doi.org/10.1080/10670564.2018.1497907>.

CHINESE DIPLOMACY: CONTEXT OF ACADEMIC DISCOURSE

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 3, pp. 33-41)

Received 16.10.2020.

Evgeny N. GRACHIKOV (egrachikov@gmail.com),

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the scientific project of Russian Foundation for Basic Research – Chinese Academy of Social Sciences No. 20-514-930003 “Russia and China in the global political space: harmonization of national interests in global governance”.

The article examines the seventy-year history of the diplomacy of the People's Republic of China, which went through two large 30-year cycles of its development, associated with the names of Mao Zedong and Deng Xiaoping, the leaders of the country of the first and second generation, and Xi Jinping, which has been conducting its foreign policy since 2013. The diplomacy of Mao Zedong is characterized by such features as a strong ideological component and a strategy for joining alliances. Deng Xiaoping's diplomacy is distinguished by its economic orientation and the strategy of not joining alliances. Xi Jinping is actively conducting “great power diplomacy” and the “belt and path” geo-economic project in the context of the formation of new structures of the system of international relations with its predominant influence. The article also explores the independent variables of China's diplomacy. The first is the conceptualization of all diplomatic activity in the form of strategies: short-term (about 10 years) and long-term (about 30 years), with two to three years of settlement between them. Another one that has had a significant impact on the diplomacy of China over the past 40 years is its conditionality in relations with the United States, its main global partner and geopolitical competitor, to whom, due to the trade war, it has lost all strategic trust. Another feature of China's modern diplomacy is its global nature, network-centricity, coverage of the entire world political space and a clear desire to change its status in global governance from adopting norms and rules (norm-taker) to their creation (norm-maker). Great attention is paid to the analysis of modern forms of China's diplomacy. The article presents a Chinese view of the history and modern diplomacy of the People's Republic of China, reflected in Chinese academic discourse, party documents and speeches of the country's leaders.

Keywords: Mao Zedong, Deng Xiaoping, Xi Jinping, Chinese diplomacy, diplomatic strategies, core national interests, independent variables.

About author:

Evgeny N. GRACHIKOV, Candidate of Political Science, Associate Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-33-41

ИНИЦИАТИВА “ПОЯСА И ПУТИ”: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ И ВЫЗОВЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

© 2021 г. Н. Пыжиков, Е. Гуцин

ПЫЖИКОВ Никита Сергеевич, руководитель информационно-аналитического центра, Институт развития интеграционных процессов, Всероссийская академия внешней торговли, РФ, 117312 Москва, ул. Вавилова, 7 (ns.pyzhikov@vavt.ru).

ГУЩИН Евгений Сергеевич, научный сотрудник, Институт развития интеграционных процессов, Всероссийская академия внешней торговли, РФ, 117312 Москва, ул. Вавилова, 7 (egushchin@vavt.ru); Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, РФ, 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82–84, корп. 9, офис 1805 (gushchin-es@ranepa.ru).

Статья поступила в редакцию 02.11.2020.

Анализируется текущий статус реализации инициативы “Пояса и Пути” (ИПП), ее ключевые достижения и вызовы, в том числе связанные с пандемией *COVID-19*. Благодаря гибкой структуре ИПП удавалось развиваться в условиях торговой войны США и Китая и роста антикитайских настроений в мире. Пандемия подтолкнула Китай к ужесточению процедуры отбора проектов в рамках ИПП с акцентом на наиболее стратегически значимые и экономически эффективные. Для партнеров эффект может быть двояким: усиление зависимости от Китая наиболее нестабильных экономик, в то время как в отношении стран с устойчивым экономическим положением Пекин будет в большей степени готов идти на уступки.

Ключевые слова: инициатива “Пояса и Пути”, ИПП, Китай, пандемия *COVID-19*, прямые иностранные инвестиции, долговая ловушка, инфраструктура, внешняя торговля.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-42-51

В 2010-е годы Китай превратился в одного из крупнейших инвесторов в мире. Инициатива “Пояса и Пути” (ИПП), впервые озвученная китайским руководством в 2013 г., спустя 7 лет существования продолжает увеличивать свои масштабы.

ТЕКУЩИЙ СТАТУС РЕАЛИЗАЦИИ

Китай активно наращивал объемы исходящих ПИИ еще до официального провозглашения концепции ИПП (рис. 1). Фундамент экономического присутствия Китая в некоторых странах ИПП начал закладываться уже с 2000-х годов [1]. Знаковым стал 2008 г., когда объем исходящих из Китая ПИИ впервые превысил 50 млрд долл. К 2016 г. объем достиг почти 200 млрд долл. Однако с этого времени абсолютные объемы китайских ПИИ сокращались, а в 2019 г. упала и доля Китая в мировых объемах исходящих ПИИ с пика в 14,5%, достигнутого в 2018 г., до 8,9%. Вероятными причинами этого стали торговая война с США, а также трудности с реализацией ИПП.

ИПП нацелена на решение сразу нескольких задач. С одной стороны, Пекин наращивает свое международное влияние, используя ИПП как инструмент “мягкой силы”. Китай превращается из страны

с дешевой рабочей силой в страну с избытком капитала, которая наращивает собственный экспорт услуг и прямые инвестиции за рубеж, а также проводит интернационализацию своей национальной валюты. С другой стороны, он решает свои внутриэкономические проблемы, а именно: замедление темпов экономического роста, избыточные мощности в тяжелой промышленности и строительстве, необходимость в диверсификации поставок сырья и развития западных провинций [3, сс. 50-59].

Одна из ключевых характеристик ИПП – отсутствие жестких рамок. Это обеспечивает ей гибкость и дает преимущества в условиях резких изменений в мировой экономике и национальных экономических приоритетах КНР (как это происходило во время пандемии *COVID-19* в 2020 г.). Руководство страны может быстро переформатировать ИПП под новые цели и задачи. Это хорошо видно на примере работы Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), который хотя и не является ключевым финансовым институтом при реализации ИПП, был создан параллельно с ИПП и имеет с ней общие задачи. Фокус работы АБИИ в 2020 г. сместился с инфраструктурных проектов на поддержку стран в борьбе с последствиями пандемии *COVID-19* и инвестиции в здравоохранение. В апреле 2020 г. АБИИ создал специальный фонд

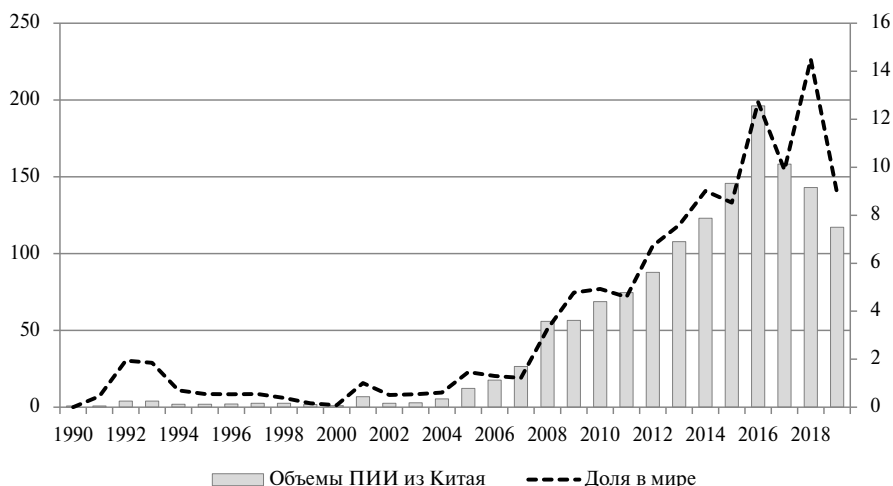

Рис. 1. Объемы ПИИ из Китая и их доля в мировых потоках ПИИ в 1990–2019 гг. (левая шкала — млрд долл., правая шкала — %)

Составлено авторами по: [2].

размером 10 млрд долл. на борьбу с последствиями пандемии в мире. На 22 июля 2020 г. на эти цели АБИИ предоставил кредитов на сумму 5.7 млрд долл., крупнейшие получатели помощи — Индия, Индонезия, Казахстан и Филиппины [4].

Одновременно с преимуществами отсутствие жестких рамок создает проблемы для тех, кто анализирует ход реализации ИПП: нет единого официального списка проектов в рамках ИПП, нет и списка стран, официально участвующих в ИПП. Поэтому оценки масштабов ИПП могут сильно различаться. По одним источникам в рамках ИПП реализовано или готовится к реализации 118 проектов [5], по другим — 374 [6]. Что касается состава участников, то по состоянию на конец января 2020 г. Китай подписал 200 документов о сотрудничестве по ИПП с 138 странами и 30 — с международными организациями [7].

По оценкам Всемирного банка, общий объем инвестиций в проекты ИПП должен составить 575 млрд долл. [8, с. 5]. По официальным китайским данным, Китай инвестировал в страны “Пояса и Пути” в 2014–2019 гг. 86.9 млрд долл. [9]. В 2019 г. инвестиции в рамках ИПП составили 15 млрд долл., или 14% общего объема китайских инвестиций. Пекин интересуется в основном проекты в области транспортной и энергетической инфраструктуры, городского строительства, а также создания специальных экономических зон. Среди более редких направлений сотрудничества можно выделить образование, ИКТ и туризм. Что касается географического распределения проектов ИПП, то лидерами по их количеству являются Пакистан, Индонезия, Мьянма и Нигерия.

Среди проектов ИПП можно выделить 4 крупнейших, стоимость каждого из которых превышает

10 млрд долл. (см. таблицу). В их числе возведение города на искусственном острове *Melaka Gateway* в Малайзии (10.5 млрд долл.); строительство железнодорожных магистралей Лагос–Калабар в Нигерии (11 млрд долл.) и *East Coast Rail Link* в Малайзии (10.3 млрд долл.), а также участие *CNPC* и Фонда Шелкового пути в российском проекте “Ямал СПГ” (27 млрд долл.)¹.

Как ключевой партнер в реализации ИПП выделяется Пакистан, где началась реализация первого крупного проекта ИПП — строительство ГЭС “Карот”, и Китай планирует там новые проекты даже в условиях пандемии. Все они с 2013 г. реализуются в рамках китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), который является частью ИПП. Их общий объем сначала оценивался в 46 млрд долл., к концу 2017 г. он вырос до 62 млрд, а к настоящему времени превысил 70 млрд долл. В рамках КПЭК предполагается соединить портовый город Гвадар в Пакистане с китайским Синьцзян-Уйгурским автономным районом. Для достижения цели будет развернута широкомасштабная сеть автомобильных дорог и железнодорожных путей. Ввиду амбициозности проекта его даже сравнивали с Планом Маршалла для Европы [14].

Правда, в 2018 г. Пакистан объявил о намерении пересмотреть условия сотрудничества с Китаем в рамках ИПП, а также соглашение о преференциальной торговле, которое действует с 2007 г. Министр по планированию, развитию и реформам Пакистана отметил, что в рамках экономического коридора, помимо инфраструктурного развития, должны быть включены вопросы социального раз-

¹ Указанные цифры — общая стоимость проекта, в большинстве случаев прогнозируемая. Участие Китая в этих проектах может быть гораздо более скромным.

Таблица. Крупнейшие проекты, в которых участвует Китай в рамках инициативы “Пояса и Пути”

Название проекта	Отрасль	Стоимость проекта, млрд долл.	Краткое описание
Ямал СПГ	Нефть и газ	27	Проект компании “НОВАТЭК” по добыче и сжижению природного газа на полуострове Ямал, Россия. В 2016 г. Банк развития Китая и Эксимбанк Китая открыли кредитную линию в размере 9.3 млрд евро и порядка 10 млрд юаней (или 1.3 млрд евро) на его реализацию. Китай также входит в число акционеров проекта: 9.9% акций принадлежит Фонду Шелкового пути, 20% акций – нефтяной компании <i>CNPC</i>
Железная дорога Лагос–Калабар	Транспорт	11	Строительство железной дороги протяженностью более 1400 км, которая свяжет нигерийские города Лагос и Калабар, расположенные на побережье Атлантического океана. В 2014 г. сообщалось, что дорогу будет строить Китай [10]. Однако в 2019 г. стало известно, что Нигерия договорилась о строительстве с РЖД [11], возможно, чтобы создать конкуренцию с китайскими подрядчиками и сбить цену. Другое вероятное объяснение – Китай утратил интерес к данному проекту
<i>Melaka Gateway</i>	Городское строительство	10.5	Проект создания города на искусственном острове рядом с городом Малакка. Начало строительства планировалось на 2018 г., а завершение – на 2025 г. Фактически проекту дали зеленый свет в начале 2019 г., но активные работы не ведутся ввиду противодействия им со стороны местных рыбаков [12]
<i>East Coast Rail Link</i>	Транспорт	10.3	Строительство 640 км железной дороги в Малайзии, которая соединит порт Кланг в Малаккском заливе с западными районами страны до города Кота-Бару. Работа была прервана в июле 2018 г. из-за претензий со стороны малайзийского правительства по поводу цены проекта. В апреле 2019 г. строительство возобновилось (цену сбили на 30%). Китай и Малайзия создадут совместное предприятие (доли сторон – 50/50), которое будет выполнять роль оператора новой железной дороги. Завершение строительства ожидается в 2026 г. [13]

Составлено авторами.

вития. Была сформирована специальная группа из представителей двух стран, куда вошли специалисты в области здравоохранения, образования, жилищного строительства и сельского хозяйства. В 2019 г. Пекин пошел на уступки, в частности расширил доступ на китайский рынок для некоторых пакистанских товаров [15, 16].

Осенью 2019 г. вышел отчет МВФ, согласно которому Пакистан в ближайшие 3 года должен будет вернуть КНР сумму, в 2 раза большую, чем возвратная сумма МВФ (7 млрд долл. – Китаю, 3 млрд долл. – МВФ) [17]. Тем не менее стороны договариваются о новых проектах в рамках ИПП. В июне–июле 2020 г. были подписаны контракты более чем на 11 млрд долл., включая строительство двух гидроэлектростанций (около 4 млрд долл.), а также реконструкцию железных дорог (7.2 млрд долл.) [18].

Знаковым событием стало присоединение к ИПП в марте 2019 г. Италии, первой из стран G7, подписавшей с КНР соответствующий меморандум о взаимопонимании. Одновременно стороны заключили 29 сделок общей стоимостью около 3 млрд долл. Реакция ЕС и США была предсказуемо довольно холодной, что не отменяет того факта, что присоединение Италии к проекту – важный политический успех Китая [19].

ВЫЗОВЫ

Ключевым вызовом для ИПП стал всплеск озбоченности по отношению к китайским кредитам.

По мнению экспертов Всемирного банка, при реализации транспортных проектов, финансируемых Китаем, “около четверти стран коридора ОПОП² уже имеют высокий уровень задолженности, а анализ ситуации в некоторых из этих стран показывает, что среднесрочная долговая уязвимость может возрасти” [8, с. xiv]. По оценкам американского Центра глобального развития, вследствие участия в ИПП Джибути, Кыргызстан, Лаос, Мальдивы, Монголия, Пакистан, Таджикистан и Черногория оказались в группе государств с высоким риском долгового кризиса [20]. Начиная с 2017 г. аналитики стали часто говорить о “долговой дипломатии” Китая, появился термин “китайская долговая ловушка” (*China’s debt trap*). Статистика *Google Scholar* говорит о том, что этот термин употребили 6 раз в 2017 г., 33 раза – в 2018 г. и 58 раз – в 2019 г. [21].

Наиболее остро проблема проявилась в 2018 г. Многие комментаторы в качестве примера китайской долговой ловушки приводили Шри-Ланку. Хотя при более детальном изучении вопроса можно заключить, что ситуация с передачей порта Хамбантота в аренду Китаю не имеет прямого отношения к проблеме, так как на Китай приходится только 10% внешнего долга Шри-Ланки. В основном финансовые трудности страны вызваны чрезмерными заимствованиями с помощью выпуска международных суверенных облигаций. В 2019 г. ее выплаты по внешнему долгу достигли рекордных

² ОПОП (“Один пояс, один путь”) – термин, взаимозаменяемый с ИПП.

5.9 млрд долл. [22]. Тем не менее ситуация с портом Хамбантога заставила задуматься других участников ИПП о нарастании финансовой зависимости от КНР. В свою очередь Пекин осознал необходимость работы над имиджем ИПП и в нескольких случаях пошел навстречу своим партнерам. Так, Малайзии удалось снизить стоимость проекта *East Coast Rail Link*, после чего работы над ним возобновились.

Торговая война с США оказала сдерживающее влияние на реализацию ИПП, так как китайским властям много сил и внимания приходилось тратить на ответные меры либо поиск компромиссов. Продолжают действовать взаимные ограничения в виде дополнительных тарифов, которые охватывают более 86% товарооборота между США и Китаем. 15 января 2020 г. стороны подписали Первую фазу торгового соглашения, обеспечившего паузу в обмене торговыми ограничениями. 14 февраля 2020 г. оно вступило в силу, и по условиям сделки Пекин обязался увеличить импорт американских товаров и услуг на сумму не менее 200 млрд долл. (в том числе не менее 162.1 млрд долл. по товарам) за 2020–2021 гг. [23, с. 6].

Последние доступные данные Комиссии по международной торговле США говорят о значительном отставании Китая от целевых показателей по закупкам американских товаров (промышленных, сельскохозяйственных и энергетических). За период с января по август 2020 г. только американский экспорт группы энергетических товаров смог превысить базовые показатели 2017 г., тем не

менее он все еще очень далек от условий соглашения. Стоит отметить, что текущая ситуация по всем трем товарным группам свидетельствует о существенном отставании от целевых показателей, необходимых для выполнения обязательств Китая по закупкам (рис. 2, 3, 4). Среди причин отставания можно выделить пандемию коронавируса, отрицательно повлиявшую как на спрос в Китае, так и на возможности американских экспортеров.

Невыполнение обязательств Первой фазы торгового соглашения может привести к дальнейшей эскалации торговой войны между двумя странами и расширению действия торговых ограничений на весь взаимный товарооборот между Китаем и США. Помимо прямых эффектов, оказываемых взаимными торговыми ограничениями, торговая война влияет на решение компаний о релокации производств из Китая в другие страны и выбор американскими компаниями альтернативных поставщиков, чтобы избежать повышенных ставок ввозных таможенных пошлин.

Расчеты Азиатского банка развития говорят о том, что в наибольшей степени от действующих торговых ограничений выигрывают Вьетнам, Малайзия и Республика Корея, что объясняется переориентацией торговых потоков в результате переключения американских компаний на поставщиков из этих стран. Прогнозируется, что в случае расширения ограничений на весь взаимный товарооборот между США и Китаем, ВВП Вьетнама может увеличиться на 0.73%, в случае их сохранения на текущем уровне – на 0.5% [24]. В такой ситуации

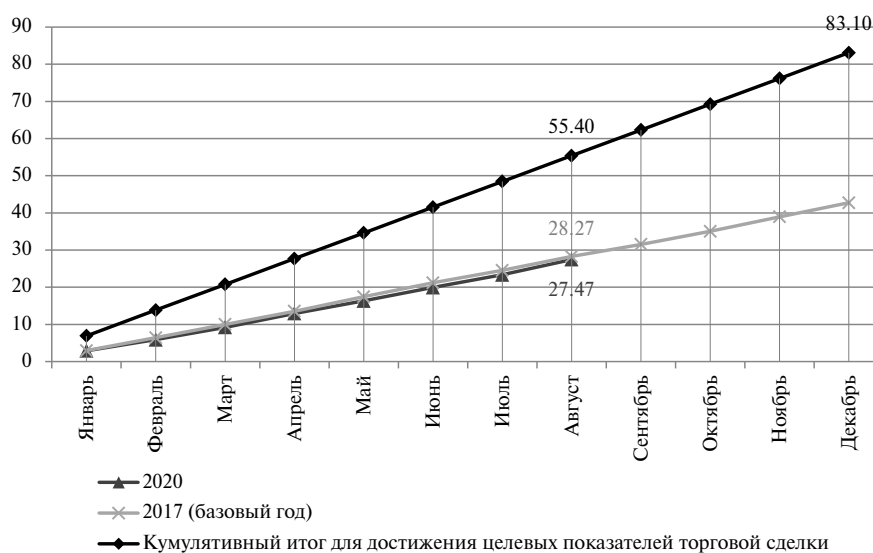

Рис. 2. Объемы экспорта промышленных товаров из США в Китай, по которым последний взял на себя обязательство по увеличению закупок согласно условиям Первой фазы торгового соглашения между США и Китаем, млрд долл.

Составлено авторами по данным Комиссии по международной торговле США и текста Первой фазы торгового соглашения между США и Китаем.

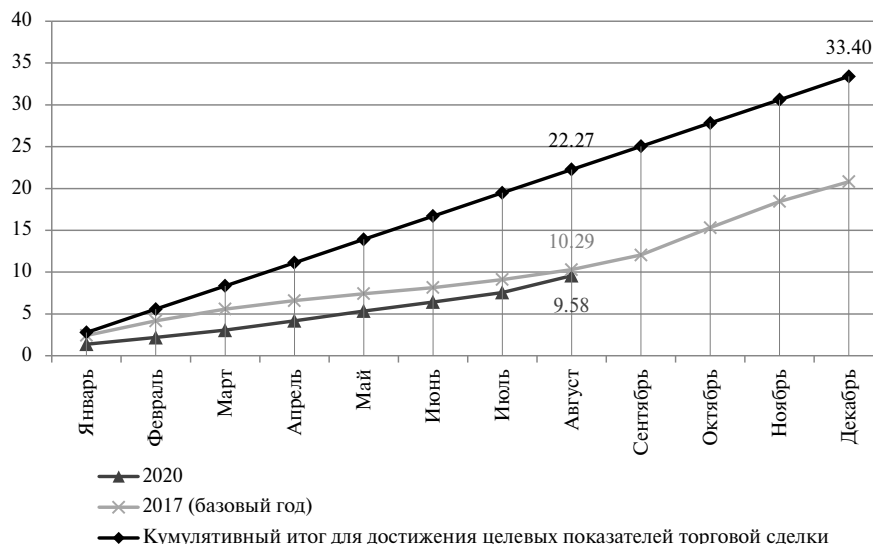

Рис. 3. Объемы экспорта сельскохозяйственных товаров из США в Китай, по которым последний взял на себя обязательство по увеличению закупок согласно условиям Первой фазы торгового соглашения между США и Китаем, млрд долл.

Составлено авторами по данным Комиссии по международной торговле США и текста Первой фазы торгового соглашения между США и Китаем.

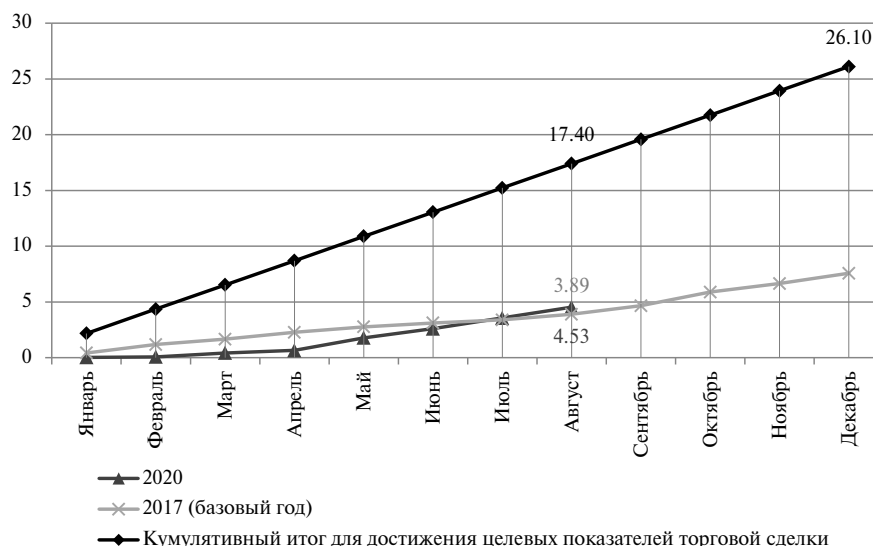

Рис. 4. Объемы экспорта энергетических товаров из США в Китай, по которым последний взял на себя обязательство по увеличению закупок согласно условиям Первой фазы торгового соглашения между США и Китаем, млрд долл.

Составлено авторами по данным Комиссии по международной торговле США и текста Первой фазы торгового соглашения между США и Китаем.

интенсификация сотрудничества с партнерами по линии ИПП становится особенно актуальной для Пекина, так как позволит минимизировать негативные последствия торгового конфликта с США.

Одновременно ряд политических факторов усиливает риски для ИПП. Ключевую роль в ближайшие годы будут играть ситуация в Гонконге и ухудшение отношений с Индией, которая остается ярким противником реализации инициативы

в Южной Азии. Проекты с Пакистаном, одобренные в июне–июле 2020 г., только усилят раздражение Нью-Дели, так как в их числе строительство двух гидроэлектростанций в Кашмире, являющемся спорной территорией. Еще один политический фактор – рост антикитайских настроений в странах – участницах ИПП с демократическими формами правления, например в Индонезии и Малайзии [25].

Остаются вопросы по защите окружающей среды при реализации некоторых проектов ИПП. По оценкам ВБ, “транспортная инфраструктура ОПОП увеличивает совокупный объем выбросов углекислого газа на 0.3% во всем мире и на 7% и более – в Камбодже, Кыргызской Республике и Лаосской Народно-Демократической Республике, по мере роста производства в отраслях с более высоким уровнем выбросов” [8, с. 8].

В 2018 г. начали говорить об альтернативе ИПП со стороны США, Японии и Австралии (а также, возможно, Индии), которые обсуждали запуск Индо-Тихоокеанской инфраструктурной инициативы (ИТИИ) [26]. В 2019 г. США, Япония и Австралия объявили о реализации совместного СПГ-проекта в Папуа-Новой Гвинее, в рамках которого стороны должны были выделить кредит в размере 1 млрд долл. [27]. Конкуренция между Китаем и США может благотворно сказаться на инфраструктурном развитии региона ЮВА и способствовать ускорению экономического развития стран, где реализуются соответствующие проекты. Она будет стимулировать обе стороны к реализации наиболее эффективных проектов и предоставлению странам-реципиентам более выгодных условий.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ

Пандемия *COVID-19* оказала существенное влияние на мировую экономику. Согласно прогнозам МВФ, в 2020 г. реальный мировой ВВП снизится по сравнению с 2019 г. на 4.9%. Рост реального ВВП Китая прогнозируется на уровне 1%, что значительно ниже аналогичного показателя за предыдущий год (6.1%). ВВП групп стран с низкими доходами, являющимися основными партнерами КНР по ИПП, может сократиться на 1% в сравнении с предыдущим годом [28].

Инициатива “Пояса и Пути” предполагает преимущественно строительство трансграничной инфраструктуры (транспорт, энергоснабжение). Пандемия и вызванные ею ограничения на пересечение границ и транзит поставили под вопрос своевременность реализации уже инициированных проектов и тем более запуск новых. Согласно официальной китайской информации, порядка 20% всех проектов, реализуемых в рамках инициативы, значительно пострадали от пандемии, а 30–40% проектов в той или иной мере оказались подвержены ее влиянию [29, 30]. Официальные источники не раскрывают точный список таких проектов. Среди отдельных примеров можно выделить строительство в Нигерии 150 км железной дороги Лагос–Ибадан (6.9 млрд долл. [31]). В марте оно было остановлено, поскольку из-за закрытия международного сообщения рабочие из Китая не смогли вернуться для продолжения работ.

Что касается новых проектов, то правительство Таиланда сдвинуло сроки переговоров по строительству первого участка скоростной железной дороги Бангкок–Нонгкхай протяженностью 253 км с мая на октябрь. Переговоры были приостановлены из-за разногласий. Планировалось разрешить их в ходе очередного заседания тайско-китайского объединенного комитета и подписать контракт (один из 14) на сумму 1.58 млрд долл., однако в связи с пандемией подписание было отложено [32].

По некоторым проектам ситуация лучше. Так, в Малайзии в конце апреля 2020 г. возобновилось строительство железной дороги *East Coast Rail Link* [13]. В июле возобновлено строительство скоростной железной дороги в Индонезии, связывающей Джакарту и Бандунг [33]. В некоторых случаях работа вовсе не прерывалась, например, это справедливо для проекта железной дороги внутри Лаоса, которая должна связать города Вьентьян и Ботен [34].

Что касается торговли, то в период пандемии экспорт КНР в страны – участницы инициативы сократился на 4% по итогам первого полугодия 2020 г. в сравнении с аналогичным периодом прошлого года, импорт – на 13.5% (рис. 5). Совокупный экспорт Китая во все страны мира сократился на 6.3% за рассматриваемый период, совокупный импорт – на 5.8%. Таким образом, экспорт Китая в страны ИПП сократился меньше, чем совокупный экспорт Китая, а импорт – наоборот.

Помимо задержки реализации ранее инициированных проектов и переноса начала новых, а также снижения объемов двусторонней торговли пандемия еще более снизила платежеспособность партнеров Китая. Они могут оказаться не в состоянии выполнить кредитные обязательства на докризисных условиях. Развивающиеся и наименее развитые страны с низкими доходами и доходами ниже среднего уровня (согласно классификации ВБ) составляют существенную долю участников ИПП – более 46% от совокупного числа стран (или 64 из 138) [7], подписавших соответствующие меморандумы о взаимопонимании с КНР. Согласно данным ВБ, среднее отношение внешнего долга рассматриваемых стран к ВВП за период 2018–2019 гг. составляет 54.26% [35].

Ряд стран – участниц ИПП уже направил запросы на пересмотр своих кредитных обязательств, ссылаясь на ухудшение экономической ситуации из-за *COVID-19* [36]. Например, в середине апреля Пакистан выступил с просьбой о смягчении обязательств по китайским кредитам в рамках реализуемых проектов КПЭК, в частности строительства энергетической инфраструктуры [37]. Как отмечает представитель Китайского банка развития, КНР может пойти на снижение процентных ставок по

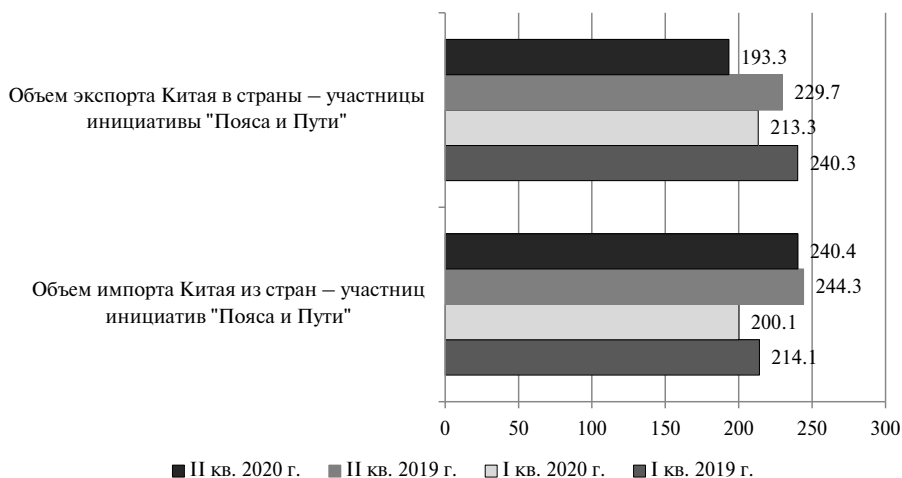

Рис. 5. Объемы двусторонней торговли Китая со странами – участницами¹ ИПП за I кв. 2019 г. и I кв. 2020 г., млрд долл.

¹ Государства, заключившие с Китаем меморандум о взаимопонимании по ИПП. По состоянию на сентябрь 2020 г. – 138 стран.

Составлено авторами по данным Главного таможенного управления КНР.

займам и увеличить период выплат, однако полное списание долгов маловероятно [36].

* * *

За прошедшие годы инициатива “Пояса и Пути” неуклонно развивалась: наращивались объемы инвестиций, расширялась их география. В то же время Пекин столкнулся с целым рядом вызовов: торговая война с США, рост антикитайских настроений в мире и настороженности по отношению к китайским инвестициям, в том числе из-за репутации ИПП как инструмента долговой дипломатии КНР. Тем не менее благодаря гибкости инициативы ее удавалось продвигать вперед: продолжало интенсифицироваться сотрудничество с Пакистаном как ключевым партнером по ИПП, к ней подключались новые страны. Знаковым стало присоединение в 2019 г. Италии.

В 2020 г. возник новый вызов проектам “Пояса и Пути” – пандемия *COVID-19*. Ее негативное влияние на китайскую экономику вместе с необходимостью выделить дополнительные финансовые средства на борьбу с коронавирусом внутри страны значительно ограничивают возможности Пекина по предоставлению кредитов партнерам по ИПП. Одновременно Китай получил массу запросов на пересмотр обязательств по кредитным выплатам, что создало дополнительные риски. Малайзия уже смогла добиться

снижения стоимости проекта *East Coast Rail Link* почти на треть – с 65 млрд до 44 млрд ринггит (или 10.7 млрд долл.) [38].

В новых условиях стало невозможным использовать прежний подход, когда Китай выдавал займы на строительство инфраструктурных объектов ИПП странам с высокой долговой нагрузкой, несмотря на риск неисполнения ими своих обязательств. Вероятнее всего, в ближайшем будущем китайская сторона сосредоточится на ужесточении требований к кредиторам. Пересмотр кредитных обязательств по ранее инициированным проектам ИПП возможен, однако в этом вопросе Китай будет соблюдать максимальную осторожность, так как отдельные послабления могут обернуться волной аналогичных запросов от остальных участников ИПП, что нарушит устойчивость всей инициативы. Можно ожидать, что Пекин будет подходить к решению этой задачи на индивидуальной основе с учетом стратегического значения партнера, обратившегося с просьбой о пересмотре своих обязательств. Соответственно, вероятнее всего, что зависимость от Китая наиболее экономически слабых государств с высоким уровнем внешнего долга еще более усилится. В то же время в отношении стран с относительно устойчивым экономическим положением Пекин будет чаще идти на уступки и предоставлять более выгодные условия сотрудничества в рамках ИПП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Афонасьева А. В. Экономическое присутствие Китая в странах по маршруту Морского Шелкового пути XXI века. *Вопросы экономики*, 2018, № 7, сс. 142–148. [Afonas'eva A. V. Ekonomicheskoe prisutstvie Kitaya v stranakh po marshrutu Morskogo Shelkovogo puti XXI veka [Economic presence of China in countries along the 21st Century Maritime Silk Road]. *Voprosy ekonomiki*, 2018, no. 7, pp. 142–148.] DOI: 10.32609/0042-8736-2018-7-142-148
2. *World Investment Report: Annex Table 02. FDI Outflows, by Region and Economy, 1990–2019*. Available at: <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx> (accessed 30.07.2020).
3. Мозиас П. М. Проект “Один пояс, один путь” и российско-китайское экономическое сотрудничество: еще один шанс? *Вопросы экономики*, 2019, № 12, сс. 47–71. [Mozias P. M. Proekt “Odin poyas, odin put” i rossiisko-kitaiskoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo: eshche odin shans? [The Belt and Road Initiative and Sino-Russian economic cooperation: Is there one more chance for us?]. *Voprosy ekonomiki*, 2019, no. 12, pp. 47–71.] DOI: 10.32609/0042-8736-2019-12-47-71
4. *Asian Infrastructure Investment Bank: Our Projects*. Available at: <https://www.aiib.org/en/projects/list/index.html?status=Approved> (accessed 22.07.2020).
5. *BRI Projects*. Available at: <https://www.beltroad-initiative.com/projects/> (accessed 30.07.2020).
6. *Belt and Road (2020)*. Available at: <https://reconnectingasia.csis.org/database/initiatives/one-belt-one-road/fb5c5a09-2dba-48b9-9c2d-4434511893c8/> (accessed 30.07.2020).
7. *已同中国签订共建“一带一路”合作文件的国家一览* 12.04.2020. [List of countries that have signed cooperation documents with China to jointly build the “Belt and Road”. 12.04.2020. (In Chin.)] Available at: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/gbjg/gbgk/77073.htm> (accessed 30.07.2020).
8. *Экономика “Одного пояса, одного пути”: возможности и риски транспортных коридоров*. Всемирный банк. 2020. 167 с. [Belt and Road economics: opportunities and risks of transport corridors. World Bank. 2020. 167 p. (In Russ.)] Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31878/211392RU.pdf?sequence=12&isAllowed=y> (accessed 30.07.2020).
9. *2019年我对“一带一路”沿线国家投资合作情况* 01.01.2020. [China's investment cooperation with countries along the “Belt and Road” in 2019. 01.01.2020. (In Chin.)] Available at: <http://www.mofcom.gov.cn/article/tongjiziliao/dgzz/202001/20200102932445.shtml> (accessed 30.07.2020).
10. Китай построит в Нигерии железную дорогу за 12 млрд долларов. *TASS*, 20.11.2014. [China to build \$12 billion railroad in Nigeria. *TASS*, 20.11.2014. (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/transport/1584744> (accessed 30.07.2020).
11. РЖД могут принять участие в инфраструктурных проектах в Нигерии. *TASS*, 23.10.2019. [Russian Railways may take part in infrastructure projects in Nigeria. *TASS*, 23.10.2019. (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/ekonomika/7035321> (accessed 30.07.2020).
12. Shepard W. *Inside the Belt and Road's Premier White Elephant: Melaka Gateway (2020)*. Available at: <https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2020/01/31/inside-the-belt-and-roads-premier-white-elephant-melaka-gateway/#2039bdca266e> (accessed 30.07.2020).
13. Hassan H. Malaysia Gives Green Light for Construction to Resume on East Coast Rail Link. *The Straits Times*, 28.04.2020. Available at: <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/malaysia-gives-green-light-for-construction-to-resume-on-east-coast-rail-link> (accessed 30.07.2020).
14. Qadir S. CPEC: another Marshall Plan? This Is a Mere Indication of Gwadar's Significance for China and CPEC. *Tribune*, 25.01.2017. Available at: <https://tribune.com.pk/story/1306921/cpec-another-marshall-plan> (accessed 30.07.2020).
15. Khan M. Z. Pakistan Gets \$1bn Chinese Market Access for Rice, Sugar, Yarn. *Dawn*, 22.03.2019. Available at: <https://www.dawn.com/news/1471165/pakistan-gets-1bn-chinese-market-access-for-rice-sugar-yarn> (accessed 30.07.2020).
16. Sajid I. *2nd Phase of China-Pakistan Free Trade Deal in Effect (2019)*. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/2nd-phase-of-china-pakistan-free-trade-deal-in-effect/1661413> (accessed 30.07.2020).
17. Mangi F. Pakistan Owes China more Money than It Owes the IMF. *Bloomberg*, 03.10.2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-10-03/pakistan-owes-china-more-money-than-it-does-imf-as-loans-mature> (accessed 30.07.2020).
18. Mangi F. Belt and Road Re-Emerges in Pakistan with Flurry of China Deals. *Bloomberg*, 15.07.2020. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-07-15/belt-and-road-re-emerges-in-pakistan-with-flurry-of-china-deals> (accessed 30.07.2020).
19. Гушин Е. С. Станет ли “Пояс и путь” новым “Планом Маршалла”? [Gushchin E. S. Stanet li “Poyas i put” novym “Planom Marshalla”? [Will Belt and Road become a new Marshall Plan?]] Available at: <https://ru.valdaicclub.com/a/highlights/poyas-put-marshall/> (accessed 30.07.2020).
20. Hurlley J., Morris S., Portelance G. *Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective*. Washington, Center for Global Development, 2018. 39 p. Available at: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/examining-debt-implications-belt-and-road-initiative-policy-perspective.pdf> (accessed 30.07.2020).
21. *Google Scholar*. Available at: <https://scholar.google.com/> (accessed 30.07.2020).
22. *Sri Lanka's Debt Problem Isn't Made in China*. 28.02.2019. Available at: <https://www.eastasiaforum.org/2019/02/28/sri-lankas-debt-problem-isnt-made-in-china/> (accessed 30.07.2020).

23. *Мониторинг актуальных событий в области международной торговли № 44*. ВАВТ, 2020. 13 с. [Monitoring of current events in international trade no. 44. RFTA, 2020. 13 p. (In Russ.)] Available at: https://www.vavt-imef.ru/wp-content/uploads/2020/02/Monitoring_44.pdf (accessed 30.07.2020).
24. Gentile E., Li G., Mariasingham M.J. Assessing the Impact of the United States – People’s Republic of China Trade Dispute Using a Multiregional Computable General Equilibrium Model. *ADB Economics Working Paper Series*, no. 620, September 2020. 54 p. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/640651/ewp-620-impact-us-prc-trade-dispute.pdf> (accessed 25.10.2020).
25. Рогожина Н., Рогожин А. Экономическое присутствие Китая в Юго-Восточной Азии – условие проведения политики “мягкой силы”. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 4, сс. 40–49. [Rogozhina N., Rogozhin A. Ekonomicheskoe prisutstvie Kitaya v Yugo-Vostochnoi Azii – uslovie provedeniya politiki “myagkoi sily” [Economic presence of China in Southeastern Asia as a condition for promoting “soft power” policy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no. 4, pp. 40–49.] DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-40-49
26. Rajah R. *Mobilizing the Indo-Pacific Infrastructure Response to China’s Belt and Road Initiative in Southeast Asia*. April 2020. 15 p. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/04/FP_20200429_mobilize_compete_rajah.pdf (accessed 30.07.2020).
27. Kodachi H. Japan, US and Australia Begin Own “Belt and Road” in South Pacific. *Nikkei Asia*, 25.06.2019. Available at: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Japan-US-and-Australia-begin-own-Belt-and-Road-in-South-Pacific> (accessed 30.07.2020).
28. *A Crisis Like no Other, an Uncertain Recovery*. IMF, June 2020. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEOUpdateJune2020> (accessed 30.07.2020).
29. Belt & Road Projects Can’t Be Written off. *Belt & Road News*, 28.06.2020. Available at: <https://www.beltandroad.news/2020/06/28/belt-and-road-projects-cant-be-written-off/> (accessed 30.07.2020).
30. *Joint Statement of the High-level Video Conference on Belt and Road International Cooperation: Combating COVID-19 with Solidarity*. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1790079.shtml (accessed 30.07.2020).
31. Completion of \$1.5bn Nigeria Project Delays due to Covid-19 Outbreak. *Railway Technology*, 09.03.2020. Available at: <https://www.railway-technology.com/news/completion-of-1-5bn-nigeria-project-delays-due-to-covid-19-outbreak/> (accessed 30.07.2020).
32. China-Thailand Railway Agreement Likely Be Signed in October: Thai Transport Minister. *Xinhua*, 25.05.2020. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2020-05/25/c_139087013.htm (accessed 30.07.2020).
33. Qianliang Y., Sinaga D.A. Feature: High-speed Railway Project in Indonesia on Track despite COVID-19 Pandemic. *Xinhua*, 02.07.2020. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2020-07/02/c_139184070.htm (accessed 30.07.2020).
34. Yukun L. *China-Laos Railway Progresses despite COVID-19 Challenges*. 07.07.2020. Available at: http://english.www.gov.cn/news/internationalchanges/202007/07/content_WS5f03c7e5c6d05a0f89706c82.html (accessed 30.07.2020).
35. *The World Bank: Central Government Debt, Total (% of GDP)*. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/GC.DOD.TOTL.GD.ZS> (accessed 27.07.2020).
36. Kyng J., Yu S. China Faces Wave of Calls for Debt Relief on “Belt and Road” Projects. *Financial Times*, 30.04.2020. Available at: <https://www.ft.com/content/5a3192be-27c6-4fe7-87e7-78d4158bd39b> (accessed 30.07.2020).
37. Kiani Kh. Pakistan Urges China to Soften Terms for Power Deals. *Dawn*, 16.04.2020. Available at: <https://www.dawn.com/news/1549299> (accessed 30.07.2020).
38. Sipalan J. China, Malaysia Restart Massive “Belt and Road” Project after Hiccups. *Reuters*, 25.07.2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-china-silkroad-malaysia/china-malaysia-restart-massive-belt-and-road-project-after-hiccups-idUSKCN1UK0DG> (accessed 30.07.2020).

**BELT AND ROAD INITIATIVE:
INTERIM RESULTS AND CHALLENGES DURING THE PANDEMIC**
(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 3, pp. 42–51)
Received 02.11.2020.

Nikita S. PYZHIKOV (ns.pyzhikov@vavt.ru),

Institute for Development of Integration Processes, Russian Foreign Trade Academy, 7, Vavilova Str., Moscow, 117312, Russian Federation.

Evgeniy S. GUSHCHIN (egushchin@vavt.ru, gushchin-es@ranepa.ru),

Institute for Development of Integration Processes, Russian Foreign Trade Academy, 7, Vavilova Str., Moscow, 117312, Russian Federation.

Institute for Applied Economic Research, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Office 1805, Building 9, 82–84, Prosp. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation.

The article analyses the current status of the Belt and Road Initiative (BRI), its key achievements and challenges, including those related to the COVID-19 pandemic. In the 2010s China has become one of world’s largest investors and BRI is one of the most important tools of Chinese investment policy. Due to its flexible structure, BRI has been able to adjust and develop in the context of the U.S. – China trade war and the growing anti-Chinese sentiment in the

world that included the concerns over so called China's debt diplomacy. But this lack of rigidity is also a challenge to those who study BRI because there is no official list of projects (estimations vary between 118 and 374) and countries participating in BRI (up to 138). China's key BRI partner is Pakistan. The total value of projects implemented by China in Pakistan as part of the China-Pakistan Economic Corridor was initially estimated at \$46 billion but now exceeds \$70 billion (new projects were signed even during the pandemic). BRI is increasing the number of its participants. In March 2019 Italy became the first G7 country to sign a BRI MoU with China. While implementing BRI China has faced such challenges as rising concerns of “China's debt trap”, as well as ecological and political issues. In 2020 BRI is facing a new challenge with the COVID-19 pandemic. Some BRI projects were postponed because of the pandemic, but in some cases they were unaffected. There are 64 out of 138 countries participating in BRI that come from low and lower-middle income groups according to the World Bank classification. Their average ratio of foreign debt to GDP was 54% in 2018–2019. It is most likely that these countries will be hit hard by the coronacrisis. Thus the pandemic will encourage China to tighten the selection process for BRI projects with a focus on the most strategically important and cost effective ones. From the point of view of China's BRI partners, the effect can be two-fold: the most unstable economies will increase their dependence on China, while with the economically strong countries China will be more willing to make concessions and offer more favorable conditions for cooperation.

Keywords: Belt and Road Initiative, China, Pandemic, COVID-19, foreign direct investment, debt trap, infrastructure, foreign trade

About authors:

Nikita S. PYZHIKOV, Head of Information and Analytical Center.

Evgeniy S. GUSHCHIN, Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-42-51

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАН ЕС В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

© 2021 г. А. Егоров, А. Петровский

ЕГОРОВ Александр Игоревич, доктор исторических наук, доцент, Нижегородский государственный технический университет, РФ, 603950 Н. Новгород, ул. Минина, 24 (dr.egoroff-al2012@yandex.ru).

ПЕТРОВСКИЙ Александр Михайлович, директор, Дзержинский филиал Нижегородского государственного технического университета, РФ, 606026 Нижегородская обл., г. Дзержинск, ул. Гайдара, 49 (pposdf@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 16.08.2020.

Анализируются социально-экономические проблемы в странах ЕС в начальный период пандемии *COVID-19*. Вынужденная изоляция в условиях распространения коронавируса способствовала нарастанию домашнего насилия, проявлений расизма и ксенофобии. Социальная дискриминация проявилась в ограничении доступа к товарам и услугам лицам азиатских этнических групп. В связи с чрезвычайными обстоятельствами был возобновлен контроль на внутренних границах, возникли ощутимые препятствия на пути реализации основополагающего права на свободное передвижение. Серьезные потрясения испытал рынок труда, что выразилось в росте безработицы в странах ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, пандемия, ограничения, социальная дискриминация, расизм, свободное передвижение, рынок занятости, экономика.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-52-59

Пандемия *COVID-19* создала серьезные проблемы для стран Евросоюза. Она поставила под сомнение соблюдение прав человека [1, р. 9], вызвала нарастание экономических проблем и безработицы [2, pp. 8-9], сокращение доходов населения [3, pp. 9-17], породила немало вопросов относительно адекватности высказываний и действий ряда политиков ЕС [4, с. 13], укрепила позиции евроскептиков [5]. В оборот вошло выражение “кризис Евросоюза” [6, р. 76].

СОЦИАЛЬНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ

Пандемия усугубила проблемы социальной дискриминации в странах ЕС, включая домашнее насилие, расизм и ксенофобию. Даже выписанные после выздоровления пациенты опасались возвращаться в места своего постоянного проживания из-за боязни столкнуться с враждебностью и нетерпимостью со стороны соседей (например, такие случаи были зафиксированы в Словении) [7].

Вынужденное пребывание дома в условиях распространения вируса *COVID-19* привело к повышению риска насилия одних членов семьи над другими. В ряде стран был зафиксирован рост обращений женщин в полицию в связи с участвовавшими случаями избиения со стороны мужей, что потребовало от властей принятия мер по борьбе с семейным насилием. В Австрии правительство ввело круглосуточную горячую линию помощи

его жертвам. В Италии была установлена правовая норма, согласно которой женщинам, ставшим жертвами домашнего насилия, разрешалось покинуть свои дома и получить временное жилье. В Португалии Комиссия по гражданству и гендерному равенству создала почтовую службу для ответов на вопросы и запросы, посвященные насилию в семье.

СМИ и правозащитные организации в странах Евросоюза уже в феврале–марте 2020 г. зафиксировали неоднократные факты проявления нетерпимости в отношении ряда этнических групп. Большинство случаев было связано с инцидентами, когда представители титульной нации в публичной форме наносили оскорбления лицам с азиатской внешностью. Хотя жертвы дискриминации часто предпочитали умалчивать о случившемся, о подобных фактах стало известно. В Австрии и Бельгии преследованиям и издевательствам подвергались дети родителей, приехавших из стран Азии. Опрос 300 жителей китайской этнической принадлежности, проведенный в Нидерландах еще до объявления Всемирной организацией здравоохранения пандемии (11 марта 2020 г.), показал, что почти половина респондентов (49%) в последнее время столкнулась с проявлениями расизма [8].

Расистские настроения нередко сопровождались физическим насилием. Так, филиппинский официант на о. Сардиния (Италия) подвергся нападению группы лиц, посчитавших его “китай-

цем, который занес коронавирус” [9]. Во Франции возвращавшаяся из школы девушка вьетнамского происхождения была оскорблена, а затем избита. В Берлине две немки умышленно оскорбили китайку и нанесли ей серьезную травму головы.

Лица из стран Азии столкнулись с проявлениями социальной дискриминации в доступе к товарам и услугам, включая услуги здравоохранения, образования и культуры. Консерватория Санта Сесилия в Риме приостановила занятия со студентами из Китая, Южной Кореи и Японии до тех пор, пока они не пройдут медицинское обследование на коронавирус. В Эстонии стоматологические клиники отказывались предоставлять профессиональную помощь пациентам из Китая. Федеральное антидискриминационное агентство Германии получало жалобы на то, что врач не стал лечить пациента из Китая, хотя симптомов заболевания *COVID-19* обнаружено не было. Также в ФРГ зафиксировали случай отказа китайскому студенту в съеме квартиры на том основании, что ее владелец “не хочет заразиться коронавирусом” [10, p. 34].

Во время чрезвычайных обстоятельств, к числу которых относится пандемия, политики несут особую ответственность за положение дел в стране. Их заявления могут транслировать населению послания либо солидарности, либо разобщенности, что способно многократно увеличить ксенофобские настроения. Популистские партии в странах Евросоюза решили воспользоваться пандемией, чтобы укрепить свои позиции за счет откровенной демагогии. Так, член испанского парламента и генеральный секретарь крайне правой партии “Голос” Х.О. Смит, после того как подтвердился его собственный положительный тест на коронавирус, в марте заявил, что “его испанские антитела победят проклятый китайский вирус” [11]. Лидер словацкой партии “Народная партия – Наша Словакия” М. Котлеба безапелляционно высказался в том же духе, подчеркнув, что “из-за открытых границ в ЕС... по Европе бродит много мигрантов без какого-либо контроля. И эти люди принесли коронавирус в Европу” [12].

Якобы сенсационные сообщения некоторых СМИ о происхождении *COVID-19* провоцировали нарастание расистских и ксенофобских настроений. Печатные и электронные СМИ стран ЕС уже в феврале 2020 г. запестрели недвусмысленными заголовками о происхождении коронавируса. Крупнейший немецкий еженедельник “Шпигель” вышел со статьей на первой полосе, имевшей лаконичное, но показательное название “Коронавирус. Сделано в Китае” [13].

В целом дезинформация, оглашаемая как отдельными политиками, так и некоторыми СМИ по поводу *COVID-19*, широко распространилась

практически во всех государствах – членах ЕС. Она породила негативные слухи о том, что в ближайшее время будут закрыты продовольственные магазины, вступит в силу военное положение и т. п., накалявшие обстановку. Это грозило подорвать доверие людей к важнейшим национальным институтам, таким как органы государственной власти, учреждения здравоохранения и СМИ. Проблему дезинформации следовало решать оперативно в деятельном партнерстве властей, бизнеса и гражданского общества.

Органы государственной власти стран ЕС пытались решить проблему дезинформации в отношении *COVID-19*, призывая население полагаться исключительно на официальную информацию. Многие государства-члены создали специальные веб-сайты, информацию на которых размещало правительство, профильное министерство (в Австрии, Франции, Венгрии, Польше) или агентство здравоохранения (Бельгия, Эстония, Финляндия, Португалия, Словения). Также были осуществлены меры, предупреждавшие, что за распространение дезинформации о ситуации с коронавирусом и деятельности органов государственной власти виновные будут привлечены к уголовной ответственности. В ряде случаев инициировалось судебное преследование лиц, обвиняемых в публикации преднамеренной дезинформации. Например, в Венгрии было заведено уголовное дело в отношении граждан, распространявших дезинформацию о предстоящем закрытии Будапешта на карантин [14].

В условиях пандемии особое значение приобрело право граждан на доступ к информации. Власти распространяли официальную информацию о *COVID-19* и мерах, принимаемых для предотвращения его распространения, через государственные и наиболее влиятельные частные СМИ, а также через Интернет, включая социальные сети. Во многих странах информация распространялась на нескольких языках. Например, Болгарское национальное радио обеспечивало сведения о коронавирусе на 10 языках; Австрийский интеграционный фонд предлагал актуальную информацию на 16 языках, а также организовал многоязычную горячую линию.

Гражданское общество ЕС внесло свой вклад в борьбу с дезинформацией вокруг *COVID-19*. Крупные социальные сети, телекоммуникационные и медийные компании пространства ЕС опубликовали совместное заявление с описанием их действий в борьбе с дезинформацией, причем справедливо была подчеркнута важность соблюдения этических принципов журналистики [15]. Организации гражданского общества, специализирующиеся на борьбе с онлайн-дезинформацией, создали координационные информационные цен-

тры по *COVID-19* (в Австрии, Италии, Германии, Словакии, Словении, Испании).

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА СВОБОДНОЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЕ И ПРОЖИВАНИЕ

Ситуация пандемии осложнила реализацию положений ст. 44 Хартии Европейского союза об основных правах. Согласно п. 1 Хартии, каждый гражданин или гражданка ЕС обладают правом на свободное передвижение и проживание на территории государств-членов; в п. 2 говорится о возможности предоставления свободы передвижения и проживания гражданам третьих стран, проживающим на законных основаниях на территории государства – члена ЕС [16].

В условиях распространения коронавирусной инфекции государства – члены ЕС были вынуждены ввести ограничения на свободное передвижение внутри своих стран и беспрепятственный выезд за их пределы. В соответствии со ст. 28 Регламента Европейского парламента и Совета Европейского союза 2016/399 от 9 марта 2016 г. о Кодексе Союза о правилах, регламентирующих передвижение людей через границы (Шенгенского кодекса о границах) (кодификация), если серьезная угроза общественному порядку или внутренней безопасности в государстве – члене ЕС требует принятия безотлагательных мер, соответствующее государство – член ЕС в порядке исключения вправе возобновить осуществление пограничного контроля на внутренних границах на срок, не превышающий 10 дней [17].

Для борьбы со вспышкой *COVID-19* в марте 2020 г. многие государства – члены ЕС частично или полностью закрыли границы. Некоторые государства уменьшили количество пунктов пересечения границы. Так, между Хорватией и Словенией было закрыто 27 пограничных переходов. Прекратили функционировать аэропорты, после чего последовали более жесткие ограничения. В частности, Латвия ввела запрет на перемещение по своим аэропортам людей и транспортных средств (кроме грузового транспорта). Въезжающие в страну должны были соответствовать новым требованиям, в том числе проходить проверку здоровья, отправляться на карантин или предоставить медицинское заключение об отрицательном тесте на *COVID-19*.

Статьи 27 и 29 Директивы о свободном передвижении (2004/38/ЕС) оправдывают меры, ограничивающие свободу передвижения в случае “болезней с эпидемиологическим потенциалом” (таких как *COVID-19*), при условии, что они соответствуют принципу пропорциональности. В этом контек-

сте Европейская комиссия подчеркивала, что национальные государства не могут делать различий между собственными гражданами и резидентами иных государств – членов ЕС. Также была подтверждена актуальность нормы, согласно которой государство – член ЕС не вправе отказывать во въезде гражданам ЕС или гражданам третьих стран, а также обязано всячески облегчать их транзит при возвращении домой [18].

Стремясь обеспечить общие стандарты в области пограничного контроля, 16 марта 2020 г. Европейская комиссия рекомендовала установить временное ограничение – первоначально на срок до 30 дней – для поездок граждан третьих стран в ЕС по делам, не имеющим жизненно важного значения. Европейский совет поддержал эту меру путем совместного с Европейской комиссией заявления от 26 марта 2020 г. [19]. Вместе с тем вводились исключения для граждан третьих стран, проживающих в ЕС на долгосрочной основе; работников системы здравоохранения; лиц, нуждающихся в международной защите.

Государства – члены ЕС дополнили общие правила своими нормами. В частности, с 18 марта 2020 г. на территории Люксембурга стало действовать положение, согласно которому предусматривалось автоматическое продление временного пребывания путешественников, находящихся на территории государства. Статус лиц, которые находились в процессе подачи заявки на международную защиту, также автоматически продлевался [20]. Тем не менее некоторые государства запрещали въезд лицам, ищущим убежище, что, по сути, шло вразрез со ст. 18 Хартии ЕС об основных правах, гарантирующей право на убежище. Это иллюстрируют несколько примеров. 20 марта 2020 г. кипрская береговая охрана помешала подойти к берегу лодке со 175 сирийцами, в том числе 30 женщинами и 69 детьми, пытавшимися найти убежище [21]. Венгрия приостановила прием лиц, ищущих убежище, в транзитных зонах, расположенных на границе с Сербией. Греция осуществила такие же меры притязания на сухопутной границе с Турцией.

На фоне опасений заражения и отмены международных рейсов авиакомпаний несколько государств – членов ЕС приостановили операции с гражданами третьих стран, подлежащими депортации в страну проживания. Здесь они столкнулись с необходимостью учитывать, что законодательство ЕС и решения Европейского суда по правам человека оправдывают предварительное заключение под стражу таких лиц только при наличии перспективы их экстрадиции в разумные сроки. В условиях пандемии такие сроки назвать оказалось невозможно. Заинтересованные страны (например, Италия) выступили с предложением оценить

возможность досрочного освобождения лиц — как задержанных, так и лишенных свободы по приговору суда. Такие импульсы были подхвачены и нашли развитие в инициативах мировых акторов. 31 марта 2020 г. ряд международных организаций, связанных с ООН, призвал освободить мигрантов, находящихся в местах заключения [22].

Борьба с распространением коронавируса привела государства — члены ЕС к необходимости наведения порядка в лагерях беженцев и других аналогичных учреждениях. Основными инструментами становились карантинные меры, временный запрет и ограничение посещения. На практике это означало, что поставщики социальных услуг или юридической помощи не могли обслуживать такие учреждения. В этом случае пришлось создавать “закрытые” лагеря, представляющие собой центры для размещения людей на карантине. Например, такой центр появился в Австрии, где в режиме изоляции проживали 162 человека [23].

В Португалии Совет по делам беженцев провел ряд заседаний, по итогам которых были выпущены рекомендации на нескольких языках, вывешены наглядные плакаты с инструкциями, а людям розданы наборы с гелем на спиртовой основе и дезинфицирующими средствами. Земельный совет по вопросам беженцев Баварии (ФРГ) выдвинул радикальное предложение: немедленно закрыть на территории ЕС массовые центры для беженцев ввиду их переполненности (например, центр беженцев в поселке Коккиотримития на Кипре, где сосредоточилось вдвое больше людей, чем он мог принять). При этом возникла идея размещать беженцев в квартирах или гостиницах с обязательным соблюдением режима социального дистанцирования.

В ряде стран власти оказались бессильны обеспечить гигиену в лагерях беженцев. Так, на пяти островах восточной части Эгейского моря, принадлежавших Греции, были организованы лагеря для беженцев общей вместимостью 6178 человек. Однако, по данным на 15 марта 2020 г., они приняли 37 524 ходатайства о предоставлении убежища. Как было отмечено в докладе международной общественной организации “Врачи без границ”, “переполненность и полное отсутствие санитарии в сочетании с ограниченным доступом к медицинской помощи усугубили там риск заражения вирусом *COVID-19*. В этих условиях профилактика инфекции невозможна”. Достоянием гласности стал вопиющий факт, когда в лагере для 1300 человек имелся лишь один водопроводный кран; мыла не было вовсе [24]. Понимая тяжесть положения, власти Греции пытались ускоренно провести мероприятия по недопущению распространения коронавируса в лагерях беженцев на своей территории. Упор был сделан на социальное дистанцирование:

только один человек из семьи имел право выйти на пределы лагеря в оговоренный период времени.

ПОДДЕРЖКА ЭКОНОМИКИ И РЫНКА ТРУДА

По мере осознания того, что с пандемией не удастся справиться в кратчайшие сроки, в странах ЕС были предприняты шаги по поддержке различных секторов экономики, преимущественно сферы услуг. Для этого был организован прием заявок от организаций, в которых содержалась информация о величине ожидаемого снижения прибыли или просрочке уплаты долговых обязательств.

В Нидерландах компании, ожидающие потери оборота не менее 20%, могли подать заявку с просьбой об оказании государственной помощи в виде предоставления денежных средств на оплату труда своих работников за 3 месяца [25]. Правительство Бельгии объявило о выделении 23 млн евро в поддержку сектора бытовой уборки [26, р. 8]. Социальный характер этого сектора подчеркивался тем обстоятельством, что в нем было занято 140 тыс. человек, преимущественно женщин, имеющих детей и занятых неполный рабочий день. Испанское правительство ввело специальные льготы для работников, занятых в домашних хозяйствах и серьезно пострадавших от кризиса. Другие государства — члены ЕС предприняли шаги по включению работников с нестандартной занятостью в базовые правовые механизмы, позволяющие выплачивать пособия. В Италии, например, даже неофициально работающие лица получили право на получение разовой помощи в размере 600 евро [27].

В дополнение к таким мерам правительства стремились облегчить экономическое давление на домохозяйства. В Испании был введен мораторий на выплату ипотеки по основному месту жительства для работников и самозанятых. Также был издан запрет на отключение жизненно важных коммунальных услуг для уязвимых социальных групп из-за неплатежей [28]. В Португалии ряд банков, поощряемых государством, разрешил клиентам приостановить выплаты по ипотечному кредиту на срок до 6 месяцев [29].

На первом этапе пандемии самозанятые, как правило, не входили в число тех, кому оказывалась государственная поддержка. Но вскоре правительства многих стран (в частности, Италии, Швеции, Франции) предприняли шаги, ориентированные на поддержку доходов самозанятых, отсрочку обязательных выплат в бюджетные и внебюджетные фонды, облегчение доступа к кредитам на выгодных условиях.

Германские и ирландские власти, защищая интересы арендаторов жилья, среди которых оказа-

лось немало лиц с низким уровнем дохода, ввели дополнительные ограничения на выселение из-за неплатежей. В Греции было предусмотрено снижение арендной платы для работников предприятий, которые приостановили свою деятельность. Правительство Венгрии ввело мораторий на выплату долгов физических и юридических лиц до конца 2020 г.

Огромное влияние пандемия оказала на рынок труда. Масштабные увольнения происходили прежде всего в секторах, связанных с гостеприимством и туризмом. Особенно пострадали самые уязвимые социальные группы: женщины, семьи с одним родителем, рабочие-мигранты, лица старше 60 лет. Государства ввели законодательные нормы, устанавливающие компенсации населению за потерю доходов в связи со вспышкой заболевания *COVID-19*. Согласно им неработающие сотрудники проблемных компаний получали выплаты в виде определенного процента от величины их средней зарплаты за предыдущие 12 месяцев: 90% в Швеции, 80 – в Словении, 70% – во Франции и в Эстонии [30]. В Ирландии был учрежден специальный фонд помощи, из которого каждому новоиспеченному безработному выплачивалось 203 евро в неделю [31]. В Греции работникам предприятий, приостановивших свою деятельность, полагалась компенсация в размере 800 евро.

Пандемия вызвала необходимость юридического урегулирования вопросов дистанционного формата работы. Готовились списки организаций и предприятий, которые в силу специфики работы не могли быть переведены на удаленный режим: аварийные службы, медицинские учреждения, социальные службы, производство и доставка товаров первой необходимости. В ряде государств – членов ЕС были приняты решения об ослаблении или приостановке ограничений на рабочее время, действующих в соответствии с законодательством стран Евросоюза.

Так, поправки, внесенные в законодательство Болгарии, приостановили ограничения на сверхурочную работу для сотрудников, занятых неполный рабочий день, для государственных служащих, участвующих в оказании медицинской помощи, а также для сотрудников полиции и органов противопожарной безопасности. В Португалии ограничили время отпусков, предоставляемых медицинским работникам. Правительство Латвии пошло своим путем, объявив о повышении зарплаты медицинскому персоналу в марте 2020 г. на 50% [32].

Власти призывали работодателей разрешить дистанционную работу своим сотрудникам, вынужденным оставаться дома ради осуществления контроля за своими несовершеннолетними детьми. В случае необходимости разрешалось написать

заявление с просьбой о предоставлении специального отпуска. Около трети стран ЕС ввели новую выплату в виде пособия по уходу за детьми, размер которого составлял от 60% (в Чехии) до 80% (в Польше) зарплаты работника [33, 34]. На Мальте власти заявили о предоставлении двухмесячного отпуска с выплатой 1600 евро родителям школьников [35]. Правда, такие выплаты были ограничены, как правило, возрастом детей. Так, в Словакии поддержка была предоставлена родителям с детьми в возрасте до 11 лет, во Франции – до 16 лет [36, 37].

Рост заболеваемости коронавирусом вынуждал прибегать к нетрадиционным мерам. Правительство Кипра объявило о принудительном отпуске для лиц старше 60 лет, людей с хроническими заболеваниями и беременных женщин, работающих в государственном секторе. В Болгарии работодателей обязали предоставлять ежегодный оплачиваемый отпуск по запросу работников организации, в том числе беременных женщин, женщин, имеющих детей в возрасте до 12 лет или детей с ограниченными возможностями здоровья, работников с группой инвалидности. Также вводилась или усиливалась финансовая поддержка лиц, находящихся в отпуске по болезни или помещенных в карантин из-за заражения коронавирусом. В частности, в Швеции государство взяло на себя все расходы в связи с отпуском работников по болезни в апреле и мае 2020 г.

Одновременно поступали тревожные сигналы о том, что часть работодателей не обращает внимания на правительственные инструкции по профилактике *COVID-19*. Они не предоставляли работникам специальный отпуск; имели место случаи перевода сотрудников на неполный рабочий день или предоставление им неоплачиваемого отпуска, отправки работников на карантин без сохранения заработной платы, превышения максимально допустимого рабочего времени.

Можно констатировать, что в начальный период пандемии страны Европейского союза столкнулись с серьезными социально-экономическими проблемами, решать которые они стремились комплексно, используя преимущественно юридические, информационные и финансовые инструменты. Пандемия еще более обострила проблему социальной дискриминации в странах ЕС. Страх населения перед неизвестной и смертельно опасной болезнью способствовал нарастанию домашнего насилия, расизма и ксенофобии. Власти пытались бороться с проявлениями социальной дискриминации, делая ставку на оказание помощи жертвам насилия и активную информационную политику, стремясь успокоить население и пресечь ложные слухи о грядущих бедствиях.

Стали фактом ограничения на свободное передвижение людей, провозглашенное в Хартии Европейского союза об основных правах. Государства ввели пограничный контроль на внутренних границах, сократили количество пунктов пересечения границы, прекратили работу аэропортов. С наиболее значительными ограничениями столкнулись граждане третьих стран. Многие государства ЕС не рассчитали собственные силы в приеме международных беженцев, допустив их чрезмерное сосредоточение в лагерях, что вызвало серьезные проблемы с поддержанием гигиены.

Приверженность рыночному хозяйству не помешала взять курс на поддержку бизнеса,

в том числе через прямую финансовую поддержку отдельных секторов экономики, прежде всего сферы услуг. При этом от частных компаний требовалась объективность в оценке своего положения, включая будущие трудности и наиболее вероятные риски. Были использованы практики снижения экономического давления на домохозяйства, в том числе введение моратория на выплаты ипотеки и долгов. На рынке труда предпринимались попытки смягчить социальные последствия, вызванные ростом безработицы в странах ЕС. Постепенно расширялся перечень категорий населения, получавших государственную помощь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Gimpolongo E., Benczur P., Campolongo F., Cariboni J., Manca A.R. *Time for Transformative Resilience: the COVID-19 Emergency*. Luxemburg, Publications Office of the European Union, 2020. 14 p.
- Montalto V., Sacco P.L., Alberti V., Panella F., Saisana M. *European Cultural and Creative Cities in COVID-19 Times Jobs at Risk and the Policy Response*. Luxemburg, Publications Office of the European Union, 2020. 37 p.
- Fana M., Tolan S., Torrejón S., Urzi Brancati C., Fernández-Macias E. *The COVID Confinement Measures and EU Labour Markets*. Luxemburg, Publications Office of the European Union, 2020. 32 p.
- Щипков А.В. Политическая философия коронавируса. *Международная жизнь*, 2020, № 5, сс. 12-19. [Shchipkov A.V. Politicheskaya filosofiya koronavirusa [The political philosophy of the coronavirus]. *International Affairs*, 2020, no. 5. pp. 12-19.]
- Gostyńska-Jakubowska A., Scazzieri L. *The EU Can Emerge Stronger from the Coronavirus Crisis*. 01.04.2020. Available at: <https://www.cer.eu/in-the-press/eu-can-emerge-stronger-coronavirus-crisis> (accessed 16.07.2020).
- Rappold J. Presidency in the Pandemic. *International Politics*, 2020, no. 4, pp. 76-77.
- Nedopustna stigmatizacija zaradi zdravstvenih okoliščin, Sporočilo za javnost*, 06.03.2020. [Inadmissible stigmatization due to health circumstances. Press Release. 06.03.2020. (In Slovenian)] Available at: <https://www.varuh-rs.si/sporocila-za-javnost/novica/nedopustna-stigmatizacija-zaradi-zdravstvenih-okoliscin/> (accessed 10.07.2020).
- “Stinkchineses!” Dit is wat Chinese Nederlanders naar hun hoofd geslingerd krijgen sinds het uitbreken van het coronavirus*, 13.02.2020. [“Stinky Chinese”! This is what Chinese Dutch people have been getting thrown at their heads since the outbreak of the coronavirus, 13.02.2020. (In Dutch)] Available at: <https://eenvandaag.avrotros.nl/panels/opiniepanel/alle-uitslagen/item/stinkchineses-dit-is-wat-chinese-nederlands-naar-hun-hoofd-geslingerd-krijgen-sinds-het-uitbreken/> (accessed 11.07.2020).
- Se il virus dilaga, non risparmi nessuno*, 13.03.2020. [If the virus spreads, it spares no one, 13.03.2020. (In Italian)] Available at: <http://www.cronachediordinariorazzismo.org/razzismo-se-il-virus-dilaga-non-risparmia-nessuno> (accessed 12.07.2020).
- Coronavirus Pandemic in the EU – Fundamental Rights Implications. Bulletin 1. February 1 – March 20*. Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2020. 60 p.
- Ortega Smith, aislado por el Covid-19, asegura que sus anticuerpos españoles derrotarán al virus chino*, 14.03.2020. [Ortega Smith, isolated by Covid-19, assures that his Spanish antibodies will defeat the Chinese virus, 14.03.2020. (In Spanish)] Available at: https://www.elespanol.com/espana/20200314/ortega-smith-aislado-covid-19-anticuerpos-espanoles-derrotaran/474702722_0.html (accessed 17.07.2020).
- Kotleba: Do Európy prúdia migranti o ktorých nič nevieme, a my si tu máme umývať ruky*, 12.03.2020. [Kotleba: Migrants are flowing into Europe about whom we know nothing, and we have to wash our hands here, 12.03.2020. (In Slovak)] Available at: <http://www.prehľad sprav.sk/kotleba-do-euro-py-prudia-migranti-o-ktorych-nic-nevieme-my-si-tu-mame-umyvav-ruky/4876> (accessed 18.07.2020).
- Corona und der grassierende Virus der Chinesenfeindlichkeit*, 03.02.2020. Available at: <https://uebermedien.de/45749/corona-und-der-grassierende-virus-der-chinesenfeindlichkeit> (accessed 16.07.2020).
- Nemcsak “gyártotta”, terjesztette is a rémhírt*, 15.03.2020. [Not only did he “produce”, he also spread the rumor, 15.03.2020. (In Hungarian)] Available at: <https://www.mai.gov.ro/informare-covid-19-grupul-de-comunicare-strategica-propunere-de-dezactivare-a-site-ului-https-stiridemoment-ro> (accessed 14.07.2020).
- Jin K. *Keeping People Safe and Informed about the Coronavirus*. 02.04.2020. Available at: <https://www.about.fb.com/news/2020/04/coronavirus/#joint-statement> (accessed 18.07.2020).
- Хартия Европейского союза об основных правах*. 12.12.2007. [Charter of fundamental rights of the European Union. 12.12.2007. (In Russ.)] Available at: <https://base.garant.ru/71672404/> (accessed 12.08.2020).

17. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/399 от 9 марта 2016 г. о Кодексе Союза о правилах, регламентирующих передвижение людей через границы (Шенгенский кодекс о границах) (кодификация) (в ред. от 20 мая 2019 г.). [Regulation of the European Parliament and of the Council of the European Union 2016/399 of March 9, 2016 on the Union Code on the rules governing the movement of persons across borders (Schengen Borders Code) (codification) (as amended on May 20, 2019). (In Russ.)] Available at: <https://base.garant.ru/71546786/> (accessed 09.07.2020).
18. *Covid-19 Guidelines for Border Management Measures to Protect Health and Ensure the Availability of Goods and Essential Services 2020/C86 I/01, OJ C86I*, pp. 1-4, Art. 21. European Commission, 16.03.2020.
19. *Joint Statement of the Members of the European Council*. European Council, 26.03.2020. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/43076/26-vc-euco-statement-en.pdf> (accessed 18.07.2020).
20. *Luxembourg. Règlement grand-ducal du 18 mars 2020 portant introduction d'une série de mesures dans le cadre de la lutte contre le Covid-19*. [Grand-ducal Decree of 18 March 2020 Introducing a Series of Measures to Combat the COVID-19. (In French)] Available at: <http://legilux.public.lu/eli/etat/leg/rgd/2020/03/18/a165/jo> (accessed 11.07.2020).
21. *175 Syrian Refugees Rescued as Boat Sinks*, 20.03.2020. Available at: <https://www.lgcnews.com/175-syrian-refugees-rescued-as-boat-sinks/> (accessed 10.07.2020).
22. *OHCHR, IOM, UNHCR and WHO Joint Press Release, The Rights and Health of Refugees, Migrants and Stateless Must Be Protected in COVID-19 Response*, 31.03.2020. Available at: <https://www.unhcr.org/news/press/2020/3/5e836f164/rights-health-refugees-migrants-stateless-must-protected-covid-19-response.html> (accessed 16.07.2020).
23. *Quarantäne für Asylheim mit 162 Bewohnern*, 18.03.2020. Available at: <https://salzburg.orf.at/stories/3039810> (accessed 20.07.2020).
24. *COVID-19: Evacuation of Squalid Greek Camps More Urgent than Ever in Light of Coronavirus Pandemic*, 13.03.2020. Available at: <https://www.msf.org.uk/article/covid-19-evacuation-squalid-greek-camps-more-urgent-ever-light-coronavirus-pandemic> (accessed 19.07.2020).
25. *Nieuwe regeling werktijdverkorting ook voor oproepkrachten*, 17.03.2020. [New scheme for short-time working also for on-call workers, 17.03.2020. (In Dutch)] Available at: <https://www.flexmarkt.nl/werkgeverschap/nieuwe-regeling-werktijdverkorting-ook-voor-oproepkrachten> (accessed 18.07.2020).
26. *Coronavirus COVID-19 outbreak in the EU Fundamental Rights Implications*. Belgium, Vrije Universiteit Brussel (VUB), 2020. 14 p.
27. *Misure di potenziamento del Servizio sanitario nazionale e di sostegno economico per famiglie, lavoratori e imprese connesse all'emergenza epidemiologica da COVID-19*, 17.03.2020. [Strengthening measures for the National Health Service and economic support for families, worker's e companies connected to the epidemiological emergency from COVID-19, 17.03.2020. (In Italian)] Available at: <http://www.istruzioneepiemonte.it/novara/misure-di-potenziamento-del-servizio-sanitario-nazionale-e-di-sostegno-economico-per-famiglie-lavoratori-e-imprese-connesse-allemergenza-epidemiologica-da-covid-19/> (accessed 28.07.2020).
28. *Real Decreto-ley 8/2020, de 17 de marzo, de medidas urgentes extraordinarias para hacer frente al impacto económico y social del COVID-19*, 18.03.2020. [Royal Decree-Law 8/2020, of March 17, on extraordinary urgent measures to face the economic and social impact of COVID-19, 18.03.2020. (In Spanish)] Available at: <https://www.boe.es/eli/es/rdl/2020/03/17/8/con> (accessed 20.07.2020).
29. *BPI vai dar moratória nos empréstimos da casa (e não só...)*, 22.03.2020. [BPI will default on home loans (and beyond...), 22.03.2020. (In Portuguese)] Available at: <https://www.idealista.pt/news/financas/credito-a-habitacao/2020/03/23/42805-bpi-vai-dar-moratoria-nos-emprestimos-da-casa> (accessed 19.07.2020).
30. *Riik kompenseerib raskustes ettevõtete töötajatele 70 protsenti palgast*, 18.03.2020. [The state compensates employees of companies in difficulty with 70 percent of their salary, 18.03.2020. (In Estonian)] Available at: <https://www.err.ee/1065765/riik-kompenseerib-raskustes-ettevotete-tootajatele-70-protsenti-palgast> (accessed 21.07.2020).
31. *Covid-19 Introduction of Simplified Unemployment Payments for Employees and Payments Possible through Employers – Minister Doherty*, 15.03.2020. Available at: <https://www.gov.ie/en/press-release/965011-covid-19-introduction-of-simplified-unemployment-payments-for-employ/> (accessed 24.07.2020).
32. *Valdība atbalsta piemaksas mediķiem, kuri cīnās ar Covid-19; martā – pat līdz 50%*, 24.03.2020. [The government supports premiums for doctors struggling with Covid-19; in March – up to 50%, 24.03.2020. (In Latvian)] Available at: <https://www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/valdiba-atbalsta-piemaksas-medikiem-kuri-cinas-ar-covid-19-marta-pat-lidz-50.a353098/> (accessed 23.07.2020).
33. *Česká správa sociálního zabezpečení. Aktuální informace košetřovnému*. [Czech social insurance administration. Up-to-date information for the nursing. (In Czech)] Available at: <https://www.cssz.cz/osetrovne> (accessed 22.07.2020).
34. *Tarcza Antykryzysowa ma ochronić firmy i pracowników przed skutkami epidemii koronawirusa*, 18.03.2020. [The anti-crisis shield is to protect companies and employees from the effects of the coronavirus epidemic 18.03.2020. (In Polish)] Available at: <https://www.gov.pl/web/koronawirus/tarcza-antykryzysowa-ma-ochronie-firmy-i-pracownikow-przed-skutkami-epidemii-koronawirusa> (accessed 22.07.2020).
35. *Robert Abela Announces €1.8 Billion Rescue Package to Mitigate Coronavirus Crisis*, 18.03.2020. Available at: https://www.maltatoday.com.mt/news/national/101127/Robert_Abela_to_announce_budget_to_mitigate_coronavirus_crisis#.Xpa17FP7RQI (accessed 21.07.2020).

36. Ministerstvo práce, sociálnych vecí a rodiny SR. *Koronavírus a pracovné právo, PN a ošetrovné*, 10.03.2020. [Ministry of Labor, Social Affairs and Family of the Slovak Republic. Coronavirus and labor law, PN and nursing. 10.03.2020. (In Slovak)] Available at: <https://www.employment.gov.sk/sk/informacie-media/aktuality/koronavirus-pracovne-pravo-pn-osetrovne.html> (accessed 28.07.2020).
37. *Coronavirus: chômage partiel pris en charge à 100%, arrêts de travail automatiques pour les parents, news release*, 13.03.2020. Available at: <https://www.nouvelobs.com/coronavirus-de-wuhan/20200313.OBS25990/coronavirus-chomage-partiel-pris-en-charge-a-100-arrets-de-travail-automatiques-pour-les-parents.html> (accessed 28.07.2020).

**SOCIAL AND ECONOMIC PROBLEMS OF EC COUNTRIES
IN THE INITIAL PANDEMIC PERIOD**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 3, pp. 52-59)

Received 16.08.2020.

Alexander I. EGOROV (dr.egoroff-al2012@yandex.ru),

Nizhnii Novgorod State Technical University, 24 Minin, Nizhnii Novgorod, 603950, Russian Federation.

Alexander M. PETROVSKII (pposdf@mail.ru),

Dzerzhinskii branch of the Nizhnii Novgorod State Technical University, 49 Gaidar, Dzerzhinsk, Nizhnii Novgorod region, 606026, Russian Federation.

The article is devoted to the analysis of key social and economic problems in the EU countries during the initial period of the pandemic. Forced isolation amid the spread of the coronavirus contributed to the growth of domestic and domestic violence, manifestations of racism and xenophobia in the EU. Social discrimination manifested itself in the restriction of access to goods and services for people with Asian appearance. A negative factor was the statements of certain right-wing politicians, as well as a number of media outlets. The member states of the European Union sought to carry out proactive communication with the population of their countries, convincing the latter to use exclusively official information about the situation with the COVID-19 virus and taking steps to ensure the widespread presence of the opinion of the governance in the media and on the Internet. Due to the extraordinary circumstances, EU member states have resumed controls at their internal borders in an effort to ensure the safety of their citizens. Despite assurances from the European Commission that the restrictions would not affect the interests of the EU population and third-country nationals, in March 2020, tangible obstacles arose in the way of realizing the fundamental right to free movement. The first steps were taken to support the sectors of the economy and the employment market in the initial phase of the pandemic. Particular attention was paid to the state of affairs in the most vulnerable service sector. The employment market experienced serious shocks, which was reflected in the growth of unemployment in the EU countries. The measures taken by the authorities of the member states, in general, met the interests of workers, but encountered difficulties in the course of implementation.

Keywords: European Union, pandemic, restrictions, social discrimination, racism, employment market, free movement, economy.

About authors:

Alexander I. EGOROV, Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of Department.

Alexander M. PETROVSKII, Director of Dzerzhinskii Branch.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-52-59

АМЕРИКАНСКИЙ КОНТИНГЕНТ В ФРГ: СИМВОЛ БЕЗОПАСНОСТИ, ГАРАНТ ЛОЯЛЬНОСТИ, ПРЕДМЕТ РОСКОШИ?

© 2021 г. И. Истомин, А. Соколов

*ИСТОМИН Игорь Александрович, кандидат политических наук,
МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (iaistomin@gmail.com).*

*СОКОЛОВ Артем Павлович, кандидат исторических наук,
МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (artem.sokolov89@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 28.05.2020.

В статье рассматривается динамика военного присутствия США в ФРГ через эволюцию американской внешней политики. Представлены данные о количественном присутствии американской армии на территории ФРГ, проведены оценка влияния различных стимулов к изменению численности американского контингента и их сопоставление. Авторы приходят к выводу, что обеспечение лояльности немецкого руководства не связывалось Вашингтоном с размером военного присутствия на территории Германии. Нарастивание американского контингента в ФРГ происходило под влиянием опасений внешних угроз, соотношения конвенционального и ядерного сдерживания в стратегии США и стремления сократить военные издержки.

Ключевые слова: США, ФРГ, бундесвер, вооруженные силы США, безопасность, оккупация.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-60-72

Размещение войск одного государства на территории другого может преследовать несколько задач. В ряде случаев оно призвано обеспечить политический контроль над страной, в которую они направляются, ограничивая ее автономию. С другой стороны, иностранное присутствие порой служит защите партнера от внешних угроз. Оно становится инструментом коллективной обороны, укрепляя безопасность как направляющего государства, так и принимающей страны.

В практике военно-политических альянсов эти задачи зачастую взаимно усиливают друг друга, реализуясь параллельно. Подобное сочетание породило концепцию двойного сдерживания – политики, ориентированной на ограничение как противников, так и союзников [1, 2, 3]. Вместе с тем соотношение контроля и поддержки государства, на территории которого размещались иностранные войска, в отдельных случаях сильно разнятся. Оно также порой меняется со временем.

Присутствие вооруженных сил США в Германии – яркий пример длительного базирования зарубежных войск на территории крупной державы. С точки зрения временной продолжительности он сопоставим только с размещением американских войск в Японии. В обеих странах иностранные войска выполняли оккупирующую роль после завершения Второй мировой войны. В дальнейшем американский контингент оставался в них уже на правах союзника. При этом в случае Германии присутствие иностранных военнослужащих соче-

талось с созданием сравнительно крупной армии. Токио длительное время ограничивался лишь компактными силами самообороны. Наличие самостоятельных возможностей по обеспечению безопасности зачастую выступает предпосылкой отказа от размещения контингента другого государства на своей территории.

Тем удивительнее, что в ФРГ вопрос о выводе сил США никогда всерьез не поднимался. Наоборот, германское руководство не раз высказывало обеспокоенность по поводу возможности сокращения американского присутствия [4, 5]. В этом оно сильно отличалось от японского истеблишмента, в котором целесообразность сохранения союзных отношений с США порой оценивалась критически [6, 7, 8].

В отечественной литературе изучению американско-германских отношений посвящено значительное число исследований [9, 10]. В то же время детерминанты военного присутствия США в ФРГ до сих пор не становились предметом специального рассмотрения. Настоящая работа призвана заполнить эту лауну, оценив влияние различных внешнеполитических соображений на базирование вооруженных сил Соединенных Штатов в Германии.

МОТИВЫ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ГЕРМАНИИ

С середины XX в. США руководствовались рядом причин при базировании войск в различных частях мира. При этом в отдельные периоды времени их

оценки вероятных выгод и издержек от поддержания глобальной сети военного присутствия менялись.

Еще Джордж Кеннан, повлиявший на формулирование американской политики во второй половине 1940-х годов, характеризовал Германию как один из пяти крупнейших промышленных центров мира. Обеспечение национальной безопасности Соединенных Штатов он связывал с предотвращением складывания неблагоприятного соотношения сил, при котором несколько таких центров окажутся враждебными Вашингтону [11, pp. 28-29]. Эти оценки роли Германии делались в условиях послевоенной разрухи. Уже тогда удержание контроля над ее западной частью представлялось краеугольным основанием американской стратегии, тогда как территория, попавшая в советскую зону оккупации, рассматривалась как утерянная зона Вашингтона. Последовавший быстрый хозяйственный подъем ФРГ, ее превращение в крупнейшую европейскую экономику и весомого международного игрока подтвердили значимость этой страны [12]. Они еще более повысили потребность США в обеспечении ее политической лояльности.

Ослабление альянса ФРГ с США могло быть связано с реализацией одного из трех сценариев. Во-первых, наличие крупной группировки советских войск в ГДР порождало опасения вооруженного захвата американских союзников в Европе. В условиях ограниченности собственного потенциала последних Вашингтон сталкивался с необходимостью их защиты от внешней угрозы. Во-вторых, Вашингтон не мог исключать попыток заключения Бонном сепаратных договоренностей с СССР, которые бы привели к его нейтрализации. Такое развитие событий создавало предпосылки для дальнейшего попадания ФРГ в зону влияния Москвы в результате политического маневрирования. Наконец, третий сценарий заключался в превращении Германии в самостоятельный центр силы по мере роста ее экономики и военно-политического потенциала. Опасения по поводу рисков германской великодержавности разделяли и соседи Германии, в том числе Франция.

Базирование американских сил на германской территории могло укрепить способность Вашинг-

тона противодействовать всем трем сценариям. С одной стороны, оно вносило вклад в западное сдерживание СССР и Организации Варшавского договора (ОВД), с другой – американские гарантии, воплотившиеся в развернутом в Германии контингенте, стимулировали наращивание независимого потенциала страны. Делегировав собственную безопасность союзнику, Бонн мог в большей степени сосредоточиться на развитии национальной экономики и поддержании высокого уровня жизни.

Оценка стратегических соображений, обуславливающих американское военное присутствие в Германии, не будет полной без анализа негативных последствий. Размещение контингента за рубежом связано с существенными финансовыми затратами. Эти издержки требуют перенаправления национального богатства из продуктивных секторов на военные нужды. Между тем Вашингтон рассматривал экономическую конкурентоспособность как долгосрочную опору своих международных позиций, что побуждало его ограничивать бюджетные расходы. В рамках американской стратегии сохранение тесных связей с Германией оставалось значимой, но не единственной целью. Соответственно, стремление к поддержанию вооруженных сил в ФРГ конкурировало с другими приоритетами.

Альтернативой содержанию контингента в Германии выступало не только сокращение расходов или направление войск в иные части мира, но и перераспределение ресурсов на ядерное сдерживание. Последнее имело ряд преимуществ – с ним связывалась возможность нанесения большего ущерба при сопоставимых или меньших затратах по сравнению с обычными вооружениями. Тем не менее именно ввиду его мощи применимость ядерного оружия дебатировалась [13, 14]. Также с точки зрения союзников готовность США его использовать для их защиты не была очевидной, а эти сомнения снижали лояльность союзников.

Таблица 1 суммирует стратегические соображения Вашингтона. В политике США переплетались три основных мотива, оказывавших разнонаправ-

Таблица 1. Стратегические соображения, обуславливающие политику США в отношении ФРГ

Мотив контроля	Мотив поддержки	Мотив экономии
+ опасения восстановления германской угрозы; + риски возможного сближения ФРГ с СССР/Россией	+ советская/российская военная угроза; +/- сравнительная оценка конвенционального и ядерного сдерживания	– забота о поддержании продуктивности как основы американской мощи; – представление о значимости неевропейских угроз

Примечание.

+ предположительно работает на рост американского военного присутствия;

– предположительно работает на снижение американского военного присутствия;

+/- предположительно имеет противоречивое влияние на американское военное присутствие.

Составлено авторами.

ленное воздействие, — стремление обеспечить лояльность ФРГ (мотив контроля), заинтересованность в противодействии внешней угрозе (мотив поддержки), желание ограничить затраты (мотив экономии).

При этом вероятность сближения ФРГ с конкурентами Вашингтона и риски ее превращения в независимого игрока, равно как и наличие общих угроз подталкивали к укреплению трансатлантической солидарности, в том числе за счет передового базирования американских войск. Стремление сократить бремя расходов, а также наличие вызовов в других регионах побуждали к сокращению присутствия. Наконец, переоценка значимости конвенционального и ядерного сдерживания могла по-разному воздействовать на политику Соединенных Штатов.

Проверка значимости воздействия представленных переменных на изменение масштабов американского присутствия на германской территории, в том числе оценка их влияния в сравнительной перспективе, требует систематического рассмотрения исторического опыта отношений США и ФРГ. В этой связи в следующем разделе бу-

дет описана динамика наращивания и сокращения контингента с 1940-х годов.

ДИНАМИКА ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ США В ФРГ

С середины XX в. значительная доля вооруженных сил США размещается за рубежом. На протяжении холодной войны в Европе и прежде всего в Германии была сосредоточена значительная доля американских войск. Здесь базировался наиболее крупный контингент, размещавшийся на постоянной основе (численность сил, вовлеченных в локальные конфликты, могла оказываться и большей). С 1990-х годов присутствие американских войск в Европе сократилось. Тем не менее ФРГ продолжала занимать 1-е место в мире по размеру постоянного контингента США до 2010-х годов. В последние годы она делит его с Японией [15].

Масштабы присутствия вооруженных сил США в ФРГ не были неизменными даже в период bipolarности (см. рисунок). К окончанию Второй мировой войны американский контингент на территории Германии превышал 2 млн человек. Сразу после

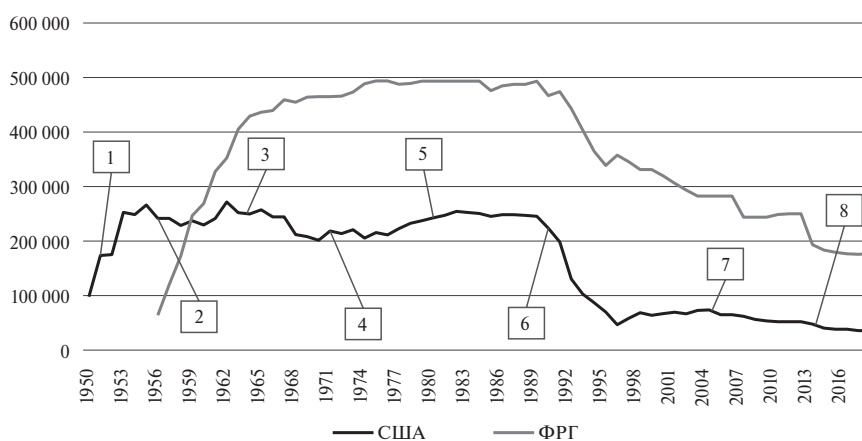

Рис. Эволюция американского военного присутствия в Германии, тыс. человек

Примечание. Потенциальные стимулы к изменению уровня военного присутствия: 1 — война в Корее — рост представлений о советской военной угрозе; 2 — хрущевские сокращения советских войск / Концепция “массированного возмездия”; 3 — переоценка советской военной угрозы / Стратегия “гибкого реагирования”; 4 — советско-американская разрядка / осложнение отношений с европейскими союзниками; 5 — возобновление холодной войны / доктрина “воздушно-наземных операций”; 6 — окончание холодной войны / объединение Германии; 7 — переориентация США на угрозы с Ближнего и Среднего Востока / осложнение американо-германских отношений; 8 — украинский конфликт — переоценка угрозы со стороны России.

Составлено авторами по данным: для вооруженных сил США — Kane T. *Global U.S. Troop Deployment, 1950–2003*. Heritage Foundation, 01.03.2006. Available at: <https://www.heritage.org/defense/report/global-us-troop-deployment-1950-2003> (до 2005 г.); *IJSS Military Balance 2006–2019*. International Institute for Security Studies (с 2006 г.); для вооруженных сил ФРГ — *Verteidigung im Bündnis. Planung Aufbau und Bewährung der Bundeswehr. 1950–1972*. Hrsg. von Fischer J. München, Bernard und Graefe, 1975. S. 465 (до 1959 г.); *IJSS Military Balance 1960–2019*. International Institute for Security Studies (с 1960 г.).

завершения военных действий Вашингтон инициировал массовую демобилизацию. Уже в 1945 г. Первая армия была передислоцирована в Западное полушарие. В следующем году была расформирована Седьмая армия, а в 1947 г. США вывели из Германии Третью армию. В результате к моменту создания ФРГ в 1949 г. на территории британской, американской и французской зон оккупации находилось около 120 тыс. военнослужащих США.

На старте 1950-х годов тренд изменился. Произошло серьезное наращивание американского военного присутствия до 270 тыс. в 1955 г. За ним последовало новое, хотя и не столь значительное сокращение во второй половине десятилетия. Подобная волновая динамика сохранилась и в дальнейшем, хотя продолжительность отдельных этапов сильно разнилась. Прирост в начале 1960-х сменился снижением и стабилизацией численности на уровне 210–230 тыс. военнослужащих в 1970-х. С конца того же десятилетия контингент вновь наращивался и оставался в районе 250 тыс. вплоть до завершения холодной войны.

К середине 1990-х годов американское присутствие упало до менее чем 50 тыс. человек, но к 2004 г. опять выросло более чем наполовину. С тех пор наблюдалось непрерывное сокращение, хотя и не столь резкое, как после Второй мировой войны или распада СССР. Символическим шагом стал вывод в 2013 г. всех бронетанковых подразделений США из Германии [16], однако в последующие годы они стали возвращаться в Европу на ротационной основе.

В целом во второй половине 2010-х годов сокращение американского присутствия в ФРГ затормозилось. При этом осуществлялось наращивание вооруженных сил США в других странах Европы, прежде всего в Польше. В последней они дислоцируются на ротационной, а не постоянной основе. На конец 2010-х на территории Германии размещалось около 35 тыс. американских военнослужащих. Кроме того, в стране была развернута штабная и логистическая инфраструктура. В частности, здесь размещаются Европейское командование вооруженных сил Соединенных Штатов, а также подчиненные ему региональные штабы сухопутных войск, авиации, морской пехоты и сил специальных операций. В германском Штутгарте располагается и Африканское командование вооруженных сил США. Германия также остается значимым транспортным центром, через который войска переправляются в Центральную и Восточную Европу.

Сохранение весомого военного присутствия на протяжении всего рассматриваемого периода подтверждает стратегическую значимость ФРГ для Соединенных Штатов. В то же время как в годы хо-

лодной войны, так и в последующие десятилетия для него характерна высокая изменчивость. При этом отдельные этапы различаются по временной продолжительности (от 5 до 15 лет), направленности изменений в динамике американского присутствия (наращивание и сокращение) и степени их выраженности (от нескольких процентов до двух и более раз). Такая вариативность требует объяснения, и представленный выше временной промежуток служит эмпирической основой для сопоставительного анализа.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ АМЕРИКАНСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В 1940–1980-Х ГОДАХ

Для объяснения рассматриваемой динамики следует оценить изменения в выделенных ранее переменных (связанных с мотивами контроля, поддержки и экономии) на различных этапах наращивания и сокращения американских войск. Сопоставление возникавших в различные временные промежутки стимулов (нашли отражение в рисунке) с имеющимися данными о численности вооруженных сил США в ФРГ позволит оценить сравнительную значимость различных мотивов.

Решение об оккупации Германии принималось антигитлеровской коалицией на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. Еще ранее Вашингтон выступал за разделение побежденного противника [17]. Таким образом, первоначально целью оккупационных сил Соединенных Штатов (так же, как и других союзников) было поддержание контроля над Германией, осуществление политики денацификации, демилитаризации, демонополизации и демократизации.

В условиях начинавшейся холодной войны США рассчитывали, что основную роль в поддержании военного баланса с Советским Союзом будут играть европейцы. Соответственно, они стремились сократить присутствие в Германии. Даже Берлинский кризис 1948 г., подведший США и СССР к грани вооруженного столкновения, не поменял этот подход. В период создания НАТО в 1949 г. Вашингтон продолжал ожидать, что конвенциональное сдерживание обеспечат союзники, а его вклад будет заключаться в предоставлении ядерных гарантий [18]. В первые послевоенные годы значительное влияние на политику Вашингтона оказывало стремление к сокращению военных расходов. Соображения поддержки союзников конвенциональными силами оставались маргинальными. Такое положение побуждало США сокращать военное присутствие в Европе.

Американская оценка угроз радикально поменялась с началом Корейской войны [19, pp. 578–582].

Как Вашингтон, так и его союзники стали проводить параллель между разделенной Кореей и разделенной Германией. На это накладывались опасения, вызванные испытанием советского атомного устройства в 1949 г. В результате утери США ядерной монополии доверие союзников к их гарантиям снизилось, а пессимизм в оценках соотношения конвенциональных сил усилился.

Потенциал НАТО в Европе был неадекватным для сдерживания 175 советских дивизий, которые насчитывали западные планировщики. В результате с 1950 по 1953 г. Соединенные Штаты более чем в 2,5 раза увеличили контингент в ФРГ. Тем самым они подкрепляли трансатлантическую солидарность, хотя и продолжали рассчитывать, что смогут переложить издержки конвенционального сдерживания на союзников в будущем.

На пересмотр американской линии повлияли не только мотив поддержки, но и сомнения в лояльности ФРГ [20, р. 7]. Опасения перед военной мощью СССР могли подтолкнуть ее к попыткам договориться с Москвой. Эти опасения обусловили негативное восприятие советских предложений 1952 г. об урегулировании германского вопроса на условиях реюнификации ГДР с ФРГ и обеспечения внеблокового статуса образуемого объединения [21].

Таким образом, в начале 1950-х годов мотивы сохранения контроля над Германией и сдерживания СССР тесно переплетались и взаимно усиливали друг друга, порождая стимулы к наращиванию американского контингента в ФРГ. На этом фоне соображения экономии отошли на второй план, даже несмотря на затраты на войну в Корее. Они не помешали значительному наращиванию войск США в Европе в 1951–1955 гг.

После 1953 г. восприятие внешней угрозы вновь стало меняться. На стратегию США прежде всего влиял даже не переход Советского Союза после смерти И.В. Сталина к политике “мирного сосуществования”, а переоценка возможностей СССР. К середине 1950-х годов в Вашингтоне возникло понимание, что представления об огромном преимуществе Москвы в обычных вооружениях раздуты [22], а сами США на тот момент накопили значительный арсенал тактических ядерных вооружений. Соответственно, задача конвенционального сдерживания СССР становилась менее актуальной, снижая стимулы для прежних масштабов присутствия в Германии.

Одновременно возросла значимость экономии. Администрация Дуайта Эйзенхауэра исходила из того, что холодная война примет вид длительной борьбы на истощение. Это стимулировало запрос на долгосрочную конкурентоспособность. Соответственно, США перенесли акцент на ядерное

сдерживание как более дешевый способ противодействия СССР. Воплощением этого подхода стала концепция “массированного возмездия”, провозглашавшая, что на любые попытки Москвы изменить статус-кво Вашингтон ответит ядерным оружием [23].

В условиях ослабления мотива поддержки и стремления сократить расходы на конвенциональные силы США уменьшили контингент в ФРГ. Даже на фоне событий в Венгрии 1956 г. и новых обострений вокруг Берлина 1958–1961 гг. он оставался более компактным, чем в первой половине 1950-х годов. Снижению нагрузки на американские вооруженные силы способствовало и появление западногерманской армии.

Хотя вооруженные силы создавались под эгидой НАТО, само их наличие свидетельствовало о постепенном снятии ограничений в отношении ФРГ. Вашингтон добивался ремилитаризации Германии с начала 1950-х годов, несмотря на протесты союзников. США даже критиковали Бонн за низкие темпы наращивания войск. Администрация Д. Эйзенхауэра подчеркивала: американские силы не будут оставаться в Европе перманентно [24]. В этой связи она даже либерально относилась к возможности доступа ФРГ к размещаемым на ее территории ядерным вооружениям. Лишь с 1958 г. Вашингтон приостановил планы дальнейших глубоких сокращений войск ввиду активизации попыток Бонна по обретению независимого от США потенциала ядерного сдерживания.

Смену американской стратегии в начале 1960-х годов нередко увязывают с приходом к власти администрации Джона Кеннеди. Принятие стратегии “гибкого реагирования” предстает результатом переосмысления ядерного и конвенционального сдерживания. Оно было обусловлено появлением у СССР межконтинентальных ракет, способных угрожать американской территории. С точки зрения стратегических возможностей Москва приблизилась к паритету с США.

Вашингтон стал острее осознавать неадекватность концепции “массированного возмездия” против ограниченных конфликтов с вероятным противником. Он стремился к доминированию на всех уровнях эскалации потенциального конфликта, включая конвенциональный. Такой подход позволял ответить и на обострившиеся опасения европейских союзников, что Вашингтон пожертвует ими в случае кризиса, опасаясь советского возмездия против собственной территории.

В начале 1960-х годов альтернативой ориентации на США в политике ФРГ стало сближение с голлистской Францией, в том числе стороны разрабатывали планы сотрудничества в стратегической сфере. Весьма показательной была реак-

ция на это администрации Дж. Кеннеди в 1963 г. Вашингтон прямо пригрозил, что попытки обретения Западной Германией собственного ядерного арсенала приведут к выводу американских сил [25, pp. 111-117]. Такого рода давление побудило Бонн к сворачиванию амбициозных планов сближения с Парижем.

Как и за десятилетие до этого, в 1960-х годах мотивы поддержки и контроля оказывали согласованное воздействие, побуждая к расширению контингента в Германии. При этом мотив экономии не стоял остро — экономическое положение США было устойчивым, а расходы на конвенциональное сдерживание подъемными. Нарастание в этот период не было столь же драматичным, как в годы войны в Корее. Если в 1956–1960 гг. контингент в среднем не достигал 238 тыс., то в 1961–1967 гг. этот показатель превышал 253 тыс.

Конец 1960-х годов был отмечен обострением вьетнамской проблемы для Соединенных Штатов. Пик американского военного присутствия в Индокитае пришелся на 1968 г., когда в регионе находилось более полумиллиона военнослужащих. На этом фоне сокращались американские возможности по потенциальному наращиванию сил в Европе [26, p. 122]. Свидетельства роста советского потенциала во второй половине 1960-х годов осложнили положение США, побуждая их искать способы купирования возросшего диспаритета. Более того, Вьетнамская война привела к общественному разочарованию в вооруженных силах. Одним из следствий стал переход на контрактный принцип комплектования войск, что повышало их стоимость. Внешнеполитическим неудачам США сопутствовало ухудшение экономической ситуации к началу 1970-х годов. В результате возросло значение мотива экономии [27].

На этом фоне Вашингтон пошел на разрядку с Москвой, заключив в 1972 г. соглашения об ограничении средств противоракетной обороны и стратегических наступательных вооружений. Таким образом, с начала 1970-х наблюдались синхронизация стремления к сокращению издержек и снижение внешней угрозы благодаря дипломатическим уступкам. В результате в 1968–1976 гг. контингент США в Германии в среднем был на 15% меньше, чем в 1961–1967 гг. Подобное положение тем более показательнее на фоне снижения возможностей европейских союзников: Франция вышла из военно-штабных структур НАТО, а Великобритания сократила военный бюджет ввиду ограниченности экономических возможностей.

Снижению американского присутствия в ФРГ не помешал даже рост опасений относительно лояльности Бонна после прихода к власти в 1969 г. германских социал-демократов [28]. Хотя США

считали, что “новая восточная политика” правительства Вилли Брандта ослабляет трансатлантическую солидарность, они не пытались давить на правительство ФРГ наращиванием американского контингента.

К концу 1970-х годов в Соединенных Штатах вновь усилились страхи по поводу возможного роста диспаритета с Советским Союзом в Европе. Хотя США сделали акцент в военном строительстве на обеспечении качественного превосходства, они старались нарастить и численность вооруженных сил. При этом рейгановский экономический подъем укрепил материальные основания международной стратегии Соединенных Штатов в 1980-х годах¹.

В результате произошло последовательное, хотя и небольшое увеличение американского контингента на территории Германии. В 1982 г. его численность вновь превысила 250 тыс. военнослужащих. Этот уровень военного присутствия поддерживался до конца 1980-х годов. Он сохранился даже в условиях снижения остроты противостояния с СССР после прихода к власти в Москве М.С. Горбачева. Последний стал проводить более кооперативный курс, чем его предшественники, стремясь преодолеть логику биполярной конфронтации. Еще ранее американские аналитики приходили к выводу, что наличествующих сил более чем достаточно для сдерживания ОВД [30]. Тем не менее к концу 1980-х годов США все больше убеждались в ослаблении экономических оснований советской мощи. В этих условиях они продолжали давление на соперника, добиваясь его окончательного устранения как вероятного военного противника [24]. Эти соображения побуждали к сохранению сравнительно высокого уровня военного присутствия.

Отношения США с европейскими союзниками, в том числе с ФРГ, с конца 1970-х годов оставались сложными. Бонн демонстрировал недовольство отказом Вашингтона от наследия разрядки и не разделял планов по обострению соперничества в военной области. Кроме того, руководство Западной Германии реагировало на пацифистские настроения в стране [31]. К концу 1980-х США испытывали опасения, что советская “политика нового мышления” подорвет трансатлантическое единство, искушая Бонн возможностью сепаратной сделки с Москвой [32].

Ослабление лояльности ФРГ было вызвано силовым компонентом в политике США. В этих условиях расширение военного присутствия не способствовало укреплению привязки союзника. Тем не менее мотив контроля не влиял существенно на

¹ Правда, растущие опасения Вашингтона вызывала Япония, превратившаяся во вторую экономику мира и стремительно догонявшая США [29].

изменения в базировании американских сил в Германии на завершающем этапе холодной войны. Вместо этого Вашингтон опирался на дипломатические инструменты.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СОХРАНЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В ФРГ В 1990–2010-Х ГОДАХ

Завершение биполярного противостояния, объединение Германии и роспуск ОВД в 1990 г. решительным образом поменяли стратегическую ситуацию для США. Более того, распад СССР и вывод российских войск с территории бывшей ГДР и других стран Центральной и Восточной Европы окончательно устранили военную угрозу как причину сохранения американского присутствия в регионе.

При этом в хозяйственном плане положение США в первой половине 1990-х годов оставалось стабильным. Американская экономика продолжала расти на фоне стагнации или ослабления основных конкурентов. Вместе с тем на усиление мотива экономии влияло стремление сосредоточиться на внутреннем развитии. Оно подталкивало Соединенные Штаты к сокращению присутствия за рубежом.

В то же время объединенная Германия обладала гораздо более значительным потенциалом, чем прежняя ФРГ, для превращения в самостоятельный центр силы. Кроме того, бывшие союзники по антигитлеровской коалиции в 1990 г. отказались от своих послевоенных прав. В ходе реюнификации Германия взяла на себя ряд обязательств по ограничению вооруженных сил, но исторический опыт не давал серьезных оснований для доверия договорным обещаниям.

На этом фоне вновь обострились опасения относительно возрождения германского ревизионизма, которые особенно явно высказывались представителями Великобритании и Франции. Сценарии нового обострения противостояния в Европе прогнозировались и авторитетными американскими аналитиками [33]. На предотвращение их реализации было направлено дальнейшее углубление европейской интеграции, создававшей институциональные сдержки волюнтаризму ФРГ.

Вместе с тем для США это решение порождало новые вызовы, превращая уже Европейский союз в потенциального конкурента [34]. В этих условиях Вашингтон стремился к долгосрочному сохранению присутствия в Европе с опорой на Североатлантический альянс как на основную институциональную рамку трансатлантической солидарности. Более того, он стал добиваться опережающего расширения НАТО по сравнению с ЕС.

ФРГ сама выступала за сохранение американского военного присутствия на своей территории. Она стремилась демонстрировать приверженность трансатлантическому единству и кооперации с Соединенными Штатами [35, с. 27]. Руководство обновленной Германии, ставя задачу нормализации международного статуса, осознавало риски обострения противоречий с западными партнерами. Они поставили бы под сомнение благоприятную среду экономической экспансии Берлина, укрепление признания его социальной и культурной модели [36].

Между тем в самой Германии сформировалось убеждение, что агрессивный экспансионизм первой половины XX в. окончательно стал частью истории в силу не только внешних, но и внутренних причин. После заключения Хельсинкских соглашений в 1975 г. ФРГ закрыла вопрос территориальных претензий в Восточной Европе. Первые годы после объединения Германии бундесвер сохранял ограничения на операции за пределами немецких границ. Хотя объединенная Германия пробуждала у своих соседей фантомные боли прошлого, образ “конца истории” начала 1990-х годов оставлял мало места для немецкой политики в духе Вильгельма II или Гитлера. Руководство ФРГ принимало во внимание опасения своих европейских и американских партнеров вокруг собственной силы, но рассматривало их в контексте репутационных издержек, а не как политическую проблему с практическим измерением.

Таким образом, несмотря на исчезновение внешней угрозы и стремление к более экономичной внешней политике, проблема контроля над ФРГ в первой половине 1990-х годов стояла перед США весьма остро. Тем не менее в этот период наблюдалось самое масштабное с 1940-х годов сокращение американского контингента в Германии. Если в 1989 г. на территории этой страны присутствовало больше 246 тыс. американских военнослужащих, то к 1996 г. их число немногим превышало 48 тыс.

Последний показатель был аномальным — численность американских сил оказалась более чем на четверть снижена по сравнению с предшествующим 1995 г. В последующие годы военное присутствие стабилизировалась на уровне 60–70 тыс. человек с постепенным увеличением до 75 тыс. к середине 2000-х годов. Между тем новых серьезных внешних угроз Соединенным Штатам с конца 1990-х годов не возникало. Экономическое положение России оставалось крайне сложным, и, несмотря на его улучшение с начала 2000-х годов, Москва не рассматривалась всерьез как военный соперник. Операция НАТО против Югославии в 1999 г. также носила краткосрочный и ограниченный характер.

После терактов 11 сентября 2001 г. США стали связывать угрозы безопасности с Ближним и Средним Востоком, что стимулировало смещение фокуса их политики в этот регион.

Во второй половине 1990-х годов потенциальные вызовы лояльности европейских государств к стратегии Вашингтона сохранялись и приобретали даже более острые проявления. Войны на Балканах продемонстрировали зависимость союзников от США, однако они также стимулировали усилия по наращиванию способности к коллективным действиям вне НАТО, выразившимся в Европейской политике безопасности и обороны [37]. Несмотря на то что им не удалось создать существенный самостоятельный потенциал, европейские союзники продемонстрировали снижение лояльности в контексте начавшейся в 2003 г. войны в Ираке. ФРГ наряду с Францией выступила одним из главных критиков американских действий среди стран – участниц НАТО [38].

На наращивание американского присутствия в Германии в конце 1990-х – начале 2000-х годов оказало влияние скорее не стремление к восстановлению контроля над союзником, а ослабление мотива экономии. Этот период в целом характеризуется ростом военных расходов Соединенных Штатов под влиянием критики со стороны Республиканской партии предшествовавших сокращений.

К середине 2000-х годов стала очевидной необходимость большего фокусирования военного потенциала на решении приоритетных задач на Ближнем и Среднем Востоке. В частности, США столкнулись с вызовом поддержания значительного и длительного военного присутствия в Ираке, что даже потребовало увеличения общей численности сухопутных сил. Возникшие трудности побуждали их к сокращению контингентов в других местах и общей перестройке системы размещения вооруженных сил в сторону сокращения масштабов постоянного передового базирования [39]. В этих условиях Вашингтон опять использовал угрозу вывода войск как инструмент наказания союзников за недостаточную лояльность. То есть мотив контроля побуждал к действиям, обратным логике обеспечения покорности путем оккупационного присутствия.

С конца 2000-х годов на международную стратегию США негативное влияние оказывало и ухудшение экономической ситуации в результате финансового кризиса 2007–2009 гг., а также секвестра бюджета 2013 г. [40]. С начала 2010-х годов Вашингтон стал проводить политику перебалансировки в Азию, обусловленную подъемом Китая. Таким образом, поддержанию американского присутствия в ФРГ приходилось конкурировать за сокращавшиеся ресурсы с более актуальными приоритетами.

Ухудшение отношений между Россией и Западом с 2014 г. вновь обострило представление о территориальной угрозе НАТО [41]. При этом вероятность прямого военного столкновения с Москвой рассматривалась США и их союзниками как низкая, что ограничивало масштабы возвращения американских сил в Европу. Более того, основная линия противостояния пролегла восточнее, чем в годы холодной войны. В результате основной упор Вашингтон сделал на государства Центральной и Восточной Европы. Он стал рассматривать возможность перемещения дополнительных сил из Германии в Польшу [42].

Таким образом, внешние угрозы не порождали стимулы для наращивания американского контингента в Германии, а мотивы экономии побуждали к сокращению присутствия. В этот период ФРГ демонстрировала растущую самостоятельность, что выразилось в том числе в ее позиции по поводу операции в Ливии в 2011 г. [43], но Вашингтон не рассматривал размещение собственных войск как инструмент дисциплинирования союзника. Напротив, он стал воспринимать его как способощрения уже лояльных стран.

Все эти мотивы привели к последовательному сокращению присутствия вооруженных сил США в Германии. Этот процесс не был быстрым, но суммарное снижение оказалось весьма значительным. К 2018 г. американский контингент уменьшился более чем в 2 раза по сравнению с 2004 г. На фоне дальнейшего возрастания американских опасений в отношении Китая и ухудшения отношений с Германией стабилизация уровня военного присутствия Соединенных Штатов с 2018 г. не представляется устойчивой.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА МОТИВОВ АМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИИ

Представленный выше обзор охватывает большое число изменений, поэтому извлечение генерализованных выводов из исторического материала требует представления значений переменных в структурированном виде. Результаты анализа систематизированы в табл. 2. В нее включены качественные оценки на девяти этапах эволюции американского военного присутствия в Германии. Это позволяет определить степень влияния переменных на основе сопоставления выявленных стимулов и динамики присутствия на нескольких временных промежутках.

В ходе анализа переход от одного этапа к другому связывался с изменением господствующего тренда на сокращение или наращивание вооруженных сил США на территории ФРГ. При этом отдельные отклонения в единичные годы (как правило, в размере

Таблица 2. Основные этапы в эволюции американского военного присутствия в ФРГ

	Динамика присутствия	Мотив контроля	Мотив поддержки	Мотив экономии
1945–1950	Значительное сокращение	Сохранение присутствия	Мало стимулов к наращиванию	Значительное сокращение
1951–1955	Значительное наращивание	Наращивание	Значительное наращивание	Сокращение
1956–1960	Небольшое сокращение	Наращивание	Мало стимулов к наращиванию	Значительное сокращение
1961–1967	Небольшое наращивание	Наращивание	Наращивание	Мало стимулов к сокращению
1968–1976	Небольшое сокращение	Наращивание	Мало стимулов к наращиванию	Значительное сокращение
1977–1989	Небольшое наращивание	Значительное наращивание или сохранение присутствия	Наращивание	Мало стимулов к сокращению
1990–1996	Значительное сокращение	Наращивание	Значительное сокращение	Сокращение
1997–2004	Значительное наращивание	Наращивание	Мало стимулов к наращиванию	Мало стимулов к сокращению
2004–2018	Значительное сокращение	Наращивание	Мало стимулов к наращиванию	Значительное сокращение

Составлено авторами.

нескольких тысяч человек) не рассматривались как смена тренда². При анализе значительного временного промежутка (три четверти века) отсутствует возможность учесть множество нюансов американской политики в отдельные годы, но эта задача и не ставилась в рамках исследования. Задачей анализа было выделение основных поворотных моментов в динамике военного присутствия: с 1945 г. по конец 2010-х выделяется пять этапов сокращения сил и четыре этапа их наращивания.

На различных временных промежутках изменения в численности зарубежного контингента существенно различались по масштабу. Соответственно, при анализе проводилось разграничение между значительными и сравнительно небольшими сокращениями и наращиваниями. В качестве первых рассматривались случаи, когда разница между средним размером американского присутствия в последующий этап и размером контингента в последний год предыдущего этапа превышала 25%. В ином случае наращивание или сокращение оценивалось как небольшое.

Порог устанавливался на основе авторских оценок, но во всех случаях изменения, классифицируемые как значительные или небольшие, отстояли от него на 5% и более. Таким образом, между выделенными для анализа двумя типами наращиваний и со-

² То есть, если в промежутке между двумя годами, в которые проходило наращивание американских сил, находился один год, когда они сокращались (и наоборот, если происходило единовременное наращивание на этапе сокращения), то это не приводило к выделению нового этапа. Исключения были сделаны для периода 1983–1985 и 1988–1989 гг., когда сокращения наблюдались в течение трех и двух лет соответственно. Но они не рассматривались как самостоятельные этапы, так как эти колебания оставались существенно меньшими по сравнению с этапами до 1978-го и после 1990 г.

кращений действительно наличествовал разрыв. Единственным случаем, когда в оценке изменения как значительного можно усомниться, выступает временной промежуток с 1997 по 2004 г. Ему предшествовала аномально низкая численность американских военнослужащих в 1996 г. Между тем по сравнению с 1995 г. уровень военного присутствия на последующем этапе менялся незначительно.

Исходя из представленной ранее логики стремление укрепить лояльность Германии к США и содействовать ей в противодействии общей угрозе должны были побуждать к размещению дополнительных войск, а стремление снизить издержки — к их выводу. На основе исторического материала в рамках каждого этапа были выявлены стимулы, соответствующие трем основным мотивам: контроля, поддержки и экономии. При этом значения мотивов контроля и поддержки характеризовали стимулы к наращиванию контингента, а значения мотива экономии — к его сокращению.

Исключением стал временной промежуток 1990–1996 гг., в рамках которого исчезновение основного оппонента США (ослабление мотива поддержки) побуждало к значительному сокращению военного присутствия. При определении значений по каждой из переменных использовались не абсолютные, а относительные оценки — насколько больше или меньше были стимулы к сокращению или наращиванию войск по сравнению с предыдущим этапом. Представленные значения дают формализацию исторической фактуры, рассмотренной в предыдущих разделах.

Данные табл. 2 подводят к выводу, что выделенные переменные влияли на динамику американского военного присутствия в ФРГ в различной степени. Мотив поддержки союзника в противодействии

внешней угрозе демонстрирует наибольшую объяснительную силу при анализе направленности и степени изменения контингента на всех этапах, кроме одного. Только на временном промежутке с 1997 по 2004 г. отсутствие серьезного оппонента входит в противоречие с увеличением числа американских военнослужащих, но, как было указано выше, на оценивание этого этапа влияют данные за 1996 г.

Динамика присутствия также в большинстве случаев согласуется со стимулами, относящимися к мотиву экономии. Лишь на временном промежутке 1951–1955 гг. рост стремления к сокращению издержек не помешал наращиванию контингента. На других этапах таких противоречий не прослеживается, но интенсивность соображений экономии нередко расходится с масштабами изменений. В этом отношении мотив поддержки демонстрирует более согласованные эффекты.

Наконец, наименьшее значение для динамики американского присутствия имел мотив контроля. Даже в тех случаях, когда опасения за лояльность ФРГ сопровождали наращивание сил, имело также место возрастание внешней угрозы. В рамках мотива контроля увеличению присутствия в большей степени соответствовало стремление успокоить германское руководство относительно возможного диспаритета с вероятным противником.

За чрезмерную самостоятельность США были склонны наказывать союзника сокращением вооруженных сил, а не привязывать направлением дополнительных контингентов. Подобная практика согласуется с ранее сделанным выводом относительно большей эффективности негативных, а не позитивных стимулов в отношениях между близкими партнерами [44].

* * *

Вариативность в динамике американского военного присутствия в Германии маскирует сохраняющееся влияние неизменных переменных на политику США. Хотя изменения стратегической обстановки приводили к переоценке стимулов к наращиванию или сокращению контингента, относительная важность различных мотивов в политике Вашингтона оставалась стабильной. Даже такое структурное изменение, как окончание холодной войны и распад биполярной системы, ее не поколебало.

Ключевыми детерминантами решений Вашингтона в отношении военного присутствия на территории Германии оставались уровень военной угрозы и острота противостояния с внешним оппонентом, в качестве которого после Второй мировой войны традиционно выступала Москва. При этом взаимная ядерная уязвимость повысила, а не снизила значение соотношения конвенциональных сил в американских стратегических оценках.

На политику США также воздействовало стремление к экономии. Размещение американских войск в ФРГ конкурировало как с внутривнутриполитической повесткой правящих администраций, так и с иными региональными приоритетами глобальной стратегии Вашингтона. Тем не менее стратегические соображения в конечном счете преобладали над экономическими ограничениями.

При этом изначальной задачей размещения сил на территории Германии выступало поддержание контроля над ней. Более того, сохранение лояльности ФРГ оставалось значимой целью американской глобальной стратегии со времени окончания Второй мировой войны. Тем не менее Соединенные Штаты не пытались использовать наращивание контингента в стране для обеспечения ее лояльности. США привязывали ФРГ за счет других инструментов.

Подобная политика отражала неэффективность контроля посредством угрозы военной оккупации, которую США осознали еще в начале 1950-х годов. Ей также благоприятствовали сохранявшиеся опасения других европейских государств относительно перспектив возрождения германского экспансионизма. Они побуждали саму ФРГ демонстрировать глубокую приверженность трансатлантической солидарности.

Кроме того, проведенный анализ свидетельствует, что на динамику американского присутствия не оказывала существенного влияния специфика партийной принадлежности правящих администраций. И наращивание, и сокращение присутствия осуществлялось как республиканцами, так и демократами. Более того, зачастую границы между этапами не совпадают с правлениями президентов США. Подобный результат вступает в противоречие с широко распространенной практикой связывать повороты в американской политике со сменой лидеров.

Проведенный анализ имеет не только объяснительную, но и прогностическую ценность в контексте текущего смещения внимания США от Европы к Азии и превращения Германии из “прифронтового” государства в глубокий тыл Запада в противостоянии с Россией. Исходя из этих тенденций стоит ожидать, что масштабы американского военного присутствия в ФРГ будут оставаться на исторически низком уровне. Причем подобное положение не связано с особенностями администрации Дональда Трампа, а вызвано долгосрочными стратегическими соображениями.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20170 “Типология современных военно-политических союзов и модели отношений России с союзниками”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Snyder G.H. *Alliance politics*. Ithaca, Cornell University Press, 1997. 432 p.
2. Pressman J. *Warring friends: Alliance restraint in international politics*. Ithaca, Cornell University Press, 2011. 192 p.
3. Cha V.D. *Powerplay: The origins of the American alliance system in Asia*. Princeton, Princeton University Press, 2016. 352 p.
4. Штраус Ф.-Й. *Воспоминания*. Москва, Международные отношения, 1991. 560 с. [Shtraus F.-I. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991. 560 p.]
5. Шмидт Г. *На благо Германии. Пути выхода из кризиса*. Москва, Международные отношения, 1995. 288 с. [Shmidt G. *Na blago Germanii. Puti vykhoda iz krizisa* [For the good of Germany. Ways to Get Out of the Crisis] Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. 288 p.]
6. Богатуров А.Д. *Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995)*. Москва, Институт США и Канады РАН, 1997. 353 с. [Bogaturov A.D. *Velikie derzhavy na Tikhom okeane: istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voyny (1945–1995)* [Great powers in the Pacific: history and theory of international relations in East Asia after the Second World War (1945–1995)]. Moscow, Institut SShA i Kanady RAN, 1997. 353 p.]
7. Christensen T.J. *Worse than a monolith: Alliance politics and problems of coercive diplomacy in Asia*. Princeton, Princeton University Press, 2011. 320 p.
8. Вода К.Р. Роль экспертов в эволюции американо-японского альянса. *Международные процессы*, 2016, № 2, сс. 123–132. [Voda K.R. Rol' ekspertov v evolyutsii amerikano-yaponskogo al'yansa [The role of experts in the evolution of the US-Japan alliance]. *International Trends*, 2016, no. 2, pp. 123–132.] DOI: 10.17994/IT.2016.14.2.45/9
9. Арзаманова Т.В. США и Западная Европа в деле обеспечения европейской безопасности: взгляд из Германии. *Актуальные проблемы Европы*, 2002, № 4, сс. 28–34. [Arzamanova T.V. SShA i Zapadnaya Evropa v dele obespecheniya evropeiskoi bezopasnosti: vzglyad iz Germanii [US and Western Europe for European Security: A Perspective from Germany]. *Current Problems of Europe*, 2002, no. 4, pp. 28–34.]
10. Трунов Ф.О. Кризис отношений ФРГ и США на современном этапе. *Международные процессы*, 2019, № 2, сс. 131–148. [Trunov F.O. Krizis otnoshenii FRG i SShA na sovremennom etape [The crisis in relations between Germany and the USA at the present stage]. *International Trends*, 2019, no. 2, pp. 131–148.]
11. Gaddis J.L. *Strategies of containment: a critical appraisal of American national security policy during the Cold War*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 512 p.
12. Van Hook J.C. *Rebuilding Germany: the creation of the social market economy, 1945–1957*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 312 p.
13. Snyder G.H. *Deterrence and defense*. Princeton, Princeton University Press, 1961. 306 p.
14. Jervis R. *The illogic of American nuclear strategy*. Ithaca, Cornell University Press, 1984. 203 p.
15. Lostumbo M.J. et al. *Overseas basing of US military forces: An assessment of relative costs and strategic benefits*. Santa Monica, Rand Corporation, 2013. 487 p.
16. Burnett A. US Army's last tanks depart from Germany. *Stars and Stripes*. 04.04.2013. Available at: <https://www.stripes.com/news/us-army-s-last-tanks-depart-from-germany-1.214977> (accessed 30.04.2020).
17. Жаронкина Е.А. Американская позиция по германскому вопросу в рамках сотрудничества стран антигитлеровской коалиции. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2014, № 3, сс. 280–292. [Zharonkina E.A. Amerikanskaya pozitsiya po germanskomu voprosu v ramkakh sotrudnichestva stran antigitlerovskoi koalitsii [The American position on the German question within the cooperation of the Anti-Hitler Coalition]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2014, no. 3, pp. 280–292.]
18. Shiffrinson J.R.I. *Rising titans, falling giants: how great powers exploit power shifts*. Ithaca, Cornell University Press, 2018. 276 p.
19. Kaplan L.S. *NATO before the Korean War: April 1949–June 1950*. Kent, Kent State University Press, 2013. 232 p.
20. Kaplan L.S. Strategic Problems and the Central Sector, 1948–1968. An Overview. *Blueprints for battle: planning for war in central Europe, 1948–1968*. Hoffenaar J., Krüger D., eds. Lexington, University Press of Kentucky, 2012, pp. 5–20.
21. Walko J.W. *The Balance of Empires: United States' Rejection of German Reunification and Stalin's March Note of 1952*. Irvine, California, Universal-Publishers, 2003. 128 p.
22. Duffield J.S. The Soviet military threat to Western Europe: US estimates in the 1950s and 1960s. *The Journal of Strategic Studies*, 1992, no. 2, pp. 208–227.
23. Dockrill S. *Eisenhower's New Look National Security Policy, 1953–61*. New York, Springer, 1996. 400 p.
24. Brady S.J. *Eisenhower and Adenauer: Alliance maintenance under pressure, 1953–1960*. Lanham, Lexington Books, 2009. 277 p.
25. Gerzhoy G. Alliance coercion and nuclear restraint: how the United States thwarted West Germany's nuclear ambitions. *International Security*, 2015, vol. 39, no. 4, pp. 91–129.
26. Priest A. *Kennedy, Johnson and NATO: Britain, America and the dynamics of alliance, 1962–68*. Oxon, Routledge, 2006. 240 p.
27. Nelson K.L. *The making of détente: Soviet-American relations in the shadow of Vietnam*. Baltimore, JHU Press, 2019. 240 p.
28. Juneau J.F. The Limits of Linkage: The Nixon Administration and Willy Brandt's Ostpolitik, 1969–72. *The International History Review*, 2011, no. 2, pp. 277–297.

29. Kennedy P. *The rise and fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000*. New York, Vintage, 2010. 704 p.
30. Mearsheimer J.J. *Conventional deterrence*. Ithaca, Cornell University Press, 1985. 296 p.
31. Pond E. The security debate in West Germany. *Survival*, 1986, no. 4, pp. 322-336.
32. Sarotte M.E. *1989: The Struggle to Create Post-Cold War Europe-Updated Edition*. Princeton, Princeton University Press, 2014. 370 p.
33. Mearsheimer J.J. Back to the future: Instability in Europe after the Cold War. *International Security*, 1990, no. 1, pp. 5-56.
34. Shiffrinson J.R.I. Eastbound and down: The United States, NATO enlargement, and suppressing the Soviet and Western European alternatives, 1990–1992. *Journal of Strategic Studies*, 2020, iss. 43, no. 6–7, pp. 1–31.
35. Кокеев А. Новые акценты в оборонной стратегии и политике безопасности Германии. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 11, сс. 26–34. [Kokeyev A. Novye aktsenty v oboronnoi strategii i politike bezopasnosti Germanii [New Accents in Defence Strategy and Security Policy of Germany]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 11, pp. 26–34.] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-26-34
36. Павлов Н.В., Хохлов В.Ю. Экспансионизм во внешней политике ФРГ: миф или реальность? *Современная Европа*, 2015, № 4 (64), сс. 69–81. [Pavlov N.V., Khokhlov V.Yu. Ekspansionizm vo vneshnei politike FRG: mif ili real'nost'? [Expansionism in the German Foreign Policy: Myth or Reality?] *Contemporary Europe*, 2015, no. 4 (64), pp. 69–81.] DOI: 10.15211/soveurope420156980
37. Haine J.Y. A new Gaullist moment? European bandwagoning and international polarity. *International Affairs*, 2015, vol. 91, no. 5, pp. 991–1008. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12394>
38. Трунов Ф.О. Германия и иракский военно-политический кризис (2003). *Современная Европа*, 2015, № 3, сс. 80–89. [Trunov F.O. Germaniya i irakskii voenno-politicheskii krizis (2003) [Factors of the German course in Iraq military and political crisis (2003)]. *Contemporary Europe*, 2015, no. 3, pp. 80–89.] DOI: 10.15211/soveurope320158089
39. Батюк В.И., Володин Д.А., Дьякова Н.А. *Американская военная политика в XXI веке: региональные аспекты*. Москва, ИСКРАН, 2012. 148 с. [Batyuk V.I., Volodin D.A., D'yakova N.A. *Amerikanskaya voennaya politika v XXI veke: regional'nye aspekty* [21st Century American Military Policy: Regional Aspects]. Moscow, ISKRAN, 2012. 148 p.]
40. Коэн А. Закат Америки: геополитические последствия секвестра бюджета США. *Forbes*, 11.03.2013. [Cohen A. Zakat Ameriki: geopoliticheskie posledstviya sekvestra byudzheta SShA [America's Sunset: The Geopolitical Implications of US Sequestration]. *Forbes*, 11.03.2013.] Available at: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/krizis/235427-zakat-ameriki-geopoliticheskie-posledstviya-sekvestra-byudzheta-ssha> (accessed 29.04.2020).
41. Васильев В. Новые аспекты дискурса о “реалполитик” Берлина. *Мировая экономика и международные отношения*, 2015, № 12, сс. 30–40. [Vasil'ev V. Novye aspekty diskursa o “realpolitik” Berlina [New aspects of discourse about the Berlin's Realpolitik]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 12, pp. 30–40.]
42. Trump confirms more US troops will be sent to Poland. *DW*, 23.09.2019. Available at: <https://www.dw.com/en/trump-confirms-more-us-troops-will-be-sent-to-poland/a-50554660> (accessed 28.04.2020).
43. Трунов Ф.О. Политика ФРГ в ходе ливийского (2011) и сирийского (2013) военно-политических кризисов. *Актуальные проблемы Европы*, 2016, № 3, сс. 164–185. [Trunov F.O. Politika FRG v khode liviiskogo (2011) i siriiskogo (2013) voenno-politicheskikh krizisov [German policy during the military and political crises in Lybia (2011) and Syria (2013)]. *Current Problems of Europe*, 2016, no. 3, pp. 164–185.]
44. Drezner D.W. The trouble with carrots: Transaction costs, conflict expectations, and economic inducements. *Security Studies*, 1999, vol. 9, no. 1–2, pp. 188–218.

**AMERICAN FORCES IN GERMANY:
SECURITY SYMBOL, LOYALTY WARRANT OR EXCESSIVE LUXURY?**
(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 3, pp. 60–72)

Received 28.05.2020.

Igor A. ISTOMIN (iaistomin@gmail.com),

Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University), 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

Artem P. SOKOLOV (artem.sokolov89@gmail.com),

Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University), 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 17-78-20170 “Typology of Modern Military-Political Alliances and Model of Russia's Relations with Allies”).

The article discusses the dynamics of the US military presence in Germany through the evolution of American foreign policy. The article presents data on the quantitative presence of the American army in Germany and assesses the impact of various incentives to change the size of the American contingent and their comparison. The presence of the US armed forces in Germany is one of the most striking examples of the long-term deployment of foreign troops on the territory of a major power. In terms of the duration and size of the contingent, it is comparable only to the deployment

of American troops in Japan. In both countries, foreign troops played an occupying role after the end of World War II. In the future, the American contingent remained in them already as an ally. At the same time, in the case of Germany, the presence of foreign military personnel was combined with the creation of an efficient and relatively large army. For a long time, Tokyo was limited only by compact self-defense forces. The presence of independent capabilities to ensure security is often a prerequisite for pursuing an independent policy and encourages the refusal to deploy a contingent of another state on its territory. It is all the more surprising that in the FRG the question of the withdrawal of US forces was never seriously raised. On the contrary, the German leadership has repeatedly expressed concern about the possibility of reducing the American presence. In this it was very different from the Japanese establishment, in which the expediency of maintaining allied relations with the United States was sometimes critically assessed. The authors conclude that ensuring the loyalty of the German leadership was not associated with the size of Washington's military presence on the territory of Germany. The buildup of the American contingent in the Federal Republic of Germany was influenced by fears around external threats, the correlation of conventional and nuclear deterrence in the US strategy and the desire to reduce military costs.

Keywords: USA, Germany, Bundeswehr, US forces, security, occupation.

About authors:

Igor A. ISTOMIN, Candidate of Political Science, Leading Researcher; Senior Scholar, Davis Center, Harvard University.

Artem P. SOKOLOV, Candidate of History, Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-60-72

КРАХ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ДВУХПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В ГРЕЦИИ

© 2021 г. Ю. Квашнин

КВАШНИН Юрий Дмитриевич, кандидат исторических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (ykvashnin@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 01.09.2020.

В статье исследована специфика партийной системы в Греции в период Третьей республики и выявлены ключевые тенденции ее развития в годы “великой рецессии” (2008–2016 гг.) и последовавшего за ней посткризисного восстановления. Экономические и социальные катаклизмы привели к фрагментации политического поля, закату некогда крупнейшей партии ПАСОК, усилению радикальных партий левого и правого толка. Однако период политического хаоса оказался недолгим. На выходе Греция вновь получила квазидвухпартийную систему, близкую к той, которая существовала в докризисные десятилетия. Отчасти возвращение к нормальности было вызвано несостоятельностью “антиевропейской” повестки, с которой в 2015 г. на гребне популистской волны пришли к власти СИРИЗА и “Независимые греки”. Но были и другие причины – особенности действующего в стране избирательного законодательства, существующие в греческом обществе идеологические разломы, а также национальная специфика генезиса и функционирования политических партий.

Ключевые слова: Греция, партийная система, избирательная система, двухпартийность, левый радикализм, правый популизм, национализм, евроскептицизм, клиентелизм.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-73-80

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В ГОДЫ РЕЦЕССИИ

Системный кризис и “великая рецессия” конца 2000-х – первой половины 2010-х годов серьезно изменили привычный партийно-политический ландшафт Третьей Греческой республики¹ с доминированием Всегреческого социалистического движения (ПАСОК) и консервативной “Новой демократии”, а также незначительной ролью остальных парламентских партий, которые не оказывали заметного влияния на реальную политику.

Прошедшие в мае 2012 г. выборы в национальный парламент (Вули) стали настоящим “политическим землетрясением”, в результате которого, по мнению ряда греческих политологов, прежняя партийная система была разрушена до основания [1, 2]. Ответственность за беспрецедентный кризис в экономике, который усугублялся навязанной Греции партнерами по Евросоюзу политикой жестких бюджетных ограничений, была возложена на две партии политического мейнстрима. “Новая демократия”, хотя и финишировала первой, получила всего 18.9% голосов (–14.6 п.п. по сравнению с выборами 2009 г.), в то время как ПАСОК, за которую проголосовали лишь 13.2% греков (–30.7 п.п.), заняла 3-е место. Выборы зафиксировали ослабление позиций двух главных партий, общую фрагмента-

цию политического поля и сдвиг электоральных настроений в сторону радикальных партий (левая СИРИЗА, правопопулистская партия “Независимые греки” и неонацистская “Золотая заря”).

На несколько лет центральное место в греческой политике заняло противостояние традиционных партий, признававших необходимость продолжения сотрудничества с международными кредиторами на основе прежних договоренностей (*pro-memorandum parties*), и альтернативных партий (*anti-memorandum parties*). Последние при всем своем идеологическом различии были едины в стремлении, во-первых, покончить со старым политическим истеблишментом и занять его место в партийно-политической системе, во-вторых, добиться пересмотра кабальных, с их точки зрения, кредитных соглашений. Поскольку ни одна из партий не могла самостоятельно сформировать кабинет министров, правительства функционировали на основе коалиционных соглашений. С июня 2012 по январь 2015 г. у власти находилось правительство А. Самараса (“Новая демократия” – ПАСОК – “Демократическая левая”²), с января 2015 по июль 2019 г. – два правительства А. Ципраса (СИРИЗА – “Независимые греки”³).

² В июне 2013 г. “Демократическая левая” покинула коалицию в знак протеста против закрытия Греческой корпорации телерадиовещания.

³ В январе 2019 г. лидер “Независимых греков” П. Камменос объявил о выходе из коалиции из-за несогласий с партией СИРИЗА в вопросе о признании Македонии под

¹ Третьей Греческой республикой называется период в современной истории Греции, который ведет отсчет с падения военной хунты в 1974 г. и ликвидации монархии.

Таблица. Электоральная поддержка крупнейших греческих партий по итогам парламентских выборов 1993–2019 гг.

Дата проведения выборов	Количество партий в Вули	Доля голосов, полученных двумя ведущими партиями, %	Партия, занявшая 1-е место	Партия/партии, сформировавшие правительство
10.10.1993	4	86.2	ПАСОК	ПАСОК
22.09.1996	5	79.6	ПАСОК	ПАСОК
09.04.2000	4	86.5	ПАСОК	ПАСОК
07.03.2004	4	85.9	“Новая демократия”	“Новая демократия”
16.09.2007	5	79.9	“Новая демократия”	“Новая демократия”
04.10.2009	5	77.4	ПАСОК	ПАСОК
06.05.2012	7	35.7	“Новая демократия”	<i>Перевыборы</i>
17.06.2012	7	56.6	“Новая демократия”	“Новая демократия”, ПАСОК и “Демократическая левая”
25.01.2015	7	64.1	СИРИЗА	СИРИЗА, “Независимые греки”
20.09.2015	8	63.6	СИРИЗА	СИРИЗА, “Независимые греки”
07.07.2019	6	71.4	“Новая демократия”	“Новая демократия”

Составлено по: [3].

Итог этого противостояния оказался противоречивым. С одной стороны, СИРИЗА и ее младший партнер по коалиции так и не сдержали своих предвыборных обещаний, связанных с ревизией программы финансовой помощи. Более того, летом 2015 г. неосмотрительная политика А. Ципраса поставила Грецию на грань дефолта с последующей перспективой выхода из зоны евро, что закономерно привело к дискредитации альтернативных партий в глазах избирателей и снижению их рейтинга. С другой стороны, СИРИЗА, при всех допущенных ею ошибках, смогла занять место ПАСОК как главной политической силы слева от политического центра. Парламентские выборы 2019 г. закрепили изменившийся политический расклад. “Новая демократия” во главе с К. Мицотакисом одержала убедительную победу, набрав 39.8%, и сформировала однопартийное правительство. СИРИЗА получила голоса 31.5% греков – почти втрое больше, чем занявшее 3-е место “Движение за перемены” (бывшая ПАСОК). В совокупности две лидирующие партии получили поддержку 71.4% избирателей, оставшиеся четыре фракции – всего 20.5%. При этом число фракций в парламенте сократилось с восьми до шести (см. таблицу).

Новая расстановка сил в Вули с известной осторожностью позволяет утверждать, что Греция вернулась, хотя и с изменившимся составом участников, к двухпартийной (или, если говорить точнее, квазидвухпартийной) системе, сильно напоминающей ту, которая существовала в 1980–2000-е годы. Причины этого сложны и многообразны. Для их лучшего понимания необходимо подробнее остановиться на действующем в стране избирательном законодательстве, идейном фунда-

новым государственным названием. Однако часть депутатов фракции продолжила оказывать правительству ситуативную поддержку.

менте греческих партий, а также особенностях сложившейся в стране политической культуры.

СПЕЦИФИКА ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Широко известно, что конфигурация парламентских фракций в той или иной стране зависит от действующего в ней избирательного законодательства. Проведение выборов на мажоритарной основе в большинстве случаев ведет к доминированию в представительных органах власти двух партий, в то время как пропорциональная система благоприятствует многопартийности. Французский политолог М. Дюверже, впервые обосновавший данный принцип в научной литературе, объяснял это двумя обстоятельствами. Во-первых, при мажоритарной системе избиратели менее склонны “распылять голоса” между мелкими партиями, у которых нет серьезных шансов пройти в парламент, и вместо этого голосуют за крупные даже в том случае, если те не в полной мере отражают их интересы (из двух зол выбирается меньшее). Во-вторых, сами партии, желая добиться электоральных успехов, вынуждены объединяться, а начинающим политикам вместо того, чтобы создавать собственные организации, выгоднее вступать в уже существующие [4].

Описанный выше принцип вполне применим и к Греции, с поправкой на то, что после окончательного перехода от монархии к республике большинство парламентских выборов в этой стране проходило на основе смешанной или, как ее обычно называют, усиленной пропорциональной избирательной системы.

Эта система работала по-разному. В 1974–2004 гг. (за исключением 1989–1990 гг., когда выборы проводились на простой пропорциональной

основе) поданные за лидирующие партии голоса конвертировались в большее число депутатских мест за счет сложной системы распределения мандатов. Из 300 депутатов Вули 288 избирались в территориальных округах, оставшиеся 12 — в общенациональном округе. В замещении 288 мандатов в 56 округах участвовали все партии, выставившие своих кандидатов. Однако ко второму распределению допускались лишь те из них, которые набирали 17% (для коалиций из двух партий барьер составлял 25%, для коалиций из трех и более партий — 30%) [5, сс. 405-406; 6, р. 12]. При данной системе малые партии имели больше шансов, нежели при мажоритарной системе, провести в парламент своих представителей. Однако “цена” полученных ими голосов в сравнении с ведущими партиями была существенно выше. Так, на выборах 2000 г. одно депутатское кресло “стоило” 19 тыс. голосов для победившей на выборах партии ПАСОК и 34.5 тыс. — для коммунистов.

В 2004 г. была проведена избирательная реформа, отменявшая многоуровневую систему распределения мандатов, но при этом резервировавшая 40 дополнительных (“бонусных”) мест за партией-победительницей. В 2008 г. количество бонусных мест было увеличено до 50, то есть одной шестой части Вули. Благодаря этому нововведению малые партии смогли создавать несколько более многочисленные фракции (при той же доле голосов избирателей), но резко ухудшилось положение партий, занимавших 2-е место.

Достоинство усиленной пропорциональной системы состоит в том, что она способствует сохранению политической стабильности. Для получения абсолютного большинства депутатских мест партии-победительнице, как правило, достаточно набрать всего 40% голосов. Вследствие этого для Греции в целом характерно пребывание у власти однопартийных правительств⁴, что существенно упрощает работу исполнительной власти. Однако у этого есть и обратная сторона: фактическая монополия двух партий на власть препятствует появлению свежих идей, необходимых для реагирования на стоящие перед государством вызовы, и снижает качество государственного управления.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛОМЫ

Ключевой особенностью развития греческого общества и государства является сильная идеоло-

гическая и политическая поляризация. В последней трети XIX — первой четверти XX в. стержнем политической жизни было противоборство модернизаторов, ориентированных на заимствование опыта передовых европейских стран, и традиционалистов, настаивавших на поиске собственного пути [7]. В межвоенные годы на эти противоречия наложились общеевропейские разломы, связанные с распространением коммунистических идей, с одной стороны, и фашистских, с другой. Победа правительственных сил над Демократической армией Греции в ходе Гражданской войны 1946—1949 гг. привела к запрету Коммунистической партии Греции (КПГ) и смещению политического спектра вправо. В послевоенные десятилетия большая часть правительств возглавлялась правыми консерваторами. Левые организации, действовавшие под вывеской Единой демократической левой партии, были вынуждены работать в крайне неблагоприятной политической среде⁵. После военного переворота и установления диктатуры “черных полковников” (1967—1974 гг.) основной идеологией в стране стал “воинствующий антикоммунизм”, противопоставлявший левым идеям традиционные ценности греческого христианства [8].

В последовавший за падением хунты период демократизации в Греции произошел закономерный сдвиг общественных настроений влево, а на выборах 1981 г. левые взяли реванш за те десятилетия, когда их интересы игнорировались. Эта электоральная ниша, однако, была заполнена не КПГ, которая в силу своей идеологической косности могла рассчитывать лишь на ограниченный круг избирателей (особенно в условиях снижения идеологического влияния СССР), а партией ПАСОК. Греческие социалисты изначально выступали с радикальных позиций и предлагали кардинальные изменения в социальной и экономической сфере (конституционное право на трудоустройство для всех граждан, полная независимость профсоюзов от олигархии и государства, национализация финансовой системы, выравнивание доходов между богатыми и бедными и пр.). На правом фланге безраздельно господствовала “Новая демократия”, которая “покрывала” весь консервативный электорат, за исключением сторонников откровенно антидемократических и профашистских идей, которые впоследствии составили электоральную базу “Золотой зари”.

Идеологические ниши, образовавшиеся в результате демократического транзита, сохранились

⁴ В период до “великой рецессии” единственными исключениями стали коалиционные правительства 1989—1990 гг. (администрация Д. Дзаннетакиса с участием “Новой демократии” и левой партии “Синасписмос” и правительство национального единства К. Золотаса), появление которых во многом было обусловлено временным переходом на простую пропорциональную систему.

⁵ В 1950—1960-е годы левые постоянно сталкивались с такими проблемами, как массированная антикоммунистическая пропаганда в правительственных СМИ и фальсификации на выборах. В 1963 г. ультраправыми экстремистами был убит известный греческий политик левого толка, пацифист, депутат парламента Г. Ламбракис.

до сих пор, продемонстрировав большую устойчивость, чем занимаемые ими партии, которые за прошедшее время пережили массу расколов, связанных, как правило, с несоответствием проводимой ими политики заявленным на программном уровне принципам. Изучение программ и идеологических установок греческих партий показывает, что предлагаемая ими политическая альтернатива — это, как правило, повторение идей, уже давно ставших неотъемлемой частью политического дискурса и ранее продвигавшихся партиями, стоявшими у истоков демократической Греции, — ПАСОК, “Новой демократией” и, значительно реже, КППГ. Так, СИРИЗА в начале 2010-х годов фактически предлагала вернуться к “золотому веку” правления ПАСОК — национализировать все предприятия, которые были переданы в частные руки во второй половине 1990-х — 2000-е годы, возобновить практику коллективных трудовых договоров, повысить до предкризисного уровня заработные платы. Обещания вернуть Греции былое величие занимали центральное место в риторике “Независимых греков”, которые в 2012 г. отобрали у “Новой демократии” часть консервативного электората, продвигая такие идеи, как защита национальной идентичности, сохранение православных ценностей, поддержка семьи и брака, контроль над иммиграцией [9]. В настоящее время все эти идеи можно встретить в высказываниях представителей националистического крыла “Новой демократии”, а также недавно созданной партии “Греческий выбор”.

Что касается других идеологий, то они не пользуются большим интересом у избирателей, а создаваемые на их основе партии либо быстро уходят в политическое небытие, либо вынуждены действовать в составе коалиций с более крупными игроками. В условиях сохраняющейся политической поляризации в Греции нет запроса на идеологию либерализма и политического центризма. Все партии, пытавшиеся вклиниться между ПАСОК и “Новой демократией”, оказывались неустойчивыми и в конечном счете растворялись либо в первой (“Река”), либо во второй (“Демократический альянс”, “Действие”). Вследствие этноконфессиональной гомогенности в стране не получили распространения регионалистские идеи; партии, представляющие интересы мусульманского и славянского меньшинств, в силу малочисленности последних не имеют никаких шансов преодолеть 3%-й барьер для прохождения в парламент. В принципе в Греции достаточно востребованы “зеленые” идеи, которые, однако, успешно включаются в повестку ведущими партиями. Так, в 2015 г. небольшая партия “Экологические зеленые” участвовала в выборах в составе избирательного блока, который возглавляла партия СИРИЗА. По итогам выборов представитель “зеленых” Г. Димарас занял

должность заместителя министра окружающей среды и энергетики.

Консервативность греческого общества, его слабая восприимчивость к новым идеям, сохранение разлома между правыми и левыми сдерживают политическую конкуренцию, что объективно соответствует интересам главных политических партий и способствует сохранению двухпартийной системы.

КЛИЕНТЕЛИЗМ — ПРОБЛЕМА ДЛИННОЮ В СТОЛЕТИЯ

Одним из самых ярких эпизодов в работе Европарламента 8-го созыва стало эмоциональное обращение главы депутатской группы “Альянс либералов и демократов за Европу” Г. Верхофстадта к А. Ципрасу, произнесенное им в июле 2015 г., в самый разгар противостояния Афин и Брюсселя. В нем лидер европейских либералов с поразительной точностью обрисовал все фундаментальные проблемы, стоящие перед Грецией. Главной из них он назвал засилье клиентелизма. “Первое, что вы должны сделать, — заявил Г. Верхофстадт, — покончить с клиентелистской системой. Вы должны принять законодательство, чтобы она больше не существовала. И сами не прибегать к клиентелизму. Несколько недель назад в Министерстве образования были назначены 13 руководителей, из которых, по случайности, 12 оказались представителями партии СИРИЗА... Такова реальность... Вы попадаете в ловушку, в которую ранее попала партия ПАСОК... много лет использовавшая клиентелистскую систему ради собственной выгоды. Вы должны сократить государственный сектор. Я знаю, что для левой партии это непросто, но это должно быть сделано. Потому что 800 тыс. работников госсектора — это явный перебор” [10].

Под клиентелизмом обычно понимается общественная модель, основанная на особом типе взаимоотношений между лидером (патроном) и его последователями (клиентами) — зависимыми от него сторонниками. Ее особенностями являются замкнутость и иерархичность структуры, а также неформальный характер взаимодействия в борьбе за право контролировать ресурсы. В греческих реалиях клиентелизм принял форму системы, при которой партии в обмен на лояльность предоставляют своим сторонникам рабочие места и другие блага, финансируемые из карманов налогоплательщиков.

Феномен клиентелизма восходит своими корнями в период османского владычества и первые десятилетия существования независимой Греции, когда вокруг влиятельных семей греческих земель и судовладельцев стали складываться политические кланы — прообраз будущих партий [11, с. 243]. Герои национально-освободительной борьбы

1821–1830 гг. стали главными бенефициарами нового государства. Им принадлежали основные богатства, которые позволяли активно участвовать в политической жизни и принимать законы, обеспечивавшие в первую очередь их собственное благополучие (а также благополучие их семей и сторонников) и далеко не всегда соответствовавшие общенациональным интересам. Клановость в греческой политике сохраняется до сих пор, о чем свидетельствует концентрация власти в руках представителей известных политических династий⁶.

Арсенал мер, используемых находящимися у власти партиями для поощрения своих сторонников, включает расширение штата сотрудников госкомпаний, политические назначения на различные должности, предоставление доступа к привилегированным программам социального страхования, низкопроцентные займы для лояльных компаний со стороны подконтрольных государству банков и многое другое. После падения диктатуры “черных полковников” политика сменявших друг друга у власти “Новой демократии” и ПАСОК привела к образованию громоздкого и неэффективного госсектора, приносившего многомиллиардные убытки (что в свою очередь спровоцировало стремительный рост государственного долга), но обеспечивавшего сотни тысяч греков рабочими местами [12, 13].

Клиентелистские связи между партийным руководством и бизнесом зачастую принимали откровенно коррупционные формы. Так, в конце 1980-х годов вскрылась афера по незаконному финансированию ПАСОК через Банк Крита, который получал крупные суммы от нескольких государственных структур под заниженный процент, а затем часть прибыли переводил на тайный счет партии. В ходе этого громкого дела на скамье подсудимых оказался не только глава банка, но и лидер ПАСОК А. Папандреу (в итоге его признали невиновным, но оправдательный вердикт был вынесен большинством всего в один голос).

Помимо широкого распространения коррупции, прямым следствием клиентелизма является снижение качества государственного управления. В ущерб принципу меритократии на госслужбу нанимаются “политически надежные” кадры, не имеющие до-

статочных компетенций для работы на ответственных должностях. Интересно, что в 2010-е годы, когда страна особенно нуждалась в квалифицированном подходе к принятию решений, число политических назначений только возросло. По оценкам известного греческого политолога Д. Сотиропулоса, если в 2015 г. в центральные органы власти было принято 1233 членов партий, входивших в правящую коалицию, то в 2018 г. — уже 2501 [14, р. 13].

Говоря о клиентелизме, нельзя не отметить и такую его форму, как единовременные выплаты тем группам населения, которые являются “ядерным электоратом” политических партий. Так, ПАСОК накануне выборов 2000 г., несмотря на следование политике жестких бюджетных ограничений, изыскала 500 млн евро на помощь пенсионному фонду, в котором состояли работники Государственной энергетической корпорации. “Новая демократия” в 2009 г. подарила такую же сумму фермерам, которые традиционно голосуют за консерваторов. СИРИЗА в 2016 г. перечислила дополнительную пенсию тем гражданам, чья ежемесячная пенсия не превышала 850 евро⁷.

Клиентелистской системе присущи не только поощрение партией-патроном своих сторонников, но и лишение части благ (должностей, пособий, льгот) тех граждан, которые входят в конкурирующие клиентелы. Утвердившаяся у власти партия первым делом “зачищает” органы государственного управления от членов прежней правящей партии, а в случае необходимости сокращения расходов пускает “под нож” финансирование не лояльных групп. В связи с этим для значительной части населения вопрос о том, кто окажется у власти, критически важен, а мотивация голосовать за партию власти или ее главного оппонента исключительно высока. Таким образом, клиентелизм (при всей его порочности и пагубности для государства) выступает в роли значимого фактора, цементирующего греческую двухпартийную систему и ограничивающего роль малых партий, не имеющих широкого доступа к бюджетным ресурсам для построения собственных клиентелистских сетей, в политическом процессе.

“ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ” НА СЛУЖБЕ ПАРТИЙНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Развитие партийной конкуренции в той или иной стране в значительной мере зависит от осве-

⁶ Так, К. Мицотакис является сыном премьер-министра Греции в 1990–1993 гг. К. Мицотакиса, братом главы МИДа (2006–2009 гг.) Т. Бакоянниса и дядей мэра Афин (с 2019 г.) К. Бакоянниса. Бывший премьер-министр от ПАСОК Г. Папандреу (2009–2011 г.) — сын А. Папандреу и внук Г. Папандреу ст., которые также занимали должность председателя правительства. К. Караманлис, руководивший правительством в 2004–2009 гг., — племянник К. Караманлиса ст., четыре раза избиравшегося премьер-министром и дважды — президентом Греции. Семейственность легко можно обнаружить и в тех партиях, которые на словах выступают против клановой политики. Например, в партии СИРИЗА большим влиянием пользуются династии Алаваносов и Константопулосов.

⁷ К стратегии прямой финансовой помощи определенным социальным группам прибегают, хотя и в меньшей степени (в силу нехватки денежных средств), и другие партии. В частности, неофашистская “Золотая заря”, представленная в парламенте в 2012–2019 гг., тратила часть денег, получаемых в рамках государственного финансирования, на раздачу продуктов малоимущим грекам [15].

щения политической тематики в СМИ. В соответствии с классификацией медиасистем, разработанной Д. Халлином и П. Манчини, Греция (наряду с Францией, Испанией, Италией и Португалией) относится к так называемой средиземноморской модели, для которой характерны сильное влияние государства на СМИ, политическая ангажированность последних, а также низкий профессиональный уровень журналистов. Эти проблемы связываются с историческими особенностями формирования “четвертой власти” в Греции – поздним переходом от авторитаризма к демократии и недостаточной развитостью либеральных институтов [16, pp. 89-142]. Долгое время государство сохраняло монополию на телерадиовещание. Открытие частных радиостанций в стране было разрешено в 1987 г., местных частных телеканалов – в 1989 г., а общенациональных телеканалов – лишь в 1993 г.

Поскольку медиабизнес в Греции является малоприбыльным (а в период рецессии большая часть крупных СМИ и вовсе была убыточной), многие печатные издания, теле- и радиоканалы вынуждены встраиваться в клиентелистские сети. Это позволяет им получать денежные средства со стороны партий и поддерживающего их бизнеса, а также государственные субсидии, как прямые, так и косвенные (финансирование транспортировки газет и журналов, размещение правительственной информации на коммерческих условиях, разнообразные налоговые льготы и пр. [17, pp. 246-249]).

Несмотря на то что греческие СМИ обычно позиционируют себя как независимые и на словах стремятся к объективной подаче информации, в реальности производимый ими контент определяется политическими взглядами издателя [18]. Львиная доля новостных ресурсов сконцентрирована в руках небольшого числа медиамагнатов, связанных с ведущими партиями⁸, то есть теми, которые находятся у власти или имеют реальные шансы победить на выборах. При этом в ряде случаев владельцы СМИ оказывают информационно-пропагандистскую поддержку партии-патрону для решения задач, не связанных с медиабизнесом. В частности, известны примеры того, как греческие бизнесмены покупали медиаактивы в интересах находящихся у власти партий и после этого “по счастливой случайности” получали преференциальный доступ к приватизации госактивов и иные привилегии.

Поскольку подавляющая часть новостных СМИ группируется вокруг двух самых влиятельных партий, население страны получает довольно

⁸ Например, принадлежащие Я. Алафузосу медиагруппа *SKAI* и газета “Катимерини” поддерживают “Новую демократию”, а холдинг Х. Ламбракиса (*MEGA TV*, газеты “Та Неа” и “То Вима”, портал *In.gr*), как правило, действовал в интересах ПАСОК.

скудные сведения о деятельности остальных участников политического процесса. Разумеется, малые партии пытаются прорвать информационную блокаду при помощи собственных изданий⁹, официальных сайтов и социальных сетей, но их возможности для этого ограничены.

Еще одним важным следствием сложившейся в Греции медиасистемы является отсутствие четко выраженных границ между миром политики и миром журналистики. Зачастую греческие журналисты не только выражают интересы различных политических групп, но и сами становятся частью истеблишмента. Согласно исследованию Г. Каруласа о воспроизводстве политических элит в Греции в 1989–2011 гг., 8,1% членов правительств и депутатов Вули до прихода в политику работали в СМИ [19].

Случаев того, как журналисты конвертировали свою известность в политический капитал, – немало. Бывшие журналисты заседают в Вули и Европарламенте, занимают министерские должности. За последние четверть века три представителя медиасообщества – Г. Карадзаферис (“Народный православный сбор”), С. Теодоракис (партия “Река”) и К. Велопулос (“Греческое решение”) – сумели не только создать собственные партии, но и добиться определенных электоральных успехов. Правда, первые две из этих партий так и не смогли закрепиться на политической сцене: за кратковременным взлетом популярности последовало столь же быстрое падение интереса к ним со стороны избирателей. “Греческое решение”, скорее всего, ожидает та же судьба.

* * *

Преодоление центробежных тенденций и возвращение Греции на исходе второго десятилетия XXI в. к политической нормальности в европейских экспертных кругах обычно расценивается как проявление зрелости греческого общества и государства [20, 21]. Действительно волна популизма, захлестнувшая Грецию в кризисные годы, постепенно сходит на нет, равно как и поддержка сил, обещающих избирателям легкие, но совершенно нереалистичные пути решения накопившихся проблем. Однако, как показал приведенный выше анализ, вновь обретенная политическая стабильность в значительной степени обусловлена действием тех факторов, которые удерживали греческую двухпартийную систему на плаву в предыдущие десятилетия. Это и недружелюбное по отношению к малым партиям избирательное законодательство, и отсутствие идеологических ниш для новых партий,

⁹ Например, КПП издает достаточно популярную газету “Ризоспастис”, редакторами которой были такие известные общественные деятели, как М. Глезос и Я. Рицос.

способных предложить реальную, а не мнимую политическую альтернативу, и наличие у главных политических игроков мощных клиентелистских сетей, и, наконец, обслуживание партийных интересов ведущими СМИ. Все эти факторы сильно ограничивают политическую конкуренцию, что создает для страны серьезные риски.

Насколько устойчивой окажется сложившаяся конфигурация с преобладанием “Новой демократии” на правом фланге и партии СИРИЗА – на левом? Опросы общественного мнения показали рекордный рейтинг консерваторов в первый год их пребывания у власти. Благодаря успешным правительственным мерам по противодействию пандемии коронавируса (в отличие от других стран Южной Европы, на начальном этапе распространения инфекции Греция обошлась без больших человеческих жертв) электоральная поддержка «Новой демократии» в июле 2020 г. достигла, по самым скромным оценкам, 43%. Доля сторонников ее главного соперника составила всего 24% [22]. В то же время

у других партий слева от центра дела обстоят еще хуже, например, “Движению за перемены” готовы отдать свои голоса лишь 6.5% греков, а коммунистам и “Европейскому реалистическому фронту неповиновения” – еще меньше. Поэтому статусу партии СИРИЗА как главной оппозиционной силы пока мало что угрожает. Вместе с тем очевидно, что левые сейчас переживают идейный кризис. Если А. Ципрасу не удастся предложить избирателям новую повестку, в партии усилятся внутренние противоречия, что теоретически может привести к ее расколу (такое в греческой политике случается нередко) и, как следствие, дроблению левого фланга, на котором временно не будет партии-лидера. Однако, как показал опыт начала 2010-х годов, за периодом фрагментации политических сил неизбежно следует их быстрая консолидация. Объективных предпосылок для складывания полноценной многопартийной системы с большим числом игроков, имеющих реальные шансы сформировать правительство, в Греции пока не существует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Teperoglou E. Dealignment, De-legitimation and the Implosion of the Two-Party System in Greece: The Earthquake Election of 6 May 2012. *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*, 2014, vol. 24, iss. 2, pp. 222-242.
2. Komposopoulos J. The Collapse and Transformation of the Greek Party System. *Socialism and Democracy*, 2014, vol. 28 (1), pp. 90-112.
3. Υπουργείο Εσωτερικών – Εκλογές. [Ministry of Interior – Elections. (In Greek.)] Available at: <http://ekloges.ypes.gr> (accessed 22.08.2020).
4. Duverger M. Factors in a Two-Party and Multiparty System. *Party Politics and Pressure Groups*. New York, Thomas Y. Crowell, 1972, pp. 23-32.
5. Ковлер А.И., Чиркин В.И., Юдин Ю.А., под ред. *Сравнительное конституционное право*. Москва, Манускрипт, 1996. 729 с. [Kovler A.I., Chirkin V.I., Yudin Yu.A., eds. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe pravo* [Comparative constitutional law]. Moscow, Manuscript, 1996. 729 p.]
6. Lamprinakou C. *Electoral System Change in Europe since 1945: Greece*. ESCE. 38 p. Available at: http://www.electoralssystemchanges.eu/Files/media/MEDIA_198/FILE/Greece_summary.pdf (accessed 20.08.2020).
7. Andreadis I., Stavrakakis Y. Dynamics of Polarization in the Greek Case. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2019, vol. 681 (1), pp. 157-172.
8. Круговая Е.Г. “Черные полковники” в Греции. 1967–1974 гг. *Новая и новейшая история*, 2001, № 3, сс. 64-80. [Krugovaya E.G. “Chernye polkovniki” v Gretsii. 1967–1974 gg. [“Black colonels” in Greece. 1967–1974]. *Novaya i noveishaya istoriya*, 2001, no. 3, pp. 64-80.]
9. Квашнин Ю.Д. Греция: назад в прошлое? *Партии и движения политической альтернативы в современной Европе*. Швейцер В.Я., под ред. Москва, Институт Европы РАН, 2018, сс. 95-100. [Kvashnin Yu.D. Gretsia: nazad v proshloe? [Greece: back to the past?]. *Partii i dvizheniya politicheskoi al'ternativy v sovremennoi Evrope* [Parties and Movements of Political Alternative in Contemporary Europe]. Shveitser V.Ya., ed. Moscow, Institute of Europe RAN, 2018, pp. 95-100.]
10. *Conclusions of the European Council (25–26 June 2015) and of the Euro Summit (7 July 2015) and the current situation in Greece (debate)*. Available at: https://multimedia.europarl.europa.eu/en/conclusions-of-european-council-25-26-june-2015-and-euro-summit-7-july-2015-including-current-situat_1106169_02-V_v (accessed 17.08.2020).
11. Петрунина О.Е. *Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития*. Москва, КДУ, 2010. 744 с. [Petrunina O.E. *Grecheskaya natsiya i gosudarstvo v XVIII–XX vv.: ocherki politicheskogo razvitiya* [Greek Nation and State (XVIII–XX c.): studies in political history]. Moscow, KDU, 2010. 744 p.]
12. Pappas T. The causes of the Greek crisis are in Greek politics. *Open Democracy*, 2010. Available at: <https://www.opendemocracy.net/en/openconomy/causes-of-greek-crisis-are-in-greek-politics/> (accessed 17.08.2020).
13. Улуныан Ар.А. Концепция греческой экономики и причины кризиса. *Современная Греция в мировой экономике и политике*. Квашнин Ю.Д., ред. Москва, ИМЭМО РАН, 2013, сс. 6-17. [Ulunyan Ar.A. Kontseptsiya grecheskoi ehkonomiki i prichiny krizisa [The concept of the Greek economy and the causes of the crisis]. *Sovremennaya Gretsia v mirovoi ehkonomike i politike* [Modern Greece in the Global Economy and Politics]. Kvashnin Yu.D., ed. Moscow, ИМЭМО, 2013, pp. 6-17.]

14. Sotiropoulos D. *The Backsliding of Democracy in Today's Greece*. Friedrich Ebert Stiftung, 2018. 32 p. Available at: <https://www.lse.ac.uk/Hellenic-Observatory/Assets/Documents/Publications/Staff-Publications/Sotiropoulos-Backsliding-of-Democracy-Crisis-2019-paper-Fr-Ebert-Stiftun...-pdf> (accessed 17.08.2020).
15. Χρυσή Αυγή: Δωρεάν διανομή τροφίμων μόνο για Έλληνες. [Golden Dawn: Free food distribution only for Greeks. (In Greek.)] Available at: <https://www.protothema.gr/greece/article/337995/hrusi-augi-dorean-dianomi-trofimon-mono-gia-ellines/> (accessed 17.08.2020).
16. Hallin D., Mancini P. *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 343 p.
17. Papathanassopoulos S. Greece: Press Subsidies in Turmoil. *State aid for newspapers: Theories, cases, actions*. Murschetz P., ed. Berlin, Heidelberg, Springer, 2013, pp. 237-251.
18. Параскеви В. Система печатных СМИ в Греции в условиях экономического кризиса. *Электронный научный журнал "Медиаскоп"*, 2014, вып. 3. [Paraskevi V. Sistema pechatnykh SMI v Gretsii v usloviyakh ekonomicheskogo krizisa [The system of print media in Greece during the economic crisis]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal "Mediascope"*, 2014, iss. 3.] Available at: <http://www.mediascope.ru/1589> (accessed 17.08.2020).
19. Karoulas G. *Political Elites and Political Parties in Greece: Recruitment Channels and Elite Reproduction in the Period 1989–2011*. Glasgow, 2014. Available at: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/b52785a3-22d4-4607-be19-0e28534122a7.pdf> (accessed 27.08.2020).
20. Taylor P. Greece's half-miracle Democracy, society survive crisis decade, but economic liftoff lags. *Politico*, 21.10.2019. Available at: <https://www.politico.eu/article/greece-half-miracle-kyriakos-mitsotakis-budget-economy-democracy-society-survive-crisis> (accessed 23.08.2020).
21. Schmieding H. Greece: A Solid Base for Reform. *The Globalist*, 09.07.2019. Available at: <https://www.theglobalist.com/greece-kyriakos-mitsotakis-economic-reforms-populism/> (accessed 23.08.2020).
22. Αξιολογήσεις: 1 χρόνος από τις εκλογές του Ιουλίου 2019. [Evaluations: 1 year from the elections of July 2019. (In Greek.)] Available at: https://www.skai.gr/sites/default/files/attachments/2020-07/108061_SK_2020-06.pdf (accessed 24.08.2020).

COLLAPSE AND RE-EMERGENCE OF THE TWO-PARTY SYSTEM IN GREECE

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 3, pp. 73-80)

Received 01.09.2020.

Yurii D. KVASHNIN (ykvashnin@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article examines the Greek party system under the Third Republic and identifies the key trends in its development during the years of the "great recession" (2008–2016) and the subsequent post-crisis recovery. Economic and social cataclysms led to the political fragmentation, the decline of the once largest party PASOK, the rise of radical parties, both left and right wing. However, the period of political chaos was short-lived. As a result, Greece has come to a quasi-two-party system, similar to the one that functioned in the pre-crisis decades. The return to normalcy was partly caused by the failure of the anti-European agenda, which brought SYRIZA and Independent Greeks to power in 2015 on the crest of a populist wave. But there were other reasons. First, the revitalization of the bipartisan system was facilitated by a reinforced proportional electoral system, which gave 50 bonus seats to the leading party. Second, political competition is constrained by the conservatism of Greek society, its weak susceptibility to new ideas (liberal, «green», regionalist, etc.). Third, bipartisanship is cemented by widespread clientelistic ties between the largest parties and voters who receive public sector jobs and other benefits in exchange for their loyalty. Fourth, the lion's share of media resources is concentrated in the hands of a small number of media moguls associated with the leading parties, and citizens receive rather scant information about smaller political actors. These factors contribute to political stability, but at the same time they limit political competition, which poses serious risks for the country.

Keywords: Greece, party system, electoral system, bipartisanship, left radicalism, right populism, nationalism, euroscepticism, clientelism.

About author:

Yurii D. KVASHNIN, Candidate of History, Head of Center for European Studies.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-73-80

ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ СЛОВАКИИ В КОНТЕКСТЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ЦИКЛОВ 2016–2020 ГГ.

© 2021 г. Ю. Остапец, А. Ключкович

*ОСТАПЕЦ Юрий Александрович, доктор политических наук, профессор,
Ужгородский национальный университет, Украина, 88000 Ужгород, ул. Университетская, 14
(yuriy.ostapets@uzhnu.edu.ua).*

*КЛЮЧКОВИЧ Анатолий Юрьевич, доктор политических наук, доцент,
Ужгородский национальный университет, Украина, 88000 Ужгород, ул. Университетская, 14
(anatoliy.klyuchkovych@uzhnu.edu.ua).*

Статья поступила в редакцию 28.05.2020.

Развитие партийной системы Словакии отражает ключевые тенденции политического развития стран Европейского союза, в которых ослабевают позиции системного партийного мейнстрима и усиливается роль популистских партий. Результаты парламентских выборов 2016 и 2020 гг. показали, что партийная система Словакии в континууме между мейнстримом и популизмом еще больше приблизилась к популистскому формату. Среди основных причин подъема популизма в Словакии выделены: разочарование граждан деятельностью правящих элит; медиализация, персонализация и денационализация политики; низкий уровень институционализации политических партий и партийной системы в целом.

Ключевые слова: Словакия, парламентские выборы, партия “Смер – Социальная демократия”, партия “Обычные люди и независимые личности”, мейнстрим, правый популизм, евроскептицизм, антисистемные партии, институционализация партийной системы.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-81-91

После победы кандидата от партии “Прогрессивная Словакия” на президентских выборах, а представителей ее блока с политической партией “Вместе” – на выборах в Европарламент в 2019 г. эксперты и аналитики заговорили о существенном росте рейтинга либеральных сил в словацком политикуме. Об этом свидетельствовали и данные социологических опросов накануне парламентских выборов. Однако в Словакии, как и в других странах Европейского союза до этого, по результатам парламентских выборов 2020 г. можно было наблюдать характерный триумф популизма, но только со словацкой спецификой.

ИЗМЕНЕНИЕ ПАРТИЙНОГО ЛАНДШАФТА В СТРАНАХ ЕС

Результаты парламентских выборов в странах ЕС на протяжении последнего десятилетия свидетельствуют об эволюции партийно-политического ландшафта в сторону институционализации антисистемной политики, носителями которой являются, как правило, популистские партии.

Логику этих системных изменений можно описать следующим образом. В первые послевоенные десятилетия партийное пространство стран Западной Европы было структурировано мейнстримными партиями: консерваторами, либералами, хри-

стианскими демократами, социал-демократами и др. Мейнстрим (основное течение) – преобладающее направление в какой-либо области (наука, культура, политика) для определенного отрезка времени.

Мейнстримные (традиционные, классические партии) возникли как кадровые и массовые партии. Кадровые партии как носители консервативной и либеральной идеологии представляли интересы привелигированных слоев общества, не имели массового членства и ориентировались исключительно на электоральный результат. Массовые партии отражали политические устремления социальных низов, обладали четко выстроенной организационной структурой и базировались на социалистической, коммунистической и фашистской идеологии¹. Появление массовых партий, обусловленное расширением избирательного права, стало генеральным трендом XIX – первой половины XX в. [1, с. 110].

Согласно С. Липсету и С. Роккану, эти партии отражали интересы социальных групп, которые находятся между собой в структурных конфликтах, возникших вследствие четырех типов размежеваний: центр – периферия, государство –

¹ По классификации партий французского политолога М. Дюверже.

церковь, город – село, собственники – наемные работники [2].

В процессе общественно-политической эволюции стираются различия между кадровыми и массовыми партиями, поскольку кадровые “обзаводятся” организационными структурами, а массовые перестают быть такими в силу сокращения членской базы. Также между ними постепенно стираются идеологические различия, что приводит к появлению всеохватных партий. Типологические признаки таких партий следующие: а) сходство идеологических установок; б) укрепление позиций профессиональных политиков; в) уменьшение роли рядовых членов партии; г) электоральная стратегия, нацеленная на привлечение максимально широких слоев населения [3, сс. 337-340].

С конца 1970-х годов политический ландшафт западноевропейских государств обретает новую партийную “семью” – практически во всех европейских странах возникают организации “зеленых”. Это была первая волна возникновения партий постматериальных ценностей (другое название – “партии новой политики”). Долгое время “зеленые” оставались единственным заметным институциональным следствием проникновения постматериальных ценностей в политическую сферу. Сама концепция постматериальных ценностей предложена в рамках теории “бесшумной революции” Р. Инглхарта. Ученый считает, что при переходе к постмодерну происходит “сдвиг от материалистических ценностей с упором на экономической и физической безопасности к ценностям постматериальным с упором на проблемах индивидуального самовыражения и качества жизни” [4]. Конфликт “материальных и постматериальных ценностей” стимулировал возникновение новых партий и политических движений. Новый раскол спровоцировал возникновение так называемых движений “одной проблемы” [5, с. 21].

На исходе 1990-х годов появляется еще одна успешная партийная “семья” под общим названием “новые правые”/радикальные правые популисты. Их выход на авансцену западноевропейской политики, подчеркивает Г. Вайнштейн, приводит к качественному изменению политического пространства, обусловленному возникновением новой линии партийного противоборства – конфликта системного мейнстрима и противостоящего ему антисистемного популизма. По подсчетам Г. Вайнштейна, в XXI в. появилось 69 новых популистских партий, которые активно принимают участие в политической жизни европейских стран, что свидетельствует о существенном обновлении привычного ландшафта [6, с. 17].

Возникновение правых популистских партий (антисистемных) было реакцией на новый острый

конфликт: глобализированные элиты – антиглобалистски настроенные массы. Одна из наиболее глубоких линий раскола в этом конфликте – между приверженцами традиционных ценностей и национальных государств, с одной стороны, и глобализированными элитами, с другой, проходит по вопросу миграционной политики [7, с. 185].

В программных установках популистских партий нередко обнаруживается довольно сложное соединение “правой” националистической, консервативной социально-культурной составляющей и левых экономических подходов. Поэтому популизм нельзя считать идеологией. Это скорее политический стиль, нацеленный на завоевание максимально широкой общественной поддержки. Популизм – это стратегия политической борьбы, которая подразумевает непосредственное обращение к “обычному народу” и противопоставление “добродетельного народа” “коррумпированной элите” [8, с. 15].

Рассматривая появление и электоральный успех антисистемных партий, следует отметить сложность самого феномена антисистемности в современных обществах, поскольку мейнстримные партии, стремясь получить электоральную поддержку, используют риторику популистских партий, а популистские силы, получив депутатские мандаты, уменьшают свой “радикальный пыл” и начинают работать в формате мейнстрима. Таким образом происходит их сближение по ряду важных вопросов, которые волнуют европейские общества (миграционная политика, мультикультурализм, содержание евроинтеграции и др.). В таких условиях популистским партиям приходится сталкиваться с дилеммой: как оставаться частью властной системы, имея выгоду от этого, и одновременно получать поддержку от той части электората, которая критически относится к системе? На протяжении партийно-политической эволюции в Словакии сложилась парадоксальная ситуация: популистские силы, риторика которых имела определенную антиэлитарную и антисистемную направленность, одновременно функционировали как часть политического истеблишмента, в том числе и его персональной составляющей – властной элиты [9]. Среди наиболее типичных носителей этих противоречий можно выделить партию “Смер – Социальная демократия” (“Смер – СД”), Движение за демократическую Словакию, Словацкую национальную партию.

Популистские партии и движения набирают силу в странах с очень разными социально-экономическими параметрами развития и существенно отличающихся в социокультурных контекстах – от процветающих Швеции и Германии до переживающей затяжной кризис Греции. В 2014–2019 гг.

наблюдался подъем лево- и правопопулистской волны в государствах Европейского союза. Преобладание в той или иной стране “новых левых” или “новых правых” во многом зависит от ее политической истории [7, с. 192].

Идеологические и институционально-организационные особенности партий “новой политики”, как считает Е. Спасский, привели к появлению новых типологических разработок. Одна из них — теория “сетевых политических партий”, согласно которой партии, переходя в онлайн-пространство, начинают трансформироваться организационно и проводить свою политику, учитывая особенности информационной сети [1, с. 111].

Х. Маргиттс предложила дополнить типологию партий (кадровые, массовые, всеохватные, картельные) новым типом — киберпартии. Основное отличие этого нового типа она видит в отказе от обычного формального членства и переходе на прямые связи с избирателями [10]. Л. Сморгунув выделяет следующие признаки киберпартий: а) прямые связи с избирателями; б) отсутствие членства; в) сетевые каналы коммуникации; г) партии как организации (не институты) функционируют на границе между государством и обществом; д) высокий уровень персонификации политики [3, с. 30]. Эта характеристика присуща тем традиционным партиям, которые начинают активно использовать Интернет в своей деятельности. Например, “За лучшую Венгрию” (“Йоббик”), Партия свободы в Нидерландах, созданная Г. Вилдерсом, “Движение Паликотта” (Польша), “Движение пяти звезд” (Италия), “Обычные люди и независимые личности” (Словакия) и др.

Итак, кроме того что популистские партии не имеют четких идеологических установок, используя в своих месседжах максимы различных идеологических доктрин, исходя из практической надобности, они к тому же отказываются и от создания организационных структур и партийного членства, обращаясь к избирателям посредством средств массовой коммуникации и социальных сетей.

Таким образом, практически повсеместно в ходе выборов последних лет в странах ЕС ослабевают позиции системного партийно-политического истеблишмента и соответственно усиливается роль тех партий, которые принято характеризовать как популистские. Сегодня для их обозначения входит в оборот новый и более удачный термин — *challenger parties* (“партии, которые бросают вызов”). Причины этого весьма разнообразны, и в каждом конкретном случае имеется своя страновая специфика. Вместе с тем их общим знаменателем является растущее недовольство масс моделью выработки политических решений — моделью, которая дает, как отмечают некоторые политологи,

“возможность гражданам менять только правительства, но не политику” [11, с. 12].

Поэтому есть основания ожидать определенной эрозии центристской политики основных системных партий и соответствующего усиления радикальных, популистских тенденций в европейской политике. Длительное доминирование центристской политики в значительной степени выхолостило существенные различия между главными системными партиями европейского мейнстрима. На этом фоне определенная часть избирателей воспринимает активизацию радикализма и популизма как свидетельство появления у них реальных политических альтернатив.

Альтернативные (антисистемные, популистские) партии характеризуются следующими основными чертами. Во-первых, они противопоставляют себя традиционным и считают себя единственными силами, способными защитить интересы всего народа. Во-вторых, антисистемные партии принимают участие в политике, используя агрессивный стиль оппозиционной борьбы. В-третьих, идеологической основой подобных партий выступает “харизматичный популизм”. В-четвертых, их месседжам свойственны антииммиграционные, евроскептические, антиглобалистические настроения. В-пятых, они имеют низкий уровень институционализации.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ-2016: РАЗМЫВАНИЕ МЕЙНСТРИМА ПОПУЛИЗМОМ

И. Матович, лидер победившей на парламентских выборах 2020 г. партии “Обычные люди и независимые личности” (слов. *OLaNO*), назвал свою победу “третьей революцией” в Словакии: первая в 1989 г. покончила с эпохой коммунизма, вторая в 1998 г. победила “мечиаризм” (стагнацию во время премьерства В. Мечиара), а третья завершила эру “фицизма” (пребывание у власти партии Р. Фицо “Смер — СД”) [12].

В развитии партийной системы Словацкой Республики действительно прослеживается несколько периодов, которые характеризуются своеобразной акторной структурой и конфигурацией политических сил. Практически для каждого периода свойственна нестандартная конфликтная линия, определяющая особенности функционирования всей системы.

Начальный период многопартийности (1990—1992 гг.) отличался высоким уровнем фрагментации в ходе демократических преобразований и дезинтеграционных процессов в Чехословакии. Основной конфликтной линией среди главных по-

литических акторов стало отношение к бывшему режиму.

Для политического развития Словакии в 1992–1998 гг. характерен двухполюсный формат партийной системы, основанный на социально-политической дихотомии “мечиаризм – антимиечиаризм”. А после 1998 г. новым элементом конструкции стал феномен “третьей силы”, или так называемые альтернативные партии, применяющие тактику центристского популизма. К таковым можно отнести Партию гражданского согласия, “Смер”, “Альянс нового гражданина” [13, сс. 58–67].

Парламентские выборы 2002 г. ознаменовали начало нового периода в развитии партийной системы Словакии. Политическое взаимодействие между партиями на основе отношения к мечиаровскому режиму постепенно отошло в прошлое, и начиная с 2002 г. в стране конкурируют право- и левоцентристские партии, но при этом возникают и новые конфликтные линии (“еврооптимизм – евроскептицизм”, “словаки – венгры” и др.). А уже с 2006 г. самой влиятельной партией становится “Смер – Социальная демократия” (слов. *Smer – SD*) во главе с Р. Фицо. “Структурное ядро” партийной системы составляли три политические силы: “Смер – СД”, Словацкий демократический и христианский союз (СДХС), Христианско-демократическое движение (ХДД), которые идеологически представляли левый и правый центр, имели значительный опыт как правительственной, так и оппозиционной деятельности и принимали участие в реализации власти. Так длилось до 2016 г., когда по результатам парламентских выборов кардинально изменились акторный состав и конфигурация партийной системы. Как подчеркивает Д. Малова, в контексте парламентских выборов

2016 г. обострился конфликт между так называемыми мейнстримными партиями и новыми партиями “антиистеблишмента” [14, р. 5].

Участие в выборах в Национальный совет Словацкой Республики 5 марта 2016 г. принимали 23 политические партии. При электоральной явке в 59.8% восемь партий преодолели 5%-й избирательный барьер. По результатам выборов 2016 г. Г. Мессежников сделал вывод о “деконструкции” партийной системы Словацкой Республики, поскольку депутатские мандаты получили партии, которые не имеют четкого идеологического профиля и опыта государственного управления, а их избирательные лозунги характеризуются популизмом [15]. В то же время политические объединения, которые составляли основу партийной системы – СДХС с результатом 0.26% и ХДД с 4.94%, – не смогли преодолеть избирательный барьер. При этом электоральный показатель партии “Смер – СД” снизился по сравнению с 2012 г. на 16% голосов избирателей, что привело к потере 34 депутатских мандатов [16].

Ослабление влияния традиционных партий освобождает электоральное пространство для “новых” сил без опыта политической деятельности и обоснованных программно-идеологических позиций. В парламент прошли сразу три новые партии: “Мы семья – Борис Коллар”, “Сеть”, “Котлеба – Народная партия Наша Словакия”. Результаты выборов в Национальный совет Словацкой Республики представлены в табл. 1.

Таким образом, по сравнению с 2010 г. словацкая партийная система обновилась на 75%, поскольку шесть из восьми партий, представленных в Национальном совете в 2016 г., не имели опыта парламентской деятельности. Такое резкое измене-

Таблица 1. Результаты выборов в Национальный совет Словацкой Республики в 2010–2020 гг.

Партии/блоки	2010		2012		2016		2020	
	%	м ¹	%	м	%	м	%	м
<i>Smer – SD</i> (“Смер – Социальная демократия”)	34.8	62	44.4	83	28.3	49	18.3	38
<i>SDKÚ – DS</i> (Словацкий демократический и христианский союз – Демократическая партия)	15.4	28	6.1	11	0.3			
<i>SaS</i> (“Свобода и солидарность”)	12.1	22	5.9	11	12.1	21	6.2	13
<i>KDH</i> (Христианско-демократическое движение)	8.5	15	8.8	16	4.9		4.7	
<i>MOST – HÍD</i> (“Мост”)	8.1	14	6.9	13	6.5	11	2.1	
<i>SNS</i> (Словацкая национальная партия)	5.1	9	4.55		8.6	15	3.2	
<i>OĽaNO</i> (“Обыкновенные люди и независимые личности”)			8.6	16	11.0	19	25.0	53
<i>Kotlebovci – LSNS</i> (“Котлебовцы – Народная партия – Наша Словакия”)	1.3		1.6		8.0	14	7.97	17
<i>Sme rodina</i> (“Мы – семья”)					6.6	11	8.2	17
<i>SIEŤ</i> (“Сеть”)					5.6	10		
<i>Za ľudí</i> (“За людей”)							5.8	12

¹ м – количество депутатских мандатов.

Составлено авторами по данным: [16, 17, 18, 19].

ние акторного состава свидетельствует о высоком уровне электоральной волатильности и, соответственно, о низком уровне ее институционализации.

Среди восьми политических партий, получивших депутатские мандаты, шесть придерживались правой риторики (правоцентристские и правые партии), кроме партии “Смер – СД” и венгерской партии “Мост”. Успех неонацистов и антисистемных партий, раздробленный парламент, невнятный формат коалиции – вот так в общих чертах можно охарактеризовать результаты парламентских выборов в Словацкой Республике в 2016 г.

Среди 15 партий, которые не преодолели избирательный барьер, но до недавнего времени были влиятельными политическими силами, можно отметить следующие: Партия венгерской коалиции, Христианско-демократическое движение (партия имела депутатские мандаты в парламенте начиная с 1992 г.), Словацкий демократический и христианский союз – Демократическая партия (в предыдущем парламенте имела 11 мандатов).

Неожиданностью выборов стало преодоление избирательного барьера ультраправой “Народной партией Наша Словакия”. Последняя активно использует в своей деятельности политические кампании антиромского, антииммигрантского и антимусульманского характера, апеллируя при этом к защите словацкой национальной идентичности и традиционных христианских ценностей [20, с. 264].

По результатам выборов Р. Фицо (лидер партии “Смер – СД”) образовал коалицию, в которую вошли: “Смер – СД”, Словацкая национальная партия (СНП), партии “Мост” и “Сеть” (всего 85 депутатов). Следует отметить, что создание коалиции – это не только наличие определенного количества депутатских мандатов, необходимых для его формирования, но и новые векторы политики, договоренности и перспективы. Образование такого формата коалиции указывает на следующие особенности словацкого политикума: а) состоялось историческое примирение словацких националистов (СНП) и партии венгерского меньшинства “Мост”; б) слабость оппозиции и неспособность создать альтернативный формат коалиции; в) участие в коалиции партий “Мост” и “Сеть”, лидеры которых во время избирательной кампании позиционировали себя как альтернатива Р. Фицо.

Итак, по результатам выборов в Национальный совет Словацкой Республики существенно изменился формат партийной системы: она осталась без доминирующей партии, которой до этого была “Смер – СД”, и на этом фоне приобрела очертания двухблоковой. Идеологический профиль партий-победительниц таков: “Смер – СД” (попули-

сты-левоцентристы), “Сеть”, “Мы семья – Борис Коллар”, “Обычные люди и независимые личности” (правоцентристские популисты), Словацкая национальная партия (правые популисты), партия “Свобода и солидарность”, “Мост” (правые партии), “Котлеба – Народная партия Наша Словакия” (ультраправые популисты).

Как отмечают И. Дудинская и М. Цирнер, под влиянием так называемой постфактуальной демократии и кризиса партий изменяется характер партийно-политической конкуренции, идет усиление нетрадиционных, популистских политических субъектов в современной Словакии [21, с. 324].

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ-2020: ТРИУМФ ПОПУЛИЗМА ИЛИ “ПЕРЕЗАГРУЗКА” ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Участие в парламентских выборах 2020 г. приняли более 66% избирателей – это своеобразный электоральный рекорд за последние 14 лет. По результатам парламентское представительство получили шесть политических сил, которые вместе собрали 71.5% голосов избирателей. Доля так называемых потерянных голосов составила 28.5% и стала самой высокой в электоральной истории Словакии (до этого самый высокий показатель в 1992 г. – 23.8%) [17].

Первое место с результатом 25.0% получила популистская партия “Обычные люди и независимые личности”. Политическая платформа партии является идеологически аморфной, сочетая консервативные, либеральные позиции и антисистемные лозунги. Главный избирательный месседж ее лидера И. Матовича: “Мы имеем захваченное государство” [12]. Таким образом, свою кампанию *OLaNO* построила на лозунгах борьбы с мафией и коррупцией, умело используя при этом тему убийства журналиста (Я. Куциака) и его девушки² и заявляя, что правящая партия – это банда преступников и воров. Уходящий премьер страны П. Пеллегрини по поводу победы И. Матовича подчеркнул, что тот – обладатель хорошего маркетинга, однако последнее – лишь средство прихода к власти, для управления страной этого недостаточно [22]. Время покажет, сможет ли И. Матович трансформироваться из оппозиционера в государственного деятеля.

² Резонансное убийство журналиста Я. Куциака и его невесты М. Кушнировой потрясло Словакию в феврале 2018 г. Я. Куциака расследовал дела о коррупции во властных структурах, а также возможные связи между итальянскими преступными группировками и словацкими государственными чиновниками. Убийство журналиста вызвало волну протестов в Словакии и привело к громким отставкам в правительстве.

Действующая партия власти “Смер – СД”, которая руководила государством с 2006 г. (с непродолжительным перерывом в 2010–2012 гг.), получила второе место с показателем в 18.3% голосов избирателей. Она имеет очень низкий коалиционный потенциал, так как все ее партнеры по объединению 2016–2020 гг. не преодолели избирательный барьер. Проблемы “Смер – СД” начались в 2014 г., когда на президентских выборах победил конкурент Р. Фицо – А. Киска, и углубились после отставки Р. Фицо с поста премьер-министра в 2018 г. А затем партия Р. Фицо проиграла выборы в Европарламент в 2019 г.

Электоральный потенциал “Смер – СД” ослаб и в результате последних региональных (2017 г.) и коммунальных (2018 г.) выборов, но вместе с тем позволил сдержать волну кардинального политического обновления и антисистемного популизма на местном уровне. На коммунальных выборах каждые четыре года избирают депутатов органов местных представительств, старост муниципалитетов и мэров городов. Самоуправление на региональном уровне формируется с помощью выборов глав (жупанов) и депутатов представительств восьми краев. Региональные выборы 2017 г. продемонстрировали дальнейшее ослабление доминирующих позиций партии “Смер – СД”, которая по сравнению с прошлыми выборами 2013 г. значительно потеряла свое представительство как на уровне руководителей краев (два жупана), так и на уровне депутатов представительных органов высших территориальных единиц (88 мандатов). Результаты выборов 2017 г. продемонстрировали и общий кризис доверия к партийным политикам, поскольку из 416 депутатских мандатов наибольшее количество (161) завоевали именно независимые кандидаты [23]. Также на коммунальных выборах в 2018 г. партия “Смер – СД” получила меньше кресел мэров и старост – 592 (20.4%), тогда как в 2014 г. – 847 (29.1%). В местные представительства от “Смер – СД” были избраны 3692 (17.9%) депутата вместо 5123 (24.7%) в 2014 г. Лидируя среди политических партий, “Смер – СД” уступила по количеству мандатов независимым кандидатам, которые получили в 2018 г. 7301 (35.4%) депутатских мест и 1232 (42.4%) должностей мэров и старост [24]. Как считает О. Гиарфашова, в проекции будущего развития партии “Смер – СД” вопрос заключается в том, повторит ли она судьбу некогда могущественного Движения за демократическую Словакию (В. Мечиар), о котором сегодня никто не вспоминает, или сможет трансформироваться в современную социал-демократическую партию, которой не хватает современной Словакии [25].

Третье место занял еще один популистский проект, основанный бизнесменом Борисом Кол-

ларом, – партия “Мы – семья”, за которую отдали голоса 8.24% словаков. Политическая сила не имеет определенного идеологического ядра (смесь левой риторики, евроскептицизма, социального и национального консерватизма), ориентируется на популярные тренды общественного мнения и нестандартные подходы к решению актуальных проблем.

Крайне правая партия “Котлебовцы – Народная партия Наша Словакия” с 7.97% голосов (17 мандатов) заняла четвертое место. Партия М. Котлебы, по сути, повторила результат, достигнутый четыре года назад, но при этом сохраняет потенциал роста, поскольку за нее голосует немало молодежи. Ее идеологический профиль остается неизменным – смесь ультрационализма, популизма, евроскептицизма и антиглобализма.

Пятая позиция у праволибертарианской евроскептической “Свободы и солидарности” во главе Р. Суликом, которая выступает за “новую” политику, опирается на инновационные маркетинговые технологии и активную коммуникацию в социальных сетях.

В парламент удалось пройти еще одному новому политическому субъекту – партии экс-президента А. Киски “За людей”, которую отличает выраженный программно-идеологический профиль. Партия позиционируется как проевропейская, правоцентристская политическая сила, пытающаяся совместить либеральные и консервативные лозунги и методы деятельности.

Учитывая успех на президентских и европейских выборах, либерально мыслящие граждане возлагали много надежд на пропрезидентскую коалицию партий “Прогрессивная Словакия – Вместе”. Но коалиция, которой прочили более 10% на выборах 2020 г., получила только 6.97% голосов избирателей, не преодолев 7%-й барьер, установленный законом для блоков. Партии “Прогрессивная Словакия” и “Вместе” занимают либеральную нишу в идеологическом спектре, поддерживая также экологические приоритеты развития страны [25]. Партии коалиции накопили огромный экспертный потенциал и стали политическим “домом” для молодых и образованных людей, которым теперь нужно искать канал для парламентского представительства своих интересов.

Впервые за всю историю независимой Словакии в новом парламенте не будет этнически ориентированной партии, которая представляла бы интересы венгерской общины, составляющей 10% населения страны. Участие партии “Мост” в противоречивой коалиции с “Смер – СД” и СНП не осталось без внимания ее сторонников и негативно сказалось на общем результате партии (2.1%). Новая партия “Венгерское товарищество”, с которой

партия “Мост” безуспешно вела переговоры о сотрудничестве перед выборами, также не получила представительства в парламенте, несмотря на достаточно высокий результат (3.9%). Наряду с венгерскими партиями не смогла преодолеть барьер и Словацкая национальная партия (3.16%), лидер которой А. Данко был председателем парламента. В течение правительственной деятельности партия отошла от радикальных, националистических позиций, в результате потеряв часть протестного электората.

Второй раз подряд на парламентских выборах не смогло получить нужного количества голосов избирателей некогда влиятельное Христианско-демократическое движение (4.65%), которое с 1990 по 2016 г. постоянно присутствовало в парламенте, что также сигнализирует о кризисе программных партий.

Создание коалиции в составе “Обычные люди и независимые личности”, “Мы – семья”, “Свобода и солидарность”, “За людей” несет в себе по-

тенциальные риски для продолжительности и результативности функционирования правительства: во-первых, коалиционные партнеры не имеют опыта сотрудничества; во-вторых, партиям не хватает опыта управления государством; в-третьих, согласование позиций деятельности будет непросто, поскольку “Обычные люди и независимые личности”, “Мы – семья” – партии популистские, а “Свобода и солидарность”, “За людей” – идейно профилированные.

Таким образом, результаты парламентских выборов 2020 г. показали, что партийная система Словакии в континууме между мейнстримом и популизмом еще ближе подошла ко второму. Популистские силы, которые получали представительство в словацком парламенте по результатам выборов 2010–2020 гг., представлены в табл. 2.

Как показывают статистические данные, количество мандатов, которое получают популистские партии, постоянно увеличивается, и в 2020 г. та-

Таблица 2. Популистские политические силы, представленные в парламенте Словацкой Республики по результатам выборов 2010–2020 гг.

Партии/блоки	Год образования	Тип популизма (за лево-правой шкалой)	Выборы (количество мандатов)				Участие в правительственной коалиции
			2010	2012	2016	2020	
<i>SNS</i>	1990	Правый популизм	9		15		1992–1994 ¹ 1994–1998 2006–2010 2016–2020
<i>OLaNO</i> ²	2011	Правоцентристский популизм		16	19	53	2020–
<i>Kotlebovci – LSNS</i>	2010	Ультраправый популизм			14	17	
<i>Sme rodina</i>	2015	Правоцентристский популизм			11	17	2020–
Всего мандатов			9	16	59	87	

¹ В 1992 г. СНП неофициально поддерживала правительство меньшинства В. Мечиара.

² На выборах 2020 г. название партии – *OLaNO – NOVA – KÚ – Zmena zdola* (Обычные люди и независимые личности – Новая – Христианский союз – Изменения снизу).

Составлено авторами по данным: [16, 17, 18, 19].

Таблица 3. Соотношение политических сил “мейнстрим – популизм” в Национальном собрании Словацкой Республики по результатам парламентских выборов 2010–2020 гг.

	Парламентские выборы			
	2010	2012	2016	2020
Политические силы популистского направления	<i>SNS</i> (9)	<i>OLaNO</i> (16)	<i>OLaNO</i> (19) <i>SNS</i> (15) <i>LSNS</i> (14) <i>Sme rodina</i> (11)	<i>OLaNO</i> (53) <i>LSNS</i> (17) <i>Sme rodina</i> (17)
Мейнстримные/непопулистские партии	<i>Smer – SD</i> (62) <i>SDKÚ – DS</i> (28) <i>SaS</i> (22) <i>KDH</i> (15) <i>Most</i> (14)	<i>Smer – SD</i> (83) <i>SDKÚ – DS</i> (11) <i>SaS</i> (11) <i>KDH</i> (16) <i>Most</i> (13)	<i>Smer – SD</i> (49) <i>SaS</i> (21) <i>Most</i> (11) <i>SIETĽ</i> (10)	<i>Smer – SD</i> (38) <i>SaS</i> (13) <i>Za ľudí</i> (12)
Соотношение (мандаты)	9:141	16:134	59:91	87:63
Соотношение, %	6:94	10:90	39:61	58:42

Составлено авторами по данным: [16, 17, 18, 19].

ких было уже 87 из 150. В табл. 2 популизм классифицирован нами в двухполярном измерении: “левые — правые”, “мейнстрим — популизм” [8, сс. 12–27].

Если просчитать соотношение политических сил в континууме “мейнстрим — популизм” по результатам парламентских выборов 2010–2020 гг. (табл. 3), то можно увидеть, что такое соотношение сложилось в пользу популистских сил и в 2020 г. уже больше половины депутатских мандатов Национального собрания Словацкой Республики принадлежало им: 58% мандатов получили популисты и 42% — мейнстримные партии.

Итак, наше исследование свидетельствует о том, что по результатам парламентских электоральных циклов 2016–2020 гг. в партийной системе Словакии преобладают популистские политические партии, при этом их доля возрастает. К основным причинам подъема популизма в Словакии относим:

1) денационализацию политики и увеличение значения глобальных управленческих структур на уровне Европы и мира. С одной стороны, это порождает политический пессимизм и абсентеизм, а с другой — создает почву для деятельности популистских партий, которые в своих месседжах используют антиглобалистские, антииммигрантские и евроскептические лозунги;

2) медиатизацию политики, которая способствует уменьшению роли партийного аппарата и усиливает непосредственную связь партийных лидеров с избирателями, способствуя таким образом персонализации политики. В нашем случае мы можем констатировать довольно высокую степень персонификации словацких партий, что, с одной стороны, усиливает их электоральную идентификацию с популярными лидерами (Р. Фицо, М. Котлеба, Б. Коллар), но с другой — ослабляет институциональную и идеологическую основу их деятельности, создает угрозу для существования партий без собственного “лица”, усложняет институционализацию партийной системы в целом;

3) низкий уровень институционализации политических партий и партийной системы в целом. В таком состоянии партийные системы сами продуцируют популизм и создают возможности для появления популистских движений. Успешную институционализацию партийной системы связывают с выполнением следующих условий. Во-первых, с наличием стабильных правил и характера партийной борьбы. Это значит, что конфигурация партийной системы не будет меняться с каждым выборами, не возникнет много новых партий и непредсказуемость результатов выборов останется низкой. Во-вторых, партии, глубоко укоренив-

шиеся в обществе, позволяют структурировать предпочтения избирателей за счет относительно стабильных идеологических позиций. В-третьих, необходима легитимность партий и выборов в глазах избирателей. Наконец, партийные организации должны иметь независимый статус и ценность сами по себе и не зависеть от лидеров. Ряд условий, к сожалению, не соблюдается в Словакии. Индекс волатильности как показатель уровня институционализации партийной системы по результатам выборов 2020 г. достаточно высок и составляет 33.95. Такой показатель указывает на низкий уровень институционализации партийной системы и ее нестабильность. Для сравнения: по результатам украинских парламентских выборов 2019 г. он составлял 69;

4) политическое отчуждение и высокий уровень недоверия граждан к мейнстримным партиям и политикам. Согласно социологическим данным (опрос агентства *FOCUS* в сентябре 2018 г.), ключевым словацким политикам, как властным, так и оппозиционным, скорее или полностью не доверяет большинство респондентов (от 55 до 83%) [26]. При таких условиях трудно говорить об общественном восприятии власти как институционального образования, которое действует в интересах людей и способно решить их проблемы. Не доверяя политикам, граждане часто отказываются от политического участия, в том числе и электорального, тем самым не артикулируя свои политические предпочтения и снимая с себя ответственность за неудачный выбор;

5) рост популизма в предвыборных кампаниях партий. Необоснованные обещания, демагогические лозунги для повышения популярности — составная риторика словацкой политической элиты. Социальный и национальный популизм — это электорально восприимчивые темы, которые используют в избирательных кампаниях как оппозиционные, так и властные партии, начиная с “Движения за демократическую Словакию” В. Мечиара. От властного или оппозиционного статуса партии зависит только интенсивность использования популистских лозунгов и их сущность. В таких условиях политическое отчуждение и недоверие граждан, безусловно, будет только расти. Еще более деструктивно сочетание популистских лозунгов и протеста против всех, который демонстрируют такие политические субъекты, как “Мы семья — Борис Коллар”, “Обычные люди и независимые личности” и “Котлеба — Народная партия Наша Словакия”. Стратегия этих партий основана на неограниченной критике властного истеблишмента без предложения конкретной обоснованной альтернативы для решения экономических и социальных проблем.

* * *

Итак, последние парламентские выборы в Словакии зафиксировали ряд сложных тенденций партийно-политического развития, часть из которых прослеживалась уже в рамках нескольких электоральных циклов, а часть проявилась начиная с 2016 г. Среди основных деструктивных тенденций в развитии современной партийной системы Словакии следует выделить следующие: распад ее “структурного ядра”, которое долгое время определяло рамки политического процесса и было основой стабильности, прогнозируемости развития; дальнейшая плюрализация парламентского представительства партий, неустойчивость и резкое

обновление состава в 2016 и 2020 гг., что не способствует стабильности парламентско-правительственной системы; асимметрия в проекции двухмерной шкалы “левые – правые” и чрезмерная фрагментированность правого спектра, что затрудняет формирование коалиций; усиление электорального влияния и количественного представительства политических субъектов популистской, антисистемной направленности; рост популярности и представительство в парламенте партии, деятельность которой имеет правоэкстремистские признаки; низкий уровень институционализации политических партий и партийной конфигурации в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Спасский Е. Трансформация политических партий и их типологическая концептуализация: опыт западной партологии. *Полития*, 2008, № 2, сс. 103-111. [Spasskii E. Transformatsiya politicheskikh partii i ikh tipologicheskaya kontseptualizatsiya: opyt zapadnoi partologii [Transformation of Political Parties and Their Typological Conceptualization: Experience of Western Parties' Studies]. *Politiya*, 2008, no. 2, pp. 103-111.] DOI: 10.30570/2078-5089-2008-49-2-103-113
2. Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания. *Политическая наука: Социально-политические размежевания и консолидация партийных систем*, 2004, № 4, сс. 204-235. [Lipset S., Rokkan S. Struktury razmezhevaniy, partiinye sistemy i predpochteniya izbiratelei. Predvaritel'nye zamechaniya [Structures of Delimitations, Party Systems and Preferences of Voters. Preliminary Remarks]. *Politicheskaya nauka: Sotsial'no-politicheskie razmezhevaniya i konsolidatsiya partiinykh sistem*, 2004, no. 4, pp. 204-235.]
3. Сморгун Л. Сетевые политические партии. *Полис. Политические исследования*, 2014, № 4, сс. 21-37. [Smorgunov L. Setevye politicheskie partii [Network Political Parties]. *Polis. Political Studies*, 2014, no. 4, pp. 21-37.] DOI: 10.17976/jpps/2014.04.03
4. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. *Полис. Политические исследования*, 1997, № 4, сс. 6-32. [Inglhart R. Postmodern: menyayushchiesya tsennosti i izmenyayushchiesya obshchestva. *Polis. Политические исследования*, 1997, no. 4, pp. 6-32.]
5. Мартьянов Д. Сравнительный анализ постматериалистических партий (на примере “зеленых” и пиратов). *Вестник Пермского университета. Политология*, 2013, № 2, сс. 20-32. [Mart'yanov D. Sravnitel'nyi analiz postmaterialisticheskikh partii (na primere “zelenykh” i piratov) [Comparative Analysis of Post-Materialist Parties (on the Example of “Green” and Pirates)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 2013, no. 2, pp. 20-32.]
6. Вайнштейн Г. Трансформация западноевропейского политического ландшафта и институционализация антисистемной политики. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 5, сс. 17-28. [Vainshtein G. Transformatsiya zapadnoevropeiskogo politicheskogo landshafta i institutsionalizatsiya antisistemnoi politiki [Transformation of the West European Political Landscape and the Institutionalisation of Anti-Systemic Politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 5, pp. 17-28.] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-5-17-28
7. Соловьев Э. Эволюция партийных систем: новая точка бифуркации? *Контурь глобальных трансформаций*, 2018, т. 11, № 3, сс. 185-198. [Solov'ev E. Evolyutsiya partiinykh sistem: novaya tochka bifurkatsii? [Evolution of Party Systems: a New Point for Bifurcation?]. *Kontury global'nykh transformatsii*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 185-198.] DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-185-198
8. Осколков П. *Правый популизм в Европейском Союзе*. Москва, Институт Европы РАН, 2019. 164 с. [Oskolkov P. *Pravyy populizm v Evropeiskom Soyuze* [Right-Wing Populism in the European Union]. Moscow, Institut Evropy RAS, 2019. 164 p.]
9. Mesežnikov G. Štvrťstoročie populizmu na Slovensku: vo vláde a v opozícii. *Denník N*, 12.05.2016. [Mesežnikov G. A Quarter of a Century of Populism in Slovakia: in Government and in Opposition. *Denník N*, 12.05.2016. (In Slov.)] Available at: <https://dennikn.sk/458294/stvrtstoroicie-populizmu-slovensku-vo-vlade-opozicii/> (accessed 15.03.2020).
10. Margetts H. Cyber Parties. *Handbook of Party Politics*. London, Sage, 2006, pp. 528-536.
11. Вайнштейн Г. *Электоральный фактор в эволюции партийного ландшафта Европы*. Москва, Институт Европы РАН, 2016. 114 с. [Vainshtein G. *Elektoral'nyi faktor v evolyutsii partiinogo landshafta Evropy* [Electoral Factor in the Evolution of the Party Landscape of Europe]. Moscow, Institut Evropy RAS, 2016. 114 p.]
12. Воротнюк М. *Прививка популизмом: какие последствия будет иметь смена власти в Словакии*. 04.03.2020. [Vorotnyuk M. *Privivka populizmom: kakie posledstviya budet imet' smena vlasti v Slovakii* [Vaccination by Populism: Consequences of Changing the Power in Slovakia]. 04.03.2020]. Available at: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2020/03/4/7107068/> (accessed 15.03.2020).

13. Остапеч Ю., Гайданка Є., Ключкович А., Марадик Н. *Еволюція партійних систем країн Вишеградської четвірки: досвід для України*. Ужгород, ЗІППО, 2014. 256 с. [Ostapets Ju., Haydanka Ye., Klyuchkovych A., Maradik N. *Evolution of Party Systems in “Visegrad Four” Countries: Experience for Ukraine*. Uzhgorod, ZIPPO, 2014. 256 p. (In Ukr.)]
14. Malová D. *Transformation Experiences in Slovakia: Governing Uncertainty*. Berlin, FES, 2017. 14 p. Available at: <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/13081.pdf> (accessed 15.03.2020).
15. Mesežnikov G. *Slovenské voľby 2016: šok pre slovenskú demokraciu (22 březen 2020)*. [Mesežnikov G. The 2016 Elections in Slovakia: a Shock to Democracy (22 March 2020). (In Slov.)] Available at: <https://cz.boell.org/cs/2016/03/22/slovenske-volby-2016-sok-pre-slovensku-demokraciu> (accessed 15.03.2020).
16. *The Election to the National Council of SR2016. Final Results*. Available at: <https://volby.statistics.sk/nrsr/nrsr2016/en/data02.html> (accessed 15.03.2020).
17. *Election 2020 to the National Council of the Slovak Republic. Final Results*. Available at: <https://volby.statistics.sk/nrsr/nrsr2020/en/data02.html> (accessed 15.03.2020).
18. *The Election of the Parliament of the Slovak Republic 2010. Voting Results*. Available at: <https://volby.statistics.sk/nrsr/nrsr2010/menu/indexv.jsp@lang=en.htm> (accessed 15.03.2020).
19. *The Election of the Parliament of the Slovak Republic 2012. Voting Results*. Available at: <https://volby.statistics.sk/nrsr/nrsr2012/menu/indexv.jsp@lang=en.htm> (accessed 15.03.2020).
20. Ключкович А. *Перехід до демократії в Словаччині: динаміка та суперечності суспільно-політичних трансформацій*. Ужгород, АУТДОР-ШАРК, 2019. 416 с. [Klyuchkovych A. *Transition to Democracy in Slovakia: Dynamics and Contradictions of Socio-Political Transformations*. Uzhhorod, AUTDOR-SHARK, 2019. 416 p. (In Ukr.)]
21. Dudinská I., Cirner M. *Vývoj straníckej politickej scény na Slovensku v rokoch 1989 až 2016. Політичні партії і вибори: українські та світові практики*. Львів, Простір-М, 2017, сс. 308-326. [Dudinska I., Cirner M. Development of the Party-Political Scene in Slovakia from 1989 to 2016 (In Slov.)] [*Political Parties and Elections: Ukrainian and World Practices* (In Ukr.)]. Lviv, Prostir-M, 2017, pp. 308-326.]
22. Peter Pellegrini o Igorovi Matovičovi. *Denník N*, 01.03.2020. [Peter Pellegrini about Igor Matovic. *Denník N*, 01.03.2020. (In Slov.)] Available at: <https://dennikn.sk/minuta/1778962/> (accessed 15.03.2020).
23. *The Elections to the Bodies of Self-Governing Regions 2017. Final Results*. Available at: <https://volby.statistics.sk/osk/osk2017/en/data03.html> (accessed 15.03.2020).
24. *The Elections to the Bodies of Communal Self-Government 2018. Final Results*. Available at: <https://volby.statistics.sk/oso/oso2018/en/data01.html> (accessed 15.03.2020).
25. Gyárfášová O. *Slovenské voľby 2020: potvrdenie „stabilnej nestability” (6 březen 2020)*. [Gyárfasova O. Slovak Elections 2020: Confirmation of “Stable Instability” (6 March 2020) (In Slov.)] Available at: https://cz.boell.org/cs/Slovak_elections_2020/ (accessed 15.03.2020).
26. *Press release. Agentura FOCUS*. 05.10.2018. Available at: http://www.focus-research.sk/files/n234_Dovera_nedovera%20k%20vybranym%20politikom_september%202018.pdf (accessed 15.03.2020).

**PECULIARITIES OF THE PARTY SYSTEM OF SLOVAKIA
IN THE CONTEXT OF PARLIAMENTARY ELECTRICAL CYCLES OF 2016–2020**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 3, pp. 81-91)

Received 28.05.2020.

Yurii A. OSTAPETS (yuriy.ostapets@uzhnu.edu.ua),

Uzhhorod National University, University Str., 14, Uzhhorod, 88000, Ukraine.

Anatoliy Yu. KLYUCHKOVYCH (anatoliy.klyuchkovych@uzhnu.edu.ua),

Uzhhorod National University, University Str., 14, Uzhhorod, 88000, Ukraine.

The article considers the structural changes in the party system of the Slovak Republic, taking place in 2016–2020 due to the strengthening of parties of anti-systemic populist orientation. The author researches the causes and factors of evolution of the party landscape in the EU countries towards institutionalisation of antisystem policy. The development of the Slovak party system reflects the key trends in the political development of the EU countries with the weakening position of the systemic party establishment and the strengthening role of populist parties. The complexity of the phenomenon of antisystemic modern conditions is emphasized, since mainstream parties, seeking electoral support, use the rhetoric of populist parties, and populist parties, having obtained parliamentary mandates, weaken their radicalism and start working in the mainstream format. As a result of the 2016 parliamentary elections, the breakdown of the “structural nucleus” of Slovakia’s party system took place, which for two decades had been the basis of its stability and predictability of development. The weakening influence of “traditional” (Christian-Democratic, Conservative, Social-Democratic) parties freed up electoral environment for “new” populist, anti-systemic, right-wing extremist forces. Electoral statistics demonstrates that the influence of mainstream parties weakens at the regional and local levels of Slovak politics. The results of the 2020 parliamentary elections demonstrate that the party system of Slovakia in the continuum between mainstream and populism comes even closer to the populist format. The electoral triumph of populists and their convergence with programmatic parties within the parliamentary-governmental coalition raises new challenges for Slovakia’s political system. Among the main reasons for the rise of populism in Slovakia are the following: disappointment of citizens with the activities of the ruling elites; mediation and personalisation of policy;

denationalisation of politics and increasing importance of global governance structures at European and world levels; increasing populism in Slovakian election campaigns; low level of institutionalisation of political parties and the party system as a whole. Attention is drawn to the destructive tendencies in the development of the modern party system of Slovakia. The collapse of the “structural core” of the Slovak party system and the further pluralisation of parliamentary representation of parties do not contribute to the stability and predictability of parliamentary-governmental activity. Increased electoral influence and parliamentary representation of political subjects of populist, anti-systemic and right-wing extremist orientation cause political risks for the stable democratic development of the Slovak Republic.

Keywords: Slovakia, parliamentary elections, party “Direction – Social Democracy”, party “Ordinary People and Independent Personalities”, mainstream, right-wing populism, euro-skepticism, anti-systemic parties, institutionalisation of the party system.

About authors:

Yurii A. OSTAPETS, Doctor of Political Science, Professor.

Anatoliy Yu. KLYUCHKOVYCH, Doctor of Political Science, Associate Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-81-91

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ПЕРВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ

© 2021 г. А. Четверикова

ЧЕТВЕРИКОВА Анна Сергеевна, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (chetverikova@imemo.ru).

Статья поступила в редакцию 27.11.2020.

Излагаются меры, предпринятые Венгрией, Польшей, Словакией и Чехией (Вишеградская группа, В4) по поддержке экономики в условиях пандемии. Дана оценка основных экономических показателей этих стран за первое полугодие 2020 г. в свете последствий введенных ограничений. Отдельно анализируется динамика внешнеторговых связей В4 с Евросоюзом, между собой, а также с Россией. Представлены прогнозы развития стран группы.

Ключевые слова: Вишеградская группа (В4), коронавирус, экономические последствия, государственные меры, прогнозы.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-92-101

Кризисные процессы, возникшие по всему миру вследствие пандемии в 2020 г., затронули многие сферы жизни людей и хозяйства стран. Не стали исключением и государства Центральной Европы, которые одними из первых стали вводить жесткие ограничения во избежание резкого роста заболеваемости [1]. Страны Вишеградской группы относительно успешно справились с проблемой заболеваемости в период первой волны *COVID-19*, когда показатели в “четверке” были лучше, чем во многих других государствах Европы. При первой встрече с распространением коронавируса руководство центральноевропейских стран, как, впрочем, и многих других государств, сделало выбор в пользу социальных факторов, смирившись с неизбежными негативными последствиями для экономической сферы. В период начавшейся осенью второй волны пандемии власти пытаются найти баланс между социальными и экономическими рисками, учитывая опыт весенних ограничений.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С ПАНДЕМИЕЙ

Уже сейчас можно констатировать, что борьба с *COVID-19* дорого обошлась странам Вишеградской группы. Провести окончательную оценку можно будет только после завершения пандемии, однако очевидно, что на урегулирование ситуации потребуются значительные финансовые ресурсы.

В целом по сравнению с весной ограничения, введенные в период второй волны пандемии, были более мягкими. Согласно индексу *GRSI*¹ Оксфорд-

ского правительственного трекера реагирования на *COVID-19* (*OxCGR*), на 10 ноября 2020 г. он составил для Венгрии 54.41 (на 1 апреля 2020 г. – 76.85), Польши – 71.3 (81.48), Чехии – 73.15 (82.41), Словакии – 73.15 (75.0) [2]. Многие меры, принятые в регионе, имели схожий характер и были направлены на поддержку отдельных, наиболее пострадавших секторов, малого и среднего бизнеса, а также на избежание резкого ухудшения ситуации на местных рынках труда.

В Чехии расходы, связанные с пандемией, составили 2.2% ВВП, в том числе компенсации от освобождения от налогов – почти 1.8% ВВП [3, р. 9]. На 2021 г. создан резерв в размере 4% ВВП. Непредвиденные расходы в связи с коронавирусом потребовали неоднократных корректировок государственного бюджета и увеличения его дефицита: сначала с 1.5 млрд до 7.4 млрд евро, в дальнейшем – до 18.5 млрд евро.

Весной в стране была принята специальная программа, согласно которой государство компенсирует расходы на заработную плату сотрудников тем работодателям, которые испытывают проблемы с ликвидностью. Кроме того, предусмотрены государственные компенсации компаниям за аренду помещений. Отдельная поддержка выделена для самозанятых и малых предприятий. Среди секторальных мер помощь была оказана сельскому и лесному хозяйству, туристическому бизнесу, включая гостиничный сектор, транспорту и инфраструктуре в целом. Позднее поддержку получили сферы культуры и спорта, включая такие меры, как снижение НДС на 5 п.п.

¹ *GRSI* (*Government Response Stringency Index*) – индекс жесткости реагирования правительства базируется на основе оценки 18 различных индикаторов. Значение, равное 100,

соответствует максимальным ограничениям, 0 – отсутствию ограничений.

Определенные меры были приняты по поддержке экспортной деятельности. Установлены отдельные выплаты родителям, оставшимся дома с детьми в связи с пандемией. Чешским правительством был одобрен обширный пакет налоговых мер, включая отсрочки по оплате части налогов, приостановлены обязательства по электронному учету продаж, отменен 4%-й налог на приобретение недвижимости. Вступило в силу решение об отсрочках гражданам и компаниям по выплатам по кредитам. Программа государственных гарантий крупным, средним и малым предприятиям потребовала более 10 млрд евро². Часть мер по поддержке экономики осуществляется Чешским национальным банком: понижена ключевая ставка, снята часть ограничений на операции на открытом рынке, расширены полномочия самого регулятора [4].

Словакия применила схожие меры по регулированию экономических последствий пандемии. Центральное место в антикризисном пакете заняла финансовая поддержка работодателям и самозанятым с целью недопущения резкого роста безработицы, и так являющейся давней проблемой страны. Государственная помощь бизнесу включала также компенсацию рентных платежей. Были разработаны отдельные программы для поддержки словацких компаний путем предоставления им гарантий по кредитам. Поддержку получили не только малые и средние, но и крупные предприятия.

Объем предусмотренных государственных гарантий составил 1.6% ВВП [3, р. 85]. Кроме того, осуществляются специальные выплаты для граждан, вынужденных остаться дома для ухода за детьми и больными родственниками. Другим послаблением для граждан стала возможность смещения сроков выплат по кредитам. В налоговой сфере принято решение об отсрочках по подаче документов и самим выплатам, для отдельных категорий акторов отменена часть налогов. Стоит отметить, что финансирование на поддержку экономики Словакия частично взяла из полученных и неизрасходованных ранее средств европейских фондов.

Венгрия создала два специальных фонда объемом 4.3% ВВП. Один направлен на стимулирование экономики (2.9% ВВП), а другой – на борьбу с самой пандемией, включая финансирование закупок медицинского оборудования, компенсации медицинскому персоналу и прочие аналогичные расходы [3, р. 55]. Как и в других странах, господдержку получили туристическая отрасль, в том числе гостиничный бизнес, а также сфера общественного питания, культура и спорт, транспорт, сельское хозяйство. Отдельные меры предусмотрены для малого и среднего бизнеса – главным об-

разом в форме освобождения или снижения части налогов и их отсрочке. Поддержка семей с детьми проводилась через выплату детских пособий.

В целом помощь бизнесу включила компенсации части заработных плат, отдельные выплаты для сохранения рабочих мест, льготные кредиты и государственные гарантии. Налоговые и кредитные послабления касались не только компаний, но и граждан. В свою очередь Центральный банк Венгрии разработал новые кредитные программы, ослабил часть требований к коммерческим банкам. В рамках борьбы с ростом безработицы венгерскими властями применялись нетрадиционные меры. Например, министерством обороны была принята полугодовая программа для резервистов с целью снижения безработицы в стране. Для всех желающих разработаны бесплатные ИТ-курсы.

В **Польше**, перед пандемией находившейся в наиболее стабильной экономической ситуации по сравнению с другими странами Вишеградской группы, потребовался не столь широкий спектр мер господдержки. Компании имели возможность получить компенсации по заработным платам и социальным отчислениям, льготные кредиты³, зависящие, в свою очередь, от размера самой компании. Польские малые предприятия, как и аналогичная категория бизнеса в других странах В4, не обошлись без внимания властей: были сокращены взносы на социальное страхование, созданы отдельные субсидии и ссуды. Самозанятые получили льготы по выплатам в бюджет, а также компенсации заработной платы, субсидии, ссуды. Для поддержки населения были созданы специальные социальные выплаты – гражданам, оставшимся дома с детьми или нуждающимся в уходе, потерявшим работу в пандемию. В рамках поддержки туристической сферы учреждены ваучеры на отдых детей, которые могут быть использованы до весны 2021 г. Также расширены возможности применения такого инструмента, как государственные гарантии [3, pp. 70-72].

ПЕРВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ COVID-19

Введенные в странах Вишеградской группы ограничительные меры по борьбе с COVID-19 чувствительно сказались на динамике основных экономических показателей уже по итогам первого квартала 2020 г. (табл. 1). ВВП продемонстрировал отрицательную динамику у всех участниц “четверки”, правда средние показатели по ЕС по глубине падения превысила лишь Словакия – самая маленькая, наиболее зависимая от внешних

² Средства были разделены поровну между двумя типами компаний.

³ На кредиты для бизнеса было выделено до 4.5% ВВП Польши.

Таблица 1. Основные экономические показатели развития стран Вишеградской группы, IV кв. 2019 г. – II кв. 2020 г.

Показатель	Период	Венгрия	Польша	Словакия	Чехия
Темпы прироста ВВП, %	IV кв. 2019	0.6	0.2	0.1	0.4
	I кв. 2020	-0.4	-0.4	-4.3	-3.3
	II кв. 2020	-14.6	-8.9	-8.6	-8.7
Темпы прироста промышленного производства, %	IV кв. 2019	-2.0	0.8	-0.5	-0.2
	I кв. 2020	-2.4	1.1	-0.6	-2.8
	II кв. 2020	-13.2	-14.5	-24.0	-19.1
Темпы прироста производства в секторе услуг, %	IV кв. 2019			2.7	0.6
	I кв. 2020			-2.4	-2.5
	II кв. 2020			-13.2	-14.8
Уровень безработицы, %	IV кв. 2019	3.4	3.0	5.7	2.1
	I кв. 2020	3.6	3.0	6.0	2.0
	II кв. 2020	4.6	3.1	6.6	2.3
Темпы прироста производительности труда, %	IV кв. 2019	0.6	0.6	1.0	0.6
	I кв. 2020	-0.2	-1.1	-4.4	-3.3
	II кв. 2020	-9.7	-7.8	-7.3	-7.4

Источник: [6, 7].

факторов экономика Вишеградской группы. При этом вторая по размерам в В4 чешская экономика показала второй худший результат в группе, в том числе по причине остановки основных предприятий страны, включая, например, *Skoda Auto*, обеспечивающую почти 10% ВВП.

Во втором квартале падение только усилилось. Резкое сокращение экономических показателей испытала Венгрия, превысившая средние показатели по ЕС. Остальные страны относительно одинаково завершили первое полугодие 2020 г.: падение ВВП не превысило 9%. Свою роль сыграли и изначально схожая динамика, и общность принимаемых мер во время пандемии. В целом, по некоторым исследованиям [5, pp. 6-8], около 60% различий в экономических спадах европейских стран вследствие *COVID-19* зависело от жесткости ограничительных мер, доли туризма в экономике и качества управления, в то время как уровень государственного долга стран не был значимым.

Как известно, в вишеградских странах вторичный сектор экономики продолжает играть более высокую роль по сравнению с западноевропейскими государствами. В период первой волны пандемии здесь сильнее всего пострадало именно промышленное производство, а не третичный сектор. Правда, в I кв. на фоне почти 3%-го падения темпов его прироста в среднем по ЕС в “четверке” они сократились меньше. Польша и вовсе продолжала демонстрировать положительную динамику. Однако во II кв. ситуация в промышленности заметно ухудшилась: только Венгрия показала результат чуть лучше средних по ЕС, однако для всех стран “четверки” результаты стали наихудшими за всю историю их членства в интеграционном объедине-

нии. В Венгрии, Словакии и Чехии промышленное производство упало ниже уровня 2015 г. Особенно пострадала словацкая и чешская индустрия, в том числе из-за развитых взаимосвязей друг с другом. Негативная динамика реального сектора отразилась на всей экономике вишеградских стран (табл. 1).

Ситуация в третичном секторе В4 не столь драматична и в целом сопоставима с общеевропейской⁴, хотя туристическая сфера, гостиничный бизнес в частности, сфера общественного питания, внутренняя торговля и многие другие секторы сферы услуг подверглись жестким ограничениям со стороны государства. Однако в отличие от реального производства, часть услуг возможно было предоставлять и в условиях ограничений, часть была переведена в онлайн-формат. Определенную роль сыграли государственные программы поддержки, принятые по время пандемии.

Рынок труда в вишеградских странах хотя и пострадал, однако ситуация не стала катастрофической. Пока участницы “четверки” находятся на среднем уровне Евросоюза, хотя коронакризис обострил многие застарелые проблемы. Рост безработицы ниже среднего по ЕС. Наихудшая ситуация наблюдается в Словакии, которая давно испытывала проблемы с безработицей и относительно справилась с ней в последний год, но пандемия вернула застарелую проблему. Чешский и польский рынки труда даже в условиях 2020 г. остаются наиболее стабильными и в Вишеградской группе, и в ЕС в целом. Именно это явилось одной из причин несогласия руководства В4 с распределением

⁴ Темпы прироста производства в секторе услуг в ЕС в I кв. 2020 г. составили -2.4%, во II кв. - -14.1%.

финансовой помощи ЕС на борьбу с последствиями *COVID-19* на основе показателей безработицы. По темпам прироста производительности труда вишеградские страны хотя и продемонстрировали падение уже в I кв. 2020 г. (и оно выросло по итогам полугодия), но оно не было драматичным. Только венгерские показатели во II кв. оказались ниже общеевропейских.

Уровень инфляции в целом по ЕС при определенных колебаниях демонстрировал падение по сравнению с концом 2019 г. В сентябре 2020 г. он составил 0.3%. Внутри “четверки” наблюдались разнонаправленные тенденции: в Чехии и Польше инфляция возросла, в других государствах сократилась. В Словакии в сентябре она составила 1.4%, в Чехии – 3.3, Венгрии – 3.4, Польше – 3.8%.

Экономическая ситуация, как и реакция национальных властей и ЕС по-разному воспринимались населением В4 [8]. Как известно, участницы “четверки” невысоко оценивают наднациональные институты, и их в определенной степени можно отнести к европессимистам. Это подтвердил очередной опрос, проведенный летом 2020 г. Так, 56% опрошенных чехов склонны не доверять ЕС, что входит в пятерку худших результатов по ЕС. И эти показатели только возросли по сравнению с 2019 г. В Словакии жителей с негативным мнением также стало больше – 46%⁵. Однако большинство опрошенных в вишеградских странах не согласны, что их стране будет лучше вне ЕС в будущем: в Чехии таковых 48%, Польше – 52, Словакии – 57, Венгрии – 61%. При этом и в Словакии, и в Чехии уменьшился этот показатель, что в очередной раз продемонстрировало негативное отношение населения к ЕС в целом.

То же разделение по странам касается и оценки мер по борьбе с *COVID-19*. Жители Чехии и Словакии преимущественно думают, что руководство слишком сильно сфокусировалось на здравоохранении в ущерб экономике (43 и 56% соответственно), в то время как в Польше и Венгрии большая часть опрошенных склоняется к тому, что был достигнут баланс между социальной и экономической сферами (38 и 39% соответственно). При этом население всей Вишеградской группы склонно доверять ЕС по вопросу мер борьбы с пандемией и в будущем⁶. Относительно близкими оказались и оценки степени солидарности стран – членов ЕС в период первой волны пандемии. Многие опрошенные жители В4 придерживались положительного мнения на этот счет: в Словакии – 61%, Венгрии – 57, Чехии – 55, Польше – 54%.

⁵ В Польше склонны не доверять ЕС всего 32%, в Венгрии – 40%.

⁶ В Венгрии склонны доверять ЕС 76% опрошенных, в Польше – 68, Словакии – 66, Чехии – всего 55%.

ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ СЕКТОР

Внешнеторговый сектор играет важную роль для вишеградских стран, особенно Словакии и Венгрии. Негативные тенденции в его развитии стали проявляться уже в феврале 2020 г., а введение ограничительных мер привело к резкому сокращению, максимум которого наблюдался в апреле (рис. 1 и 2). Снятие основных ограничений привело к компенсаторному восстановлению, однако его темпы замедлились к концу лета, а вторая волна пандемии вновь вызвала негативную тенденцию.

Наиболее чувствительным к новым реалиям стал экспорт. Двухзначные показатели его падения отмечались во всей Вишеградской группе уже в марте, что стало следствием приостановки работы промышленных предприятий, включая филиалы ТНК, которые перестали поставлять свою продукцию на внешние рынки. Стоит отметить, что решения о возобновлении производства принимались в рамках каждой компании с учетом не только ситуации в конкретной стране, но и планов ТНК. Например, южнокорейские производители стали открывать свои заводы в Вишеградской группе раньше, чем европейские.

В территориальном аспекте пандемия в большей степени затронула страну с максимальной экспортной и импортной квотами в “четверке” – Словакию, которая в целом выделялась более резкими скачками в рамках торгового сектора. Тем самым пандемия в очередной раз подтвердила чувствительность внешнеторговой сферы малых стран к внешним и внутренним кризисным процессам. Кроме того, можно говорить о том, что польская внешняя торговля, особенно ее экспорт, в целом более плавно реагировала на новые вызовы, что в свою очередь обусловливается размером экономики Польши и меньшей зависимостью от внешнеторгового сектора. Чешской торговле тоже удалось избежать совсем резких скачков, особенно в период весенних ограничений (табл. 2).

Кризисные процессы, вызванные распространением коронавируса, дают возможность в очередной раз оценить взаимозависимость в рамках “четверки” и ее зависимость от других партнеров. Если говорить о социальных вызовах, то весенний период продемонстрировал относительно высокую степень самостоятельности стран в борьбе с пандемией и определенную запоздалость внутриевропейских связей. Экономические же взаимозависимости не были столь однозначными.

Как известно, на внешнеторговый сектор В4 сильно влияют партнеры по ЕС, особенно Германия, чья роль только возрастала в последние годы [9, pp. 15-16]. Доступная статистика по торговым связям с ЕС в период пандемии показывает, что

Рис. 1. Динамика экспорта стран Вишеградской группы в 2020 г., % к предыдущему месяцу

Источник: [6].

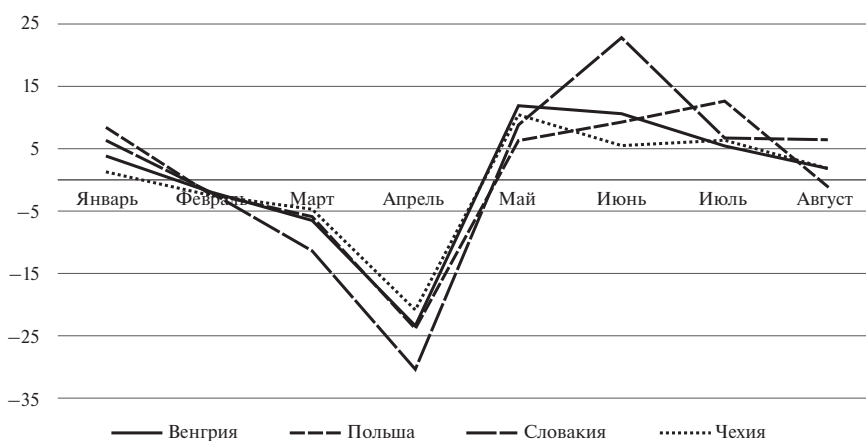

Рис. 2. Динамика импорта стран Вишеградской группы в 2020 г., % к предыдущему месяцу

Источник: [6].

в рамках первой волны поддерживать торговые связи с Евросоюзом была способна Польша, выделяющаяся в “четверке” наименьшей долей ЕС в своем экспорте и импорте. Сокращение экспорта и импорта с ЕС за первые месяцы 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года у Польши было минимальным по Вишеградской группе и составило менее 10%.

Напротив, Словакия, почти 81% импорта и 85% экспорта которой идет в ЕС, отличалась наибольшим падением торговых отношений с европейскими партнерами, что дало возможность предполагать серьезные последствия пандемии для словацкой экономики и чувствительность товарной структуры внешнеторгового сектора к подобным вызовам. В свою очередь Венгрия и Чехия продемонстрировали почти идентичную динамику, при этом близкую к словацкой, хотя чешская торговля в большей мере ориентирована на европейский рынок (табл. 2, 3).

Пандемия выявила и некоторые особенности взаимной торговли внутри самой Вишеградской группы. Хотя статистические данные в силу своей краткосрочности не позволяют делать окончательные выводы, все же можно говорить о начале определенных изменений.

Во-первых, внутригрупповая торговля не является компенсатором спадов на прочих рынках, в первую очередь европейского, а, напротив, даже более подвержена влиянию кризисов. Это обусловливает, конечно, короткий период наблюдений — торговые потоки не успели переориентироваться в силу фактической остановки бизнеса. Свою роль играет и малый объем рынка этих стран.

Во-вторых, участницы “четверки” по-разному реагировали на пандемию. Так, Словакия, чья внешняя торговля в наибольшей степени ориентирована на рынки соседей по группе [10, с. 89], в целом сократила с ними торговые отношения в меньшей степени, чем со странами ЕС в целом.

Таблица 2. Внешняя торговля вишеградских стран с ЕС, январь–июль 2019 и 2020 гг., млрд евро

Страна	Импорт из ЕС			Экспорт в ЕС		
	2019	2020	2020/2019, %	2019	2020	2020/2019, %
Венгрия	45.32	39.82	87.9	51.55	45.32	87.9
Польша	91.81	83.05	90.5	101.98	94.97	93.1
Словакия	36.98	31.92	86.3	37.0	31.74	85.8
Чехия	68.91	60.25	87.4	82.39	72.36	87.8

Рассчитано автором по: [6].

Таблица 3. Взаимный импорт в рамках Вишеградской группы, январь–июль 2019 и 2020 гг., млн евро

Страна	Год	Импорт из		
		Польши	Словакии	Чехии
Венгрия	2019	3523.41	2960.43	2991.17
	2020	3097.7	2566.61	2296.98
	2020/2019	87.9%	86.7%	76.8%
		Венгрии	Словакии	Чехии
Польша	2019	2641.49	3206.58	4576.56
	2020	2217.41	2886.99	4711.23
	2020/2019	83.9%	90.0%	102.9%
		Венгрии	Польши	Чехии
Словакия	2019	3241.33	3479.23	7558.32
	2020	2856.67	3054.9	7079.89
	2020/2019	88.1%	87.8%	93.7%
		Венгрии	Польши	Словакии
Чехия	2019	2570.62	8392.87	5027.03
	2020	2309.62	7226.21	4235.92
	2020/2019	89.8%	86.1%	84.3%

Рассчитано автором по: [6].

Например, Чехия более позитивную динамику импорта по сравнению с ЕС смогла сохранить только с Венгрией. В самой Венгрии, которая в последние годы все более перестраивалась на вишеградский рынок, отмечается большее падение импорта из Словакии и Чехии, чем из ЕС. Стоит отметить, что Польша, которая в наименьшей степени в “четверке” ориентирована на ее рынок в рамках торгового сектора, нарастила импорт из Чехии по сравнению с 2019 г., что связано в том числе с падением показателей в прошедшем году (табл. 3).

Изменились и позиции России во внешнеэкономических связях участниц Вишеградской группы. Отношения РФ со странами ЦВЕ, как считают некоторые исследователи, зачастую зависят от субъективных факторов, включая смену лидера или позицию Брюсселя [11, с. 36]. Текущая динамика также свидетельствует о вторичности экономической сферы для двусторонних отношений. Торговые связи с РФ не являются приоритетными для вишеградских стран, что частично подтверждает ситуация 2020 г. в сфере импорта из РФ (табл. 4). Хотя текущее состояние торговых отношений с РФ является следствием фактически одного фактора —

пандемии, их спад сопоставим с многофакторным спадом после 2014 г. [12, с. 152].

В целом данные по торговле с РФ, доступные за весь летний период, продемонстрировали дальнейшее ухудшение торговли “четверки” с РФ. Падение и импорта, и экспорта из России у большинства участниц В4 только возросло по итогам 8 месяцев 2020 г. по сравнению с 7 месяцами 2020 г. В наибольшей степени пострадал импорт из РФ: его сокращение было сильнее, чем в связях с ЕС в целом или чем импорта из стран — партнеров по Вишеградской группе для всех 4 государств. В наибольшей степени свой импорт из РФ сократила Венгрия — более чем вдвое, в то время как, например, Польша или Словакия оставались ориентированы на закупки с российского рынка. В то же время Россия продолжает быть привлекательной территорией для сбыта вишеградской продукции: экспорт упал меньше, чем в ЕС у Венгрии, Польши и Чехии. Только небольшая словацкая экономика более чем на четверть сократила свой экспорт в РФ в силу большей ориентированности на общеевропейский рынок в целом и вишеградский в частности (см. табл. 4).

Таблица 4. Внешняя торговля вишеградских стран с РФ, январь–август 2019 и 2020 гг., млн евро

Страна	Импорт из РФ			Экспорт в РФ		
	2019	2020	2020/2019, %	2019	2020	2020/2019, %
Венгрия	3139.7	1453.5	46.3	1141.6	1043.6	91.4
Польша	9175.8	6744.5	73.5	4686.3	4467.8	95.3
Словакия	2277.3	1687.7	74.1	980.8	720.8	73.5
Чехия	1781.9	1165.6	65.4	2421.9	2290.2	94.6

Рассчитано автором по: [6].

Таблица 5. Прогнозы развития стран Вишеградской группы

Страна	Прирост ВВП, %				Уровень безработицы, %			
	2020	2021	2022	2023	2020	2021	2022	2023
Венгрия	−6.8–−5.1	4.4–6.8	4.5–5.7		4.4–4.7	4.8–5.8	4.1–4.6	
Польша	−3.1	4.2	3.6		6.2	7.0	6.5	
Словакия	−6.7	5.5	2.4	3.3	6.8	6.8	6.2	5.7
Чехия	−6.6	3.9	2.2	2.3	2.6	3.4	3.3	3.2

Источник: [13, 14, 15, 16].

ПЕРСПЕКТИВЫ

Характер кризисных процессов, вызванных пандемией, не позволяет делать точных прогнозов развития экономики. Волны всплесков заболеваемости и ответные меры со стороны государства по-разному отражаются на экономической ситуации в вишеградских странах. В целом летние прогнозы были более пессимистичными, чем в начале осени. Например, спад по итогам 2020 г. летом в самой Словакии оценивался в 9.8%, в сентябре – уже только в 6.7% (табл. 5). При этом Министерство финансов Чехии по-своему прогнозировало падение ВВП партнеров по “четверке”: у Словакии – на 7.9%, Венгрии – на 6.4, Польши – на 3.9%.

С уверенностью можно говорить лишь о том, что лучшие экономические показатели в Вишеградской группе будут характерны для Польши, которая отличалась большей стабильностью и запасом прочности накануне пандемии. Кроме того, 2021 г. должен стать годом восстановительных процессов. Этому будут способствовать оживление внутренних экономических процессов, активизация внешнеторговых связей, играющих немаловажную роль для таких небольших и открытых экономик, как вишеградские. В то же время сохранятся многие негативные последствия пандемии. Например, вновь обострится проблема безработицы, решение которой потребует много времени. В частности, чешский рынок труда, самый благополучный среди вишеградских, еще в течение трех будущих лет не сможет вернуться к показателям 2019 г., согласно официальным прогнозам.

Однако начавшийся осенью 2020 г. второй этап ограничительных мер, скорее всего, внесет коррективы в имеющиеся прогнозы. По динамике

ВВП текущий год станет наихудшим за последние десятилетия, несмотря на предпринимаемые со стороны государств меры по поддержке бизнеса.

О тяжести кризисных процессов свидетельствуют опросы населения. Даже до начала второй волны *COVID-19* большая часть жителей В4 считала, что негативные экономические последствия исчезнут не ранее 2023 г. или позднее: в Чехии такого мнения придерживались 44%, в Словакии и Польше – по 37%. Наиболее оптимистичны были венгры, где 33% опрошенных ожидали восстановления уже в 2022 г. [8, p. 80].

Как и в предыдущие кризисы, среди которых одним из последних был мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., многое для стран Центральной Европы будет зависеть от состояния их ключевых партнеров, в первую очередь крупнейших европейских экономик. В случае правильности выбранных мер борьбы со второй волной коронавируса и началом процессов оживления в экономиках Германии, Франции, Италии, Великобритании Вишеградская группа сможет выйти на положительную экономическую динамику. Реализация же возможностей, что зачастую предоставляют кризисные процессы, в свете перестройки сильно зависящей от внешних факторов “четверки” будет определяться в том числе и успешностью принимаемых мер по поддержке ее экономики, включая планы по освоению общеевропейских средств по устранению последствий *COVID-19*. Первые успехи В4 в плане получения финансовой помощи ЕС уже достигнуты: летом 2020 г. странам удалось отстоять свои интересы при принятии решения о распределении финансов в рамках бюджета ЕС [17].

Общеввропейские средства на протяжении всего членства Венгрии, Польши, Словакии и Чехии играли важную роль для них, вишеградские страны являлись их постоянными реципиентами. В условиях пандемии их значимость не ослабевает. Уже по итогам октября 2020 г. вся “четверка” вошла в число 17 стран-членов, которым была одобрена финансовая помощь в форме льготных ссуд в рамках специального инструмента поддержки для снижения рисков безработицы (*SURE*). Традиционно наибольшие средства получила Польша: 11,2 млрд евро, Чехии одобрено 2 млрд, Словакии – 631 млн, Венгрии – 504 млн евро [18].

Как и другие члены ЕС, страны В4 начали подготовку национальных планов восстановления и устойчивости для получения средств из фондов Евросоюза в рамках поддержки восстановления их экономик после пандемии. В планах должны быть изложены основные программы развития и инвестиции до 2026 г. Национальные планы восстановления и устойчивости должны также учитывать специфику каждой из стран, способствовать росту бизнеса и созданию рабочих мест. Кроме того, установлены границы расходов: не менее 37% должно приходиться на “зеленую” экономику, не менее 20% – на цифровую [19].

Официально подобные планы могут представляться до апреля 2021 г., однако уже осенью Польша, Словакия и Чехия озвучили свои приоритеты. Чешское руководство планирует основное внимание уделить инфраструктуре, а также “зеленую” и цифровой трансформации частного и государственного секторов. Основной формой помощи станут гранты. Польша также сосредоточится на традиционных направлениях – энергетике, транспорте, инфраструктуре в целом, окружающей среде, здравоохранении, науке, а также на цифровизации и региональных аспектах. Польская сторона хочет использовать и форму грантов, и форму кредитов. Словакия пока не выработала четкого плана, однако приоритеты будут отдаваться восьми обла-

стям: налоги, “зеленая” экономика, занятость, образование, наука, здравоохранение, государственное управление и цифровая экономика. Неясность кредитного инструмента для словацких властей обуславливает предпочтения в сторону грантовой поддержки [20].

По мнению аналитиков, после пандемии как раз благодаря вниманию к инфраструктуре, а также *IT*-сектору страны В4 смогут получить определенные преимущества, стать более привлекательными для бизнеса [21]. В то же время если ситуация с *COVID-19* будет развиваться, как и в случае других глобальных пандемий, которые наблюдались ранее, то ее последствия будут сложными, включая ограниченные инвестиционные возможности в течение десятилетий [22, р. 16], что будет иметь большое значение для В4.

* * *

Пандемия станет очередной проверкой для Вишеградской группы с точки зрения не только экономических, но и социально-политических процессов. Окончательные результаты можно будет оценить лишь в дальнейшем. “Четверка” не сможет обойтись без различных форм помощи Евросоюза, в первую очередь экономической, включая не только выделение финансовых ресурсов, но и развитие торговых связей, которые играют роль мотора вишеградских экономик. А реализация возможностей формирования более инновационной и соответствующей вызовам XXI в. структуры экономики будет зависеть от самих участниц Вишеградской группы.

Статья подготовлена в рамках проекта “Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество” по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Шишелина Л. Н. *Вишеградские страны: ответственность государства в борьбе с пандемией. Аналитическая записка № 11, 2020 (№ 194)*. Москва, Институт Европы РАН, 2020. 6 с. [Shishelina L. N. *Vishegradskie strany: otvetstvennost' gosudarstva v bor'be s pandemiei. Analiticheskaya zapiska № 11, 2020 (№ 194)* [Visegrad countries: state responsibility in the fight against the pandemic. Analytic note № 11, 2020 (№ 194)]. Moscow, IE RAS, 2020. 6 p.] Available at: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an194.pdf> (accessed 13.11.2020).
2. *Coronavirus Government Response Tracker*. University of Oxford. Available at: <https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/coronavirus-government-response-tracker> (accessed 13.11.2020).
3. *Policy Measures Taken against the Spread and Impact of the Coronavirus – 12 October 2020*. European Commission. Directorate General Economic and Financial Affairs. 2020. 98 p. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/coronavirus_policy_measures_12_october.pdf (accessed 13.11.2020).
4. *Measures Adopted by the Czech Government against the Coronavirus*. Government of the Czech Republic. *Press Advisories*, 03.11.2020. Available at: <https://www.vlada.cz/en/media-centrum/aktualne/measures-adopted-by-the-czech-government-against-coronavirus-180545/> (accessed 03.11.2020).
5. Sapir A. Why Has COVID-19 Hit Different European Union Economies so Differently? *Policy Contribution*, 2020, no. 18, pp. 1-13.

6. Eurostat Database. Labour Productivity and Unit Labour Costs. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/NAMQ_10_LP_ULC__custom_86177/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=de0891f3-ebe8-4977-b038-7399f0f3a42e (accessed 03.11.2020).
7. Gross Domestic Product in the 2nd Quarter of 2020. Bratislava, Statistical Office of the Slovak Republic, 04.09.2020. 1 p.
8. Public Opinion in the European Union. Annex. European Commission, Standard Eurobarometer 93, Summer 2020. 178 p. Available at: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/survey/getsurveydetail/instruments/standard/surveyky/2262> (accessed 13.11.2020).
9. Elteto A. Coronavirus Crisis – Trade Effects for the Iberian and Visegrad Countries. Centre for Economic and Regional Studies Institute of World Economics. Working Paper no. 260. May 2020. 33 p. Available at: https://visegrad-coetus.pl/lib/jezext/200511_WP260_Elteto_Corona_Iberia_V4-kb0jja7d.pdf (accessed 13.11.2020).
10. Четверикова А.С. Пределы экономических взаимосвязей Вишеградской группы. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2020, № 2, сс. 87-97. [Chetverikova A.S. Predely ekonomicheskikh vzaimosvyazei Vishegradskoi gruppy [The Limits of economic relations of the Visegrad Group]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*, 2020, no. 2, pp. 87-97.] DOI: 10.20542/afj-2020-2-87-97
11. Орлик И.И. Дифференциация Центрально-Восточной Европы и отношения с Россией. Москва, Институт Европы РАН, 2015. 50 с. [Orlik I.I. *Differentsiatsiya Central'no-Vostochnoi Evropy i otnosheniya s Rossiei* [Differentiation of Central and Eastern Europe and relation with Russia]. Moscow, IE RAS, 2015. 50 p.]
12. Куликова Н.В., Синицина И.С. Торговые отношения России со странами Центрально-Восточной Европы. *Современная Европа*, 2019, № 3, сс. 150-160. [Kulikova N.V., Sinitina I.S. Torgovye otnosheniya Rossii so stranami Central'no-Vostochnoi Evropy [Trade Relations Between Russia and Central-Eastern European Countries]. *Sovremennaya Evropa*, 2019, no. 3, pp. 150-160.] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32019150160>
13. Macroeconomic Forecast. Ministry of Finance of the Slovak Republic. Available at: <https://www.mfsr.sk/en/finance/institute-financial-policy/economic-forecasts/macro-economic-forecasts/#collapse-332851592408307174> (accessed 03.11.2020).
14. Macroeconomic Forecast of the Czech Republic. Ministry of Finance of the Czech Republic, September 2020. 56 p. Available at: <https://www.mfcr.cz/en/statistics/macro-economic-forecast/2020/macro-economic-forecast-september-2020-39480> (accessed 03.11.2020).
15. Makrogazdasagi kilatasok in flaciós jelentés – 2020. Szeptember. Magyar Nemzeti Bank. 2020. 39 p. [Macroeconomic outlook in inflation report – September 2020. The Central Bank of Hungary. 2020. 39 p. (In Hung.)] Available at: <https://www.mnb.hu/letoltes/elemzo-prezentacio-szeptember-final.pdf> (accessed 03.11.2020).
16. Prognozy makroekonomiczne profesjonalnych prognostów. Wyniki Ankiety Makroekonomicznej. NBP Runda: wrzesień 2020 r. № 3/2020. Narodowy Bank Polski, 2020. 19 p. [Macroeconomic forecasts of professional forecasters. Results of the Macroeconomic Survey. NBP Round: September 2020, no. 3/2020. National Bank of Poland, 2020. 19 p. (In Polish)] Available at: <https://www.nbp.pl/statystyka/amakro/am2020q3.pdf> (accessed 03.11.2020).
17. Шишелина Л.Н. Успех Вишеградских стран на постковидном саммите ЕС. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 2020, № 4, сс. 51-57. [Shishelina L.N. Uspekhi Vishegradskikh stran na postkovidnom sammite ES [Success of Visegrad Countries in the first Post-COVID Summit of the EU]. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, 2020, no. 4, pp. 51-57.] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran420205157>
18. COVID-19: the EU's Response to the Economic Fallout. European Council, 2020. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/coronavirus/covid-19-economy/> (accessed 13.11.2020).
19. COVID-19: Council Agrees its Position on the Recovery and Resilience Facility. European Council Press Release, 09.10.2020. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/10/09/covid-19-council-agrees-its-position-on-the-recovery-and-resilience-facility/> (accessed 13.11.2020).
20. EU Countries Warn up Recovery Fund Engine. *Euractive Network*, 16.10.2020. Available at: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/eu-countries-warm-up-recovery-fund-engine/> (accessed 13.11.2020).
21. Lifting COVID-19 Measures May Hit Resilient Eastern EU. Oxford Analytica Expert Briefings, 2020. Available at: <https://doi.org/10.1108/OXAN-DB254471> (accessed 13.11.2020).
22. Jorda O., Singh S.R., Taylor A.M. *Longer-run Economic Consequences of Pandemics. Working Paper 26934*. Cambridge, National Bureau of Economic Research, April 2020. 22 p. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w26934/w26934.pdf (accessed 13.11.2020).

CENTRAL EUROPE IN THE PANDEMIC ERA: FIRST ECONOMIC RESULTS

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 3, pp. 92-101)

Received 27.11.2020.

Anna S. CHETVERIKOVA (chetverikova@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Acknowledgements. The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

The article analyzes the response of the Visegrad Group countries to the 2020 pandemic. Measures are outlined that were taken by Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic to support their economies, including efforts to stabilize labour markets and measures for several most affected sectors. The author assesses the main economic indicators of the Visegrad countries during the first half of 2020 in the light of the consequences of imposed restrictive measures. The reaction of the Visegrad economies to the pandemic correlates with the pan-European reaction. Special attention is paid to the condition of the foreign trade sector of the “four” members, which plays an important role in their economies. The dynamic of foreign trade relations of Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic with the European Union and Russia during the pandemic is analyzed. Mutual trade flows within the Visegrad Group are evaluated in the light of opportunities to compensate downturns in other markets. Possible prospects for the development of the Visegrad Group after the pandemic are considered. The existing forecasts of the Group’s countries development are analyzed. The factors influencing the recovery process in the Visegrad countries are given. The consequences of COVID-19 will affect many sectors of Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic, which will not be able to cope with them without the EU support. Realization of opportunities including the emergence of more innovative elements in their economies that meet the challenges of the 21st century, will also depend on the members of the Visegrad Group themselves.

Keywords: Visegrad Group, COVID-19, economic consequences, government measures, development forecasts.

About author:

Anna S. CHETVERIKOVA, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-92-101

“МЯГКАЯ СИЛА” И ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ В НЕСЫРЬЕВЫХ СЕКТОРАХ ЭКОНОМИКИ

© 2021 г. А. Погорлецкий

ПОГОРЛЕЦКИЙ Александр Игоревич, доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, 191034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
(a.pogorletskiy@spbu.ru).

Статья поступила в редакцию 15.07.2020.

На основе концепции “мягкой силы”, а также постулатов экономики впечатлений, общества мечты, поведенческой экономики и глэм-капитализма оценивается экспортный потенциал России в туризме, образовании и наиболее показательных по конкурентоспособности областях культуры, искусства и спорта, включая балет, фигурное катание и мультипликацию. Сделан вывод о наличии у России конкурентных преимуществ в соответствующих общих и специализированных сферах несырьевой экономики, которые помимо обеспечения дополнительных экспортных доходов способны стать инструментами “мягкой силы”.

Ключевые слова: “мягкая сила”, конкурентные преимущества, въездной туризм, международная конкурентоспособность, несырьевой экспорт, экспортный потенциал.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-102-110

Концепция “мягкой силы” (*soft power*), сформулированная в 1980-х годах, предполагает упрочнение геополитических позиций страны на международной арене путем невоенных и неидеологических методов воздействия на окружающий мир. Это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия заинтересованных сторон, ненасильственной интеграции в действия союзников. Ведущая роль влияния на внешнюю политику и внешнеэкономические связи отводится системе национальных ценностей, включая культуру и искусство, формирующих благоприятный имидж страны для ее внешнеполитических и внешнеэкономических партнеров. “Мягкая сила” – форма властных межгосударственных отношений, предполагающая, что государство благодаря внешней привлекательности способно воздействовать на глобальное общественное мнение, формировать альянсы и через них – международную повестку и правила игры в мировом сообществе в своих интересах.

Доктрина “мягкой силы” возникла в политологии и международных отношениях, но она применима и к внешнеэкономической деятельности. Привлекательность модели национальной экономики, построенной на определенных императивах хозяйствования, и продукты ее жизнедеятельности оказывают воздействие на зарубежные политические элиты и обычных граждан, производя демонстрационный эффект и вызывая желание копировать управленческий опыт. Позитивный культурный код, передаваемый через экспортную продукцию, востребован и в потребительской среде. Концепцию “мягкой силы” можно использо-

вать как для геополитического позиционирования России, так и для наращивания ее экспортных возможностей в несырьевых секторах экономики.

“МЯГКАЯ СИЛА” В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ОБЗОР ТЕОРИЙ И ЛИТЕРАТУРЫ

Теоретической базой исследования послужили следующие постулаты общественных наук. Во-первых, это концепция “мягкой силы”, стержень которой формируют философские воззрения Лао-цзы [1] о целесообразности применения небрутальных методов воздействия для установления власти, причем процесс использования “мягкой силы” для получения искомого результата длителен. В современный научный оборот понятие “мягкая сила” ввел нелиберальный политолог Дж. Най. Он предложил новый подход к глобализации, безопасности и взаимозависимости, основанный на “мягкой силе” влияния, которым должны оперировать политики, дипломаты и экономисты [2, 3]. В России концепция “мягкой силы” с терминологической и структурной точек зрения раскрыта, в частности, в работах М.М. Лебедевой [4].

Во-вторых, поскольку наибольшими возможностями применения “мягкой силы” в России обладают точечные области эмоционально-эстетического воздействия на зарубежных потребителей (музыка, искусство, спорт, туризм), нами задействовано новое направление экономических исследований – экономика впечатлений (*experience economy*), основоположниками которой являются

Дж. Пайн и Дж. Гилмор. В своих работах они акцентировали внимание на впечатлениях как новой форме продукта хозяйственной активности человека (по аналогии с товарами и услугами), а также на растущей стоимости впечатлений в ходе эволюции потребительских ценностей в современном постиндустриальном обществе [5, 6].

В-третьих, иррациональность потребителей впечатлений, связанная с эмоциональностью процесса принятия решений о покупке и оценок полезности продуктов индустрии досуга, характерна для поведенческой экономики (*behavioral economics*), объясняющей поведение индивидуумов через синтез психологии и неоклассической экономической теории. В данном контексте выделяются работы Д. Ариели, посвященные иррациональному поведению покупателей под влиянием эмоций [7, 8]. Иррациональность действий в современном информационном обществе, связанная с эмоциями, стала также предметом исследований футуролога Р. Йенсена, создавшего концепцию общества мечты (*dream society*), для которого характерны новые ценности: истории успеха компаний и персоналий из мира спорта и развлечений [9].

Наконец, в творческих областях, в которых у России есть конкурентные преимущества, в современном мире обязателен налет гламура, характерный для общества XXI в. как глэм-капитализма (*glam-capitalism*). Его основой являются виртуализация образов и замещение реальности симуляцией. Данную оригинальную идею развивает Д. В. Иванов [10, 11, 12].

ИНСТРУМЕНТАРИЙ “МЯГКОЙ СИЛЫ” В НЕСЫРЬЕВЫХ ЭКСПОРТНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ СЕКТОРАХ

Основным инструментом “мягкой силы” воздействия на зарубежные страны в экономике является непроемкая сфера, предлагающая услуги (в понимании традиционной экономической науки) и впечатления (в контексте экономики впечатлений), способные формировать глобальный позитивный имидж страны в области международных экономических отношений. Автор концепции “мягкой силы” Дж. Най особое значение при этом отводил привлекательности страны с точки зрения культуры, идеалов и программ развития [13].

В настоящее время использование Россией национальных идеологических установок, концептуальных политических идей и демонстрационно-эффективных моделей хозяйствования нуждается в переосмыслении. В рейтинге стран мира по влиятельности с точки зрения “мягкой силы” *The Soft Power 30* РФ в 2016 г. заняла 27-е место, в 2017 —

26-е, в 2018 — 28-е, а в 2019 г. — лишь 30-е [14]. Лидеры рейтинга — Франция, Великобритания, Германия, Швеция и США.

Определим потенциал России в части “мягкой силы” воздействия на зарубежную аудиторию, выявив сферы несырьевой экономики, которые обладают наиболее высоким потенциалом “мягкого” влияния, улучшающим позиционирование страны в системе международных отношений. Это культура и искусство, образование, туризм и спорт. В данных сферах наиболее явно ощущается культурный код России, эмоциональное воздействие на зарубежных потребителей и способности к расширению влияния в мире через лояльность к себе. Систематизируем составляющие “мягкой силы” РФ следующим образом: к общим инструментам отнесем въездной туризм и образование для зарубежных студентов, а в числе точечных мер “мягкого” воздействия культуры выделим русский классический балет, спорта — фигурное катание (ФК), кинематографического искусства — мультипликацию. Конкурентные преимущества России в этих сферах, включая узнаваемость и позитивность национального бренда, выглядят наиболее убедительными. Взаимосвязь и взаимозависимость инструментария “мягкой силы” России представлены на рисунке.

Рис. Взаимосвязи инструментов “мягкой силы” России
Составлено автором.

Охарактеризуем названные инструменты подробнее, акцентируя внимание на туризме и образовании, где доминирует рациональный экономический подход, а также на культуре, искусстве и спорте, способных точно воздействовать на целевые сегменты зарубежной аудитории через эмоции и иррациональность.

ТУРИЗМ И ОБРАЗОВАНИЕ

Наиболее масштабным инструментом “мягкой силы” является въездной туризм. Он формирует имидж страны на основе личных впечатлений

туристов от ее посещения, освобождая от стереотипов пропаганды и публикаций в СМИ. Туризм связан с разными видами экономической активности, требует значительных инвестиций в индустрию гостеприимства, включая транспорт и коммуникации, средства размещения, производство промышленной продукции и продуктов питания, культурно-массовые мероприятия и индустрию развлечений, здравоохранение, банковский сектор, торговлю, общественное питание и др.

Оценивая ситуацию с позиций международной конкурентоспособности, отметим, что Россия вошла в 20 самых востребованных туристических направлений мира, улучшив привлекательность национального бренда среди зарубежных путешественников [15]. Один из российских регионов – Калининградская область – в начале 2020 г. стал самым быстрорастущим туристическим направлением мира среди стран с развивающимися рынками по рейтингу популярного портала *Tripadvisor* [16]. Вместе с тем РФ заметно проигрывает альтернативным направлениям отдыха и путешествий по стоимостным показателям, получая меньше доходов от въездных туристов, чем Польша или Португалия, Швейцария или Нидерланды, и соответствуя показателям Хорватии и Новой Зеландии [17].

Доля доходов от въездного туризма в совокупном экспорте России – 3.5–4% (табл. 1), в экспорте услуг (личные и деловые поездки) – 15.5% [18]. По стоимостным показателям экспорт туристических услуг из РФ в 2018 г. (18.7 млрд долл.) превышал экспорт оружия (15.2 млрд долл. [19]). Есть отдельные направления въездного туризма с впечатляющей динамикой. Так, возрос медицинский туризм: в 2016 г. в РФ прошли лечение 35 тыс. иностранных пациентов, в 2017 г. – уже 120 тыс., в 2018 г. – 300 тыс., а только в 1-м полугодии 2019 г. – 530 тыс. [20].

Потенциал роста въездного турпотока в Россию, равно как и доходов от него, заключается в том, что туризм необходимо рассматривать еще и с позиций “мягкой силы” влияния на окружающий мир. Яркие впечатления от путешествий в Россию могут получить и любители природы, и ценители архитектуры, и поклонники классической музыки и театра, и болельщики спорта, и фанаты железных дорог. На совместное взаимодействие между русской и зарубежной культурой (*mutual power*) ориен-

тированы спортивные и культурные мероприятия: существенный вклад в прирост въездного турпотока в 2018 г. (+20% [21]) произвел проведенный РФ Чемпионат мира по футболу. Все это нужно учитывать в геополитической стратегии, встраивая в нее в качестве инструмента “мягкой силы” российское гостеприимство. Целевая аудитория въездного туризма в Россию многообразна, но предпочтение следует делать в пользу стран с высоким уровнем доходов, образования и культуры, а также исторически сложившихся партнеров РФ.

Образование – важный инструмент “мягкой силы” по долгосрочному характеру проявления и влиянию на лиц, принимающих политические решения и определяющих деловую среду. Через образовательные программы и длительное нахождение в стране обучения лица, получающего образовательную услугу, можно целенаправленно формировать лояльность к культурному и политическому климату государства, принимающего зарубежных студентов. После отъезда завершивших обучение лиц на родину через их благожелательность к стране, давшей профессиональную подготовку, можно оказывать воздействие на характер не только культурных, но и деловых и политических отношений соответствующих государств. Важен и мультипликационный эффект приема зарубежных студентов для национальной экономики. Проживая в принимающем государстве, иностранные граждане проявляют потребительскую активность на рынке аренды жилья, товаров массового спроса, спортивных и культурно-массовых мероприятий, внутреннего и выездного туризма, транспортных перевозок, а также в других сферах хозяйствования, создавая дополнительный спрос.

Россия – одна из ведущих стран в сфере образовательных услуг для зарубежных потребителей. С показателем 5% общемировой студенческой мобильности [22] она входит в шестерку наиболее привлекательных для зарубежных студентов стран. Ее отличают высокий уровень профессиональной подготовки (второе место страны на международном чемпионате по рабочим профессиям *WorldSkills* в 2019 г.), наличие среди преподавателей и экспертов носителей технологий мирового уровня [23]. В настоящее время в РФ проходит обучение больше иностранных студентов, чем в любой стране Евросоюза (почти 280 тыс.) [24]. С учетом

Таблица 1. Динамика экспортных поступлений от туризма в России, 2007–2018 гг.

Показатели	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Доходы от международного туризма, млрд долл.	12.4	15.8	12.4	13.2	17.0	17.9	20.2	19.5	13.2	12.8	15.0	18.7
Процент от совокупных экспортных доходов	3.2	3.0	3.6	3.0	3.0	3.0	3.4	3.5	3.4	3.9	3.6	3.7

Составлено по: [32].

Таблица 2. Численность и пропорция иностранных студентов в России, 2013–2018 гг.

Показатели	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Общая численность иностранных студентов (среднее профессиональное и высшее образование), тыс. человек	210.5	267.0	288.0	277.8	274.7	278.0
В процентах к общей численности студентов в России	3.6	3.6	4.1	4.1	4.1	4.1

Источник: [25].

невысокой доли иностранцев (около 4% [25]) среди всей студенческой аудитории российских вузов экспортная ориентация российского образования имеет хорошие перспективы. Динамика процесса в период 2013–2018 гг. представлена в табл. 2. Число иностранных студентов, проходящих обучение в российских вузах, за последние 15 лет (начиная с 2004 г.) увеличилось более чем в три раза [26].

Учитывая, что доходы страны от экспорта образовательных услуг (оплата за обучение, а также расходы на проживание) в 2017/2018 учебном году составили 130 млрд руб., увеличившись с 2007/2008 учебного года (22.3 млрд руб.) почти в шесть раз, в стратегиях наращивания экспортного потенциала РФ образованию отводится важное место. Целевой аудиторией российских вузов среди иностранных студентов являются граждане развивающихся стран, особенно жители постсоветского пространства, для которых интерес представляют инженерно-техническая, медицинская и экономика-управленческая направленности образования в России. В контексте концепции “мягкой силы” это удачные возможности и рычаги воздействия на зарубежные страны для распространения российских технологий, методик и управленческих подходов с помощью лиц, завершивших обучение в РФ. Российские ценности, культурные установки и правила в соответствующих институциональных формах будут способствовать сотрудничеству между Россией и окружающим миром как в области политики, так и в сфере международных экономических отношений [4, с. 216].

ТОЧЕЧНЫЕ СФЕРЫ ЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА: ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЦЕЛЕВЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Влиятельными инструментами “мягкой силы”, учитывая эмоциональный эффект восприятия, являются культура, искусство и спорт. В условиях цифровизации важными средствами межличностной и деловой коммуникации становятся виртуальные образы, как созданные на основе реальных событий, так и существующие в отрыве от действительности, но учитывающие тенденции поведения определенных групп потребителей. Сила воздействия впечатлений от массовых или индивидуально-элитарных культурных, артистических или

спортивных мероприятий может как носить рациональный характер, подчиняясь экономической логике, так и быть совершенно иррациональной, объяснимой лишь психологией и социологией. В творческих видах деятельности проявляется природа глэм-капитализма, материей которого служат эксклюзивность потребления, необычность стиля и быта, сексуальность, яркость и рецептура жизненного успеха [11, с. 12]. Не всегда можно дать оценку экспортных доходов культуры, искусства и спорта, особенно если события происходят внутри страны и посещаются зарубежными туристами, студентами, артистами и спортсменами. На примере ряда видов творческой и спортивной деятельности мы покажем их потенциал и как инструментов “мягкой силы” России, и как несырьевых экспортных секторов.

Классический балет – узнаваемый культурный бренд России. Для зрителей, любящих русский классический балет, характерна принадлежность к образованной части населения, которая ценит эстетику и элементы гламура. Иррациональность потребительского поведения может быть выражена в высоких ценах предлагаемых услуг, особенно на спектакли с участием звезд российского балета, рассчитанных на иностранную аудиторию.

“Мягкая сила” влияния русского классического балета состоит в пышности исторических постановок, сочетании декораций, музыки, танца, наследии романтизма. Это производит неизгладимое впечатление на зрителей, делая их поклонниками русской культуры. Помимо силы традиций важный элемент – выход русского балета в виртуальное пространство. Онлайн-трансляции из ведущих театров России стали частью глобальной культурной среды, позитивно настраивая к нам зарубежную аудиторию. Российский хореограф Б. Эйфман отмечает “мягкую силу” балета, являющегося средством гуманитарной дипломатии, подчеркивает его интеграционный потенциал, способный объединять представителей различных государств, культур и религий [27]. Истории успеха звезд балета – пример для возможного подражания, востребованный в концепции общества мечты [9] и глэм-капитализма [10, 11, 12], особенно если звезды балета или хореографы становятся влиятельными лицами страны.

Оценивая стоимостный экспортный потенциал российского балета, необходимо прибавить

к выручке от зарубежной гастрольной деятельности балетных трупп и их солистов многочисленные сопутствующие товары и услуги: пошив артистических костюмов, сувенирную продукцию, аудио- и видеозаписи, на которые распространяются авторские и лицензионные права, платный онлайн-доступ к трансляции постановок, книги, альбомы и журналы о балете, рекламные проекты с участием балетных исполнителей. Обладая уникальными конкурентными преимуществами хранителя исторического наследия и традиций профессионального обучения, российская балетная школа востребована среди зарубежных студентов и стажеров, а российские балетмейстеры и педагоги-репетиторы на коммерческой основе участвуют в постановках зарубежных театров. Среди наиболее предпочтительных адресатов инструментария “мягкой силы” российского балета – Япония, Республика Корея, а также страны, располагающие собственными традициями развития балета и театральными площадками мирового уровня: Италия, Франция, Дания, Нидерланды, Австрия, Великобритания, Германия, США, Австралия.

Фигурное катание (ФК) – синтез хореографии и спортивного мастерства, здесь у РФ есть свои конкурентные преимущества. Фигурное катание является эмоционально-зрелищным видом спорта, удобным для просмотра как в ледовом дворце по месту проведения соревнования (или шоу), так и на экране телевизора, компьютера или смартфона. Соревнования и ледовые шоу, которые поклонники ФК посещают вживую, являются разновидностью событийного туризма, во время которого проявляются национальная культура, искусство, гастрономия, то есть практически все составляющие инструментария “мягкой силы”. В мире ФК важны наличие звезд, за которыми поклонники готовы отправиться на соревнования и шоу в другие страны, а также непредсказуемость побед и результатов, создающая эмоциональный накал в стилистике экономики впечатлений и глэм-капитализма. Сообразно трактатам Лао-цзы [1], “мягкая сила” фигурного катания обладает женской привлекательностью и влиятельностью лучших фигуристок планеты в политике и международных отношениях (пример официальных встреч Олимпийской чемпионки россиянки А. Загитовой с бывшим премьер-министром Японии С. Абэ), а эмоциональное единение фанатов разных стран производит столь желаемый для инструментария “мягкой силы” эффект взаимности, упрочивая взаимопонимание между представителями разнообразных культур.

Успехи российских фигуристов сделали их узнаваемыми за рубежом, а их виртуальные образы воплощены в анимации и компьютерных играх (Олимпийские чемпионы Е. Плющенко и Ю. Лип-

ницкая, к примеру, стали ключевыми персонажами японского мультсериала *Yuri on Ice*, прославляющего российскую школу фигурного катания и вызывающего у зрителей уважительное отношение к России). Российские фигуристы являются лицами и амбассадорами многих ведущих зарубежных компаний индустрии моды и спорта.

Образы российских фигуристов и фигурного катания в целом используют в своих рекламных роликах российские компании, действующие на зарубежных рынках. Ростелеком является официальным спонсором российской сборной по ФК, А. Загитова рекламировала Сбербанк, Е. Плющенко – строительную Группу ЛСР. В этом также есть “мягкая сила” завоевания лояльности зарубежного потребителя через успехи российского спорта. Особенно это касается сопряженного с ФК строительного бизнеса (сооружение ледовых арен), производства холодильного оборудования для катков и спортивных тренажеров для фигуристов. Большинство аудитории поклонников ФК – женщины (до 90%), которые в большей степени, чем мужчины, подвержены эмоциям и воздействию гламура, а также иррациональности выбора. В погоне за кумирами и в подражании им женская аудитория готова тратить значительные располагаемые доходы и ресурсы свободного времени. Привлеченные историями успеха и влиятельностью топ-фигуристов в мире моды, бизнеса и политики женщины-матери оказывают влияние на выбор вида спорта для своих детей, подпитывая мир фигурного катания новыми талантами и финансовыми ресурсами. Это стоит учитывать при продвижении российского ФК как инструмента “мягкой силы” воздействия на зарубежную аудиторию.

В географическом плане целевой аудиторией “мягкой силы” российского ФК являются ведущие страны Азии (Япония, Республика Корея, Китай), Северная Америка (США и Канада), а также европейские государства с влиятельными национальными федерациями ФК (в особенности Франция, Италия, Германия). Кроме того, на постсоветском пространстве – в Казахстане, Беларуси, странах Балтии, Грузии, Армении, Азербайджане – востребованы услуги и творческий потенциал российских тренеров, хореографов и постановщиков программ. Эстетика российской школы ФК способна оказывать заметное влияние на политический истеблишмент, бизнес-среду, гламурных и рядовых потребителей.

Мультфильмы – один из самых известных за рубежом российских творческих продуктов, имеющих многомиллиардную аудиторию поклонников. Взрослых иностранных зрителей привлекает то, что их герои напоминают им собственных детей и внуков. Зарубежным потребителям нравится

юмор российских мультфильмов, качество анимации. Особенно любимы “Лунтик” и “Смешарики”, а короткометражный мультфильм “Мы не можем жить без космоса” получил общемировую известность, попав в шорт-лист премии “Оскар”.

Успех российского мультфильма “Маша и медведь” – отличный пример продвижения соответствующего продукта не только с коммерческими целями, но и в качестве инструмента “мягкого воздействия” на зарубежных потребителей, особенно несовершеннолетних. Более 3.3 млрд просмотров одной из серий на *YouTube* (мировой рекорд), трансляции по телеканалам с адаптированным переводом более чем в 20 странах мира, доходы от продаж почти 300 млн долл. в год [28], любовь детской аудитории и родителей как в христианских, так и в мусульманских странах – очень достойные результаты. При этом производитель мультфильма – частная российская компания “Анимаккорд” – изначально не ставила целью сделать свой продукт инструментом “мягкой силы” и тем более пропаганды российского образа жизни.

Целевая аудитория “мягкой силы” российской мультипликации широка по географии. В нее входят практически все страны и континенты (вне культурных или религиозных ограничений), в которых у детей и родителей есть доступ к аналоговому, цифровому и кабельному телевидению, а также интернет-контенту, представляющим как оригинальную, так и специально адаптированную (с переводом на национальный язык страны потребления) продукцию аниматоров из России. Кроме того, авторские права на материально-вещественные и виртуальные игрушки, канцелярские и иные принадлежности, созданные на основе мультсериалов из России, расширяют экспортный потенциал российских анимационных студий.

ВОЗДЕЙСТВИЕ КОРОНАКРИЗИСА

Пандемия нового коронавируса в 2020 г. нанесла ущерб рассмотренным инструментам “мягкой силы” России. Закрытие границ, приостановка транспортного сообщения и туризма, закрытие учреждений культуры, прекращение спортивной активности – экономические потери от Великого карантина еще предстоит оценить. Вместе с тем даже в таких условиях некоторые инструменты “мягкой силы” России проявили себя наилучшим образом, продолжив влиять на зарубежную аудиторию.

Следуя концепции антихрупкости, в соответствии с которой нужно уметь развиваться в самых сложных обстоятельствах, извлекая выгоды из неудач и пользуясь уроками прошлого опыта [29], ряд сфер непродуцированной деятельности в России нашел новые точки роста влияния на потенциаль-

ных иностранных потребителей своих услуг. Так, весной 2020 г. огромной популярностью пользовались онлайн-спектакли Мариинского театра¹, а в июле 2020 г. обладателями первых в истории премий Международного союза конькобежцев *ISU Skating Awards*, которую в прямом эфире смотрели около 100 тыс. зрителей, стали российская фигуристка А. Косторная и российский тренер Э. Тутберидзе. Это подогревает интерес к соответствующим офлайн-мероприятиям после снятия ограничительных мер.

Российские стриминговые платформы, демонстрировавшие художественные фильмы и мультфильмы отечественного производства, онлайн-экскурсии российских музеев и онлайн-курсы российских образовательных учреждений, также вызвали большой интерес среди иностранных пользователей сети, находившихся в самоизоляции. Продвижение достижений культуры, искусства, спорта и образования России в онлайн-формате способно расширить их зарубежную аудиторию, позитивно влияя в перспективе на приток туристов и студентов, на расширение числа зрителей отечественных фильмов, а также мероприятий, проводимых вживую.

Действенными мерами государственной поддержки несырьевого экспорта являются соответствующие стратегии и национальные проекты, а также льготное налогообложение, комплексное развитие инфраструктуры, кадровое и информационное обеспечение. Из негосударственных рычагов влияния на саморегулирующуюся развитие сфер “мягкой силы” можно отметить активность отраслевых союзов профессионалов, культурные и образовательные форумы по обмену опытом и идеями, использование рыночных механизмов регулирования спроса и предложения на рынке услуг и впечатлений.

В эпоху развития экономики впечатлений и общества мечты в постиндустриальном мире приобретают все большую значимость некоммерческие организации (театры, музеи, лечебные, спортивные и образовательные структуры), которые, сохраняя национальные традиции при создании новых интеллектуальных ценностей, становятся хабами для социализации и творческого процесса [31, с. 278]. Наилучшим способом поддержки экспортного потенциала сфер, в которых у России сохраняется высокая конкурентоспособность и которые могут использоваться в качестве инструментов “мягкой силы”, является целевое государственное финансирование флагманских направлений де-

¹ К середине мая 2020 г. онлайн-показы концертов и спектаклей Мариинского театра собрали более 50 млн зрителей из 87 стран мира. Наибольший интерес к ним проявили в Японии, США, на Украине, в Республике Корея и в Германии. Балеты “Жизель”, “Ромео и Джульетта”, “Спящая красавица” набрали более 1 млн просмотров каждый [30].

тельности с ограниченным коммерческим потенциалом (создание социальной и транспортной инфраструктуры, образование, балет, спорт) при невмешательстве государства в успешный бизнес и собственно творческую деятельность (включая коммерческие проекты в туризме и кинематографии, способные приносить прибыль). Переоценка характера взаимодействия государства и бизнеса по итогам последствий пандемии *COVID-19*, скорее всего, приведет именно к таким результатам.

* * *

У России есть как устойчивые конкурентные преимущества, так и потенциал для их использования в качестве инструментов “мягкой силы” в сферах въездного туризма, образования, балета, фигурного катания и производства анимационных фильмов. Важная задача — реализация возможностей роста экспортных доходов в данных областях при одновременном создании позитивных впечатлений о РФ и ее национальной культуре с учетом историй успеха российских представителей творческих видов деятельности и мировых трендов развития экономики впечатлений и общества мечты. Государственная поддержка развития несырьево-

го экспорта способна стимулировать имиджевый успех российской культуры, образования, искусства и спорта среди зарубежной аудитории, но необходимо активно применять и негосударственные каналы взаимодействия с иностранными потребителями, а также использовать государственно-частное партнерство.

Насколько успешным станет раскрытие экспортного потенциала инструментария “мягкой силы” РФ в несырьевых отраслях, покажет время. При всей сложности взаимодействия с окружающим миром “мягкая сила” народной и культурной дипломатии, основанная на личном опыте вовлеченных в нее сторон, способна в обозримом будущем нейтрализовать существующие негативные настроения по отношению к России в зарубежной среде. В современном мире растущих противоречий и конфликтов инструментарий “мягкой силы” воздействия на потенциальных зарубежных потребителей путем их вовлечения в эмоциональную и культурную связь созидательного характера через въездной туризм, образование, культуру, искусство и спорт оказывается вполне востребованным, особенно в условиях деглобализационных тенденций и растущей турбулентности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Лао-цзы. *Книга об истине и силе*. Москва, Эксмо, 2019. 480 с. [Lao-tszy. *Kniga ob istine i sile* [A book about truth and power]. Moscow, Eksmo, 2019. 480 p.]
2. Nye J. *Bound to Lead: the Changing Nature of American Power*. New York, Basic Books, 1990. 307 p.
3. Най Д. *Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике*. Москва, Тренд, 2006. 397 с. [Nye D. *Gibkaya sila. Kak dobit'sya uspekha v mirovoi politike* [Flexible power. How to succeed in world politics]. Moscow, Trend, 2006. 397 p.]
4. Лебедева М.М. “Мягкая сила”: понятие и подходы. *Вестник МГИМО — Университета*, 2017, № 3 (54), сс. 212-223. [Lebedeva M.M. “Myagkaya sila”: ponyatie i podkhody [Soft power: concepts and approaches]. *Vestnik MGIMO — Universiteta*, 2017, no. 3 (54), pp. 212-223.] DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223
5. Пайн Д., Гилмор Д. *Экономика впечатлений. Работа — это театр, а каждый бизнес — сцена*. Москва, Вильямс, 2005. 299 с. [Pine J., Gilmore J. *Ekonomika vpechatlenii. Rabota — eto teatr, a kazhdyi biznes — stsena* [Experience economy. Work is the theater, and every business is a stage]. Moscow, Vil'yams, 2005. 299 p.]
6. Пайн Д., Гилмор Д. *Экономика впечатлений. Как превратить покупку в захватывающее действие*. Москва, Альпина Паблишер, 2020. 384 с. [Pine J., Gilmore J. *Ekonomika vpechatlenii. Kak prevratit' pokupku v zakhvatyvayushchee deistvie* [Experience economy. How to turn a purchase into an exciting action]. Moscow, Al'pina Pablsher, 2020. 384 p.]
7. Ариели Д. *Предсказуемая иррациональность*. Москва, Манн, Иванов и Фербер, 2010. 336 с. [Arieli D. *Predskazuemaya irrational'nost'* [Predictable irrationality]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2010. 336 p.]
8. Ариели Д. *Поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом*. Москва, Манн, Иванов и Фербер, 2013. 296 с. [Arieli D. *Povedencheskaya ekonomika. Pochemu lyudi vedut sebya irratsional'no i kak zarabotat' na etom* [Behavioral economics. Why people behave irrationally and how to make money from it]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2013. 296 p.]
9. Йенсен Р. *Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразует ваш бизнес*. Санкт-Петербург, Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2002. 179 с. [Jensen R. *Obshchestvo mechty. Kak gryadushchii sdvig ot informatsii k voobrazheniyu preobrazuet vash biznes* [Dream society. How the coming shift from information to imagination will transform your business]. St. Petersburg, Stokgol'mskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge, 2002. 179 p.]
10. Иванов Д.В. *Глэм-капитализм*. Санкт-Петербург, Петербургское Востоковедение, 2008. 176 с. [Ivanov D.V. *Glem-kapitalizm* [Glam-capitalism]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2008. 176 p.]
11. Иванов Д.В. Глэм-капитализм: логика сверхновой экономики. *Телескоп*, 2011, № 5 (89), сс. 11-20. [Ivanov D.V. *Glem-kapitalizm: logika sverkhnovoi ekonomiki* [Glam capitalism: the logic of a supernova economy]. *Teleskop*, 2011, no. 5 (89), pp. 11-20.]

12. Иванов Д.В. *Глэм-капитализм. Мир брендов, трендов и трэша*. Санкт-Петербург, Страта, 2015. 170 с. [Ivanov D.V. *Glem-kapitalizm. Mir brendov, trendov i tresha* [Glam capitalism. The world of brands, trends and trash]. St. Petersburg, Strata, 2015. 170 p.]
13. Най Д. “Мягкая сила” и американско-европейские отношения. *Свободная мысль-XXI*, 2004, № 10, сс. 34-36. [Nye D. “Myagkaya sila” i amerikano-evropeiskie otnosheniya [Soft power and US-European relations]. *Svobodnaya mysl'-XXI*, 2004, no. 4, pp. 34-36.]
14. *The Soft Power 30*. London, Portland Communications, 2020. Available at: <https://softpower30.com/> (accessed 28.09.2020).
15. *Международные эксперты оценили рост привлекательности России как туристического бренда*. Москва, Федеральное агентство по туризму, 2016. [International experts evaluated the growth of Russia's attractiveness as a tourist brand. Moscow, Federal'noe agentstvo po turizmu, 2016. (In Russ.)] Available at: <https://www.russiatourism.ru/news/11880/> (accessed 28.09.2020).
16. *Tripadvisor Reveals 2020 Travelers' Choice Awards for New Trending and Emerging Destinations*. Tripadvisor, 2020. Available at: <http://ir.tripadvisor.com/news-releases/news-release-details/tripadvisor-reveals-2020-travelers-choice-awards-new-trending> (accessed 28.09.2020).
17. *International Tourism Highlights. 2019 Edition*. Madrid, World Tourism Organisation, 2019. 23 p. Available at: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284421152> (accessed 28.09.2020).
18. *Туризм на экспорт, или как Россия планирует заработать на иностранцах*. Санкт-Петербург, Туристический бизнес Санкт-Петербурга, 2019. [Export tourism, or how Russia plans to make money on foreigners. St. Petersburg, Turisticheskii biznes Sankt-Peterburga, 2019. (In Russ.)] Available at: <http://www.pitert.ru/news/turizm-eksport-ili-kak-ro> (accessed 28.09.2020).
19. *Минобороны РФ оценило экспорт оружия за 2019 год*. Москва, Интерфакс, 2020. [The RF Ministry of Defense estimated arms export for 2019. Moscow, Interfaks, 2020. (In Russ.)] Available at: <https://www.interfax.ru/business/700388> (accessed 28.09.2020).
20. *План по медицинскому туризму 2024 года Россия может выполнить уже по итогам текущего*. Москва, Финмаркет, 2019. [Russia's plan for medical tourism for 2024 can already be fulfilled as a result of the current year. Moscow, Finmarket, 2019. (In Russ.)] Available at: <http://www.finmarket.ru/news/5069029> (accessed 28.09.2020).
21. *Главные итоги 2018 года для туротрасли*. Санкт-Петербург, RTourNews, 2018. [The main results of 2018 for the tourism industry. St. Petersburg, RTourNews, 2018. (In Russ.)] Available at: <https://rtournews.ru/blog/articles/glavnye-itogi-2018-goda-dlya-turotrasli.html> (accessed 28.09.2020).
22. *Россия вошла в список самых привлекательных для иностранных студентов стран*. Москва, РИА Новости, 2018. [Russia entered the list of the most attractive countries for foreign students. Moscow, RIA Novosti, 2018. (In Russ.)] Available at: <https://ria.ru/20181210/1547722136.html> (accessed 28.09.2020).
23. Мануйлова А. *В России прошел международный чемпионат по рабочим профессиям WorldSkills*. New York, Eurasianet, 2019. [Manuilova A. *V Rossii proshel mezhdunarodnyi chempionat po rabochim professiyam WorldSkills* [Russia hosted the WorldSkills international championship on working professions]. New York, Eurasianet, 2019.] Available at: <https://russian.eurasianet.org/в-россии-прошел-международный-чемпионат-по-рабочим-профессиям-worldskills> (accessed 28.09.2020).
24. Бутрин Д. Профессору проще, чем учителю. *Коммерсантъ*, 2019, № 151, с. 2. [Butrin D. Professoru proshche, chem uchitel'yu [It's easier for a professor than a teacher]. *Kommersant*, 2019, no. 151, p. 2.]
25. Бондаренко Н.В. и др. *Образование в цифрах: 2019. Краткий статистический сборник*. Москва, НИУ ВШЭ, 2019. 96 с. [Bondarenko N.V. et al. *Obrazovanie v isifrakh: 2019. Kratkii statisticheskii sbornik* [Education in numbers: 2019. Short statistical digest]. Moscow, HSE Publ., 2019. 96 p.]
26. *Россия включается в конкуренцию за иностранных студентов*. Москва, Проект 5-100, 2018. [Russia enters the competition for foreign students. Moscow, Proekt 5-100, 2018. (In Russ.)] Available at: <https://www.5top100.ru/news/93717/> (accessed 28.09.2020).
27. Хореограф Б. Эйфман: “Балет – это мягкая сила и эффективное средство гуманитарной дипломатии”. Москва, Интерфакс, 2018. [Choreographer B. Eifman: “Ballet is a soft power and an effective means of humanitarian diplomacy”. Moscow, Interfaks, 2018. (In Russ.)] Available at: <http://www.interfax-russia.ru/NorthWest/exclusives.asp?id=968576> (accessed 28.09.2020).
28. Устинова Н. “Маша и Медведь”: История успеха. Verneuil-sur-Seine, L'observateur russe, 2016. [Ustinova N. “Masha i Medved'”: *Istoriya uspekha* [“Masha and the Bear”: A success story]. Verneuil-sur-Seine, L'observateur russe, 2016.] Available at: <http://rusoch.fr/ru/events/masha-i-misha-istoriya-uspekha.html> (accessed 28.09.2020).
29. Taleb N. *Antifragile: Things that Gain from Disorder*. New York, Random House, 2012. 519 p.
30. *Трансляции Мариинского театра посмотрело 50 миллионов человек*. Санкт-Петербург, Мариинский театр, 2020. [Mariinsky Theatre broadcasts were watched by 50 million people. St. Petersburg, Mariinskii teatr, 2020. (In Russ.)] Available at: https://www.mariinsky.ru/news1/2020/05/13_2/ (accessed 28.09.2020).
31. Иноземцев В. *За пределами экономического общества*. Москва, “Academia” – “Наука”, 1998. 640 с. [Inozemcev V. *Za predelami ekonomicheskogo obshchestva* [Outside of economic society]. Moscow, “Academia” – “Nauka”, 1998. 640 p.]
32. *International Tourism, Receipts*. Washington, The World Bank. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/ST.INT.RCPT.CD> (accessed 28.09.2020).

**“SOFT POWER” AND RUSSIA’S EXPORT POTENTIAL
IN NON-RAW MATERIALS SECTORS OF ECONOMY**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 3, pp. 102-110)

Received 15.07.2020.

Alexander I. POGORLETSKIY (a.pogorletskiy@spbu.ru),

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya Nab., St. Petersburg, 191034, Russian Federation.

The subject of the research is the export potential of Russia in non-resource sectors of the economy. The purpose of the article is to assess Russia’s international competitive advantages and export revenues in the sectors of the national economy that fall within the scope of “soft power”. The study, based on expert assessments and quantitative analysis methods, confirms the hypothesis that Russia has significant means of intellectual and emotional influence on foreign consumers, designed to improve the country’s current position in the system of international relations. It is shown how the tools of so-called “soft power” can be used to increase Russian geostrategic influence in the world, including using national ideological attitudes, conceptual political ideas and demonstration-effective business models. The realization of export revenue growth opportunities in areas of the national economy associated with the spread of “soft power” helps to solve this problem. Based on the concept of “soft power” and the postulates of the experience economy, dream society, behavioral economy and glam capitalism, with the involvement of statistical and factual materials, the prospects for the development of Russia’s export potential in the field of tourism, education, as well as certain areas of culture, art and sports that are most indicative of their competitiveness, including ballet, figure skating and animation, are evaluated. The author concludes that Russia has competitive advantages in both general and highly specialized areas of the non-resource economy, which, in addition to export revenues, can become a productive “soft power” of influence on foreign audiences. An important task of regulating foreign economic activity in the Russian Federation should be to support these areas of activity that are potentially attractive for increasing non-resource exports in the long term.

Keywords: Russia, “soft power”, competitive advantage, export potential, inbound tourism, international competitiveness, non-raw materials export.

About author:

Alexander I. POGORLETSKIY, Dr. Sci. (Econ.), Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-102-110

ВТОРАЯ ВОЛНА ЛИВИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ФАКТОРЫ И АКТОРЫ

© 2021 г. А. Коротаев, Л. Исаев, А. Шишкина

*КОРОТАЕВ Андрей Витальевич, доктор исторических наук, профессор,
НИУ ВШЭ, РФ, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20;
Институт Африки РАН, РФ, 123001 Москва, ул. Спиридоновка, 30/1 (akorotayev@gmail.com).*

*ИСАЕВ Леонид Маркович, кандидат политических наук,
НИУ ВШЭ, РФ, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20;
Институт Африки РАН, РФ, 123001 Москва, ул. Спиридоновка, 30/1 (isleonid@yandex.ru).*

*ШИШКИНА Алиса Романовна, кандидат политических наук,
НИУ ВШЭ, РФ, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20;
Институт Африки РАН, РФ, 123001 Москва, ул. Спиридоновка, 30/1 (alisa.shishkina@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 10.07.2020.

Революционные процессы в случае с Ливией оказались фатальными для всей политической системы, ознаменовав собой почти полный демонтаж государственных институтов, созданных при Джамахирии. Первая волна гражданской войны в Ливии, закончившаяся после убийства Муаммара Каддафи осенью 2011 г., не положила конец гражданскому конфликту в стране. Напротив, во многих отношениях вторая волна конфликта в Ливии (начало активной фазы которой можно датировать 16 мая 2014 г.) оказалась прямым продолжением первой (февраль–октябрь 2011 г.). В настоящей статье анализируются логика и ход второй волны гражданской войны в Ливии, а также исследуется генезис ключевых военно-политических сил в Ливии после 2011 г. Авторы приходят к выводу о том, что в настоящее время в стране сформировалась патовая ситуация. А невозможность военной победы ни одной из сторон ливийского конфликта позволяет надеяться на новое соглашение между всеми его сторонам.

Ключевые слова: Ливия, Каддафи, гражданская война, Джамахирия, политические институты, социально-политическая дестабилизация.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-111-119

Хотя в настоящее время появилось немало работ, которые были посвящены второй волне гражданской войны в Ливии, начавшейся в 2014 г., все же большинство из них носит конъюнктурный характер в том, что касается попыток объяснить причины очередного всплеска нестабильности в стране. Среди наиболее частых причин срыва политического диалога и возобновления боевых действий исследователи отмечают роль внешних акторов в дестабилизации ситуации в Ливии (см., например, [1, 2]). В качестве еще одного фактора активизации боевых действий в 2014 г. часто выделяются харизма и авторитет главнокомандующего Ливийской национальной армией Халифы Хафтара, а также его военные заслуги и способность наладить печать ливийских динаров в восточной части Ливии [3].

В свою очередь, практически отсутствуют работы, посвященные анализу глубинных причин, факторов и акторов второго этапа гражданского конфликта, а также того, как их взаимодействие привело к патовой ситуации в Ливии. Задача данного исследования состоит в том, чтобы восполнить этот пробел и выявить более фундаментальные предпосылки, сделавшие практически неизбежным возобновление конфликта в 2014 г.

и обусловившие установление в Ливии динамического равновесия.

СИМПТОМЫ НАДВИГАЮЩЕЙСЯ КАТАСТРОФЫ

Первая волна гражданской войны в Ливии более или менее завершилась после убийства Муаммара Каддафи 20 октября 2011 г. В 2012 г. наметилась нормализация внутренней ситуации и началось строительство новых государственных структур. В июле 2012 г. ливийцы провели первые парламентские выборы. В августе 2012 г. Национальный переходный совет (сформированный во время ливийской революции 2011 г.) официально передал власть вновь избранному Всеобщему национальному конгрессу (ВНК), которому затем было поручено создать временное правительство. В 2012 г. наблюдался ощутимый экономический подъем после обвала 2011 г. [4]. С целью дальнейшего развития демократического процесса планировалось проведение выборов в Учредительное собрание и принятие новой конституции [5, р. 13].

Однако уже в конце 2011 – начале 2012 г. появились признаки, свидетельствующие о том, что

страна приближается к катастрофе. Революционные ополченцы отказывались разоружаться. По наблюдениям доцента Дохийского института постдипломного образования Ибрагима Фрайхата, фиксировалась прямо противоположная ситуация — количество “революционеров”, вступивших в ряды ополченцев после разгрома Каддафи, намного превышало число тех, кто боролся против режима в течение первых восьми месяцев восстания в Ливии. “Общее число революционеров, воюющих с Каддафи по всей стране, было менее 40 000, — заявлял один из видных лидеров ополчения. — Мы боролись с первого дня революции в Мисурате, и мы знаем, что наша оценка точна. Мы не понимаем, как это число достигло 200 000 человек. Мы не знаем, откуда взялись эти 160 000 человек” [6, р. 27]. При этом из-за нежелания терять полученные после свержения Каддафи привилегии далеко не все были готовы разоружиться [6]. Однако, похоже, что, помимо этого, многие ливийцы решили вооружиться (пользуясь слабостью правительства и обилием неконтролируемого оружия в стране), чтобы получить те же привилегии, которыми пользовались вооруженные революционеры (и, конечно, для того, чтобы защищать себя и свою семью на фоне отсутствия действующих правоохранительных структур)¹.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЛИВИЙСКОЙ ДЖАМАХИРИИ И ПОСТРЕВОЛЮЦИОННАЯ ЛИВИЯ

Во многих отношениях вторая волна гражданской войны в Ливии оказалась прямым продолжением первой волны (февраль—октябрь 2011 г.). Действительно одной из характерных черт первой волны гражданской войны было то, что революционеры, выступавшие против Каддафи, оказались не в состоянии сформировать единую структуру командования. Связано это было в значительной степени с тем, что Ливийская Джамахирия являлась чрезвычайно раздробленным обществом с крайне плохо развитыми связями за пределами городских и сельских общин.

В некоторой степени это было связано с попытками Каддафи применить его “Третью мировую теорию”, описанную в “Зеленой книге” (см., например, [7]). Согласно этой теории, государство провозглашалось неким “абсолютным злом”, хотя к концу правления Каддафи наблюдались некоторая трансформация политической системы и постепенное изменение отношения к “Третьей ми-

ровой теории” [16]. Следовательно, официально в Ливии при Каддафи не было государства, а Джамахирия считалась формой политической организации, которая должна была отличаться от государства (и, конечно, во многом превосходить его). Теория Каддафи категорически отрицала представительную демократию, она рассматривала прямую демократию как единственную действительно легитимную форму правления. В результате в Джамахирии наиболее легитимными политическими структурами были так называемые Народные конгрессы, объединявшие всех взрослых граждан определенной местности, которые должны были периодически встречаться и принимать соответствующие политические решения. Ни один общенациональный институт гражданского общества не имел идеологической санкции “Зеленой книги”. “Партия” считалась таким же враждебным институтом, как и “государство”. Следовательно, при Каддафи официально все партии в Ливии были запрещены.

Несмотря на то что официально в Ливии партийной системы не существовало в принципе еще со времен Идриса I, все же на практике функции вполне реальной правящей партии выполняли так называемые революционные комитеты, которые не имели официального статуса и действовали полусекретно. Например, рядовые ливийцы не должны были знать, кто возглавлял их местный “революционный комитет”. Они представляли собой довольно эффективную национальную политическую структуру (см., например, [17]), но стали одними из первых жертв ливийской революции 2011 г., которая полностью их уничтожила.

На этом фоне неудивительно, что в 2011 г. на территориях, освобожденных от влияния Каддафи, единственными эффективными структурами власти оказались городские и сельские советы, появившиеся на основе Народных конгрессов и Народных комитетов. А после 2011 г., как отмечают некоторые исследователи, муниципальные выборы в городах и селах часто имели больший вес, чем национальные выборы [5, р. 14]. Заметную роль в политической системе Ливии играли и племена, значение которых неуклонно возрастало, как минимум, с 1990-х годов.

Именно поэтому едва ли вызывает удивление тот факт, что в 2011 г. выступавшим против Каддафи революционерам не удалось создать никакого подобия единой административной структуры. Уже в 2011 г. ополченцы из разных городов действовали как самостоятельные, никому реально не подчиняющиеся воинские формирования, и первые боевые действия между различными революционными группировками начались задолго до убийства Каддафи (наиболее известным эпизодом,

¹ При подготовке данной статьи мы опирались на следующие основные материалы: [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14, pp. 203–207, 220–224; 15]. Кроме того, одним из источников для данной статьи послужил личный опыт одного из авторов, который провел два года в Ливии в эпоху Каддафи.

пожалуй, является убийство 28 июля 2011 г. одним из ополченцев генерал-майора Абд аль-Фаттаха Юниса, формально главнокомандующего революционной Армией национального освобождения).

Ополченцы из двух ливийских городов — Мисураты и Зинтана — сыграли важнейшую роль в свержении режима Каддафи. Именно они (а не ополчения Национального переходного совета Бенгази) “освободили” Триполи в августе 2011 г., и их деятельность продолжалась и после свержения Каддафи.

АКТОРЫ ВТОРОЙ ВОЛНЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ

Падение режима Каддафи способствовало появлению на местах новых политических игроков. И ливийские исламисты были среди них едва ли не самыми главными. Отметим, что одна из ливийских радикальных исламистских группировок (сформированная из ветеранов войны против СССР в Афганистане), Ливийская исламская боевая группа, пыталась свергнуть режим Каддафи еще в 1990 г., но тогда потерпела фиаско. Однако после его разгрома ливийские исламисты вновь активизировались, в том числе в лице салафитской партии “аль-Ватан” и Партии справедливости и строительства, тесно связанной с “Братьями-мусульманами” (организация, запрещенная в РФ). В апреле–мае 2013 г. мощным предвестником надвигающейся катастрофы был захват зданий министерства иностранных дел и министерства юстиции в Триполи вооруженными формированиями, которые требовали от Всеобщего национального конгресса принятия закона о политической изоляции.

В сентябре 2013 г. самый сильный удар по ливийской экономике был нанесен захватом “федералистами” из Киренаики нефтеналивных терминалов в Восточной Ливии. Еще одним печально известным событием стало похищение премьер-министра Али Зейдана вооруженными боевиками 10 октября 2013 г.

Во Всеобщем национальном конгрессе исламисты начали доминировать, выдвигая законы, провозглашающие шариат, и создавая специальный комитет для пересмотра всех существующих нормативно-правовых актов, чтобы обеспечить их соответствие исламскому праву. Среди прочего, они приняли новые правила гендерной сегрегации и ввели обязательное ношение хиджаба в ливийских университетах. Такие законы вызвали недовольство значительной части ливийского общества [18].

В январе 2014 г. срок полномочий Всеобщего национального конгресса истек, но вместо объявления новых выборов Конгресс продлил свои полномочия еще на один год. Дестабилизирующую

роль также сыграл упомянутый выше закон о политической изоляции, который препятствовал замещению не только политических, но и академических должностей для лиц, занимавших даже средние по уровню должности во времена правления Каддафи [5, р. 17; 8, р. 5]. В то же время ВНК создал и специальную комиссию для вооруженных сил, которая должна была выявлять и увольнять всех, кто связан с режимом Каддафи. Более того, представители силовых структур все более сталкивались с рисками физической расправы [5, р. 15]. Все это не могло не вызвать среди ливийских профессиональных военных желание дать исламистам отпор. Что в результате и произошло, когда во главе недовольных подобным развитием ситуации военных встал Халифа Хафтар.

ХАЛИФА БЕЛКАСИМ ХАФТАР

Халифа Белкасим Хафтар — профессиональный военный, который в 1969 г. (в возрасте 26 лет) принял участие в перевороте Каддафи и стал частью военно-политической элиты Джамахирии. Во многих отношениях он является довольно типичным представителем поколения арабских светских националистов (“насеристов”) 1960-х годов. Как отмечал научный сотрудник Вашингтонского института ближневосточной политики Барак Барфи, он “нереформированный насерист”, восхищающийся арабскими лидерами, которые продвигают светскую повестку и формируют оплот борьбы с исламистским экстремизмом [9, р. 12]. В 1987 г., будучи одним из руководителей ливийского экспедиционного корпуса в Чаде, он был взят в плен во время военных действий. В Чаде (по-видимому, не без давления со стороны некоторых спецслужб) он присоединился к стремившемуся к свержению Каддафи Ливийскому фронту национального спасения и вскоре возглавил его вооруженное крыло — Ливийскую национальную армию (кстати, не случайно, что Хафтар дал то же самое имя военному формированию, которое он организовал в Ливии после революции 2011 г.).

В 1990 г. в Чаде произошел переворот, новые власти попытались нормализовать отношения с Каддафи и настояли на выводе “Ливийской национальной армии” из страны. Американцы сначала эвакуировали ЛНА в Нигерию, затем в Заир, Кению и, наконец, в США. Именно там Хафтар провел большую часть времени до Ливийской революции 2011 г. [19]. Вскоре после начала революции, 12 марта 2011 г., он вернулся в Ливию и попытался стать главнокомандующим повстанческими силами, но Национальный переходный совет предпочел назначить генерал-майора Абд аль-Фаттаха Юниса (который занимал один из высших постов при Каддафи) в качестве главнокомандующего

“Свободной ливийской армии”. Тем не менее он выступал в качестве военного лидера в нескольких операциях в ходе первой революционной волны (например, в районе Зинтана).

В период между окончанием первой фазы ливийской гражданской войны в октябре 2011 г. и началом ее второй фазы Хафтар занимался мобилизацией сил поддержки своего движения. На протяжении года перед началом своего выступления весной 2014 г. Хафтар выстраивал диалог с влиятельными племенами востока Ливии – убайда, авакир и барагита. Кроме того, он сумел воспользоваться сетью знакомств во вновь сформированной армии и заручиться финансовой поддержкой со стороны ливийских бизнесменов, встревоженных ростом влияния исламистского ополчения. Как следствие, к моменту начала наступления Хафтара в мае 2014 г. в вооруженных силах Ливии уже имелись сообщения о том, что он сформировал силы, сопоставимые с профессиональной армией. Одним из факторов, способствовавших поддержке Хафтара со стороны ливийских военных и сотрудников спецслужб, было превращение их самих в ключевую мишень для джихадистов [5, pp. 14-15].

НАЧАЛО АКТИВНОЙ ФАЗЫ

Начало активной фазы второго этапа гражданской войны в Ливии можно с достаточно высокой точностью датировать 16 мая 2014 г., когда Хафтар объявил о начале операции “Достоинство Ливии” против исламистов, “дестабилизирующих страну” [9, p. 1]. Хафтар был основательно подготовлен к этой ситуации, следствием чего стало немедленное объявление поддержки операции со стороны внушительного числа боеспособных воинских частей. Операция “Достоинство Ливии” стартовала в Бенгази, однако уже к 18 мая достигла Триполи, где поддерживающее Хафтара ополчение из Зинтана сумело захватить здание Всеобщего национального конгресса. ВНК удалось спасти ополченцам из Мисураты, но за атакой зинтанцев последовали серьезные перемены, в результате чего Конгресс объявил о новых парламентских выборах. Выборы в Палату представителей были проведены 25 июня на фоне продолжающихся боевых действий между “Ливийской национальной армией” Хафтара и ополченцами, лояльными ВНК. На этих выборах (для которых была отмечена очень низкая явка – около 18%, связанная в том числе и с тем, что на значительной части территории страны избирательные участки не открылись) исламисты проиграли.

13 июля 2014 г. антихафтаровская коалиция (известная как “исламистско-мисуратский блок”, или «коалиция “Заря Ливии”») начала свое контрнаступление, получившее название «Операция “Заря Ливии”». Его главная цель заключалась в установ-

лении полного контроля над ливийской столицей, что и было достигнуто к 23 августу 2014 г. А недавно избранной Палате представителей (в которой преобладали секулярные прохафтаровские силы) пришлось перебраться в Тобрук на востоке Ливии, недалеко от египетской границы.

С другой стороны, “Заря Ливии” повторно созвала Всеобщий национальный совет (который был юридически распущен после выборов 25 июня). 8 августа 2014 г. те члены ВНК прошлого созыва, которые отказались признать результаты выборов 25 июня (и которые были в основном членами альянса исламистов и мисуратцев), объявили себя Новым Всеобщим национальным конгрессом, который был призван заменить недавно избранную Палату представителей, легитимность которой новый ВНК отрицал. Таким образом было сформировано Правительство национального спасения, а Нури Абу Сахмайн и Омар аль-Хаси получили в нем посты президента и премьер-министра соответственно. Тем временем Палата представителей в Тобруке сформировала собственное правительство, в результате чего Халифа Хафтар стал командующим вооруженными силами, а Ливийская национальная армия получила правовое оформление².

ДВОЕВЛАСТИЕ

Таким образом, после августа 2014 г. в Ливии была установлена своего рода диархия: началась настоящая (хотя и в основном достаточно малоинтенсивная) война между международно признанным правительством в провинциальном Тобруке (в котором доминировали светские лидеры) и международно непризнанным правительством в ливийской столице Триполи (где доминировали исламисты).

С другой стороны, как отмечает Барак Барфи, сведение конфликта к противостоянию исламистов и неисламистов не отражает действительности [9, p. 9]. Согласно наблюдениям Лизы Андерсон, коалиция Хафтара включает в себя военных, служивших во времена Каддафи, сепаратистов Киренаики, боевиков из Зинтана, а также некоторые племена из Феццана [15, pp. 242-243]. Отметим, что в последние годы усилилась и давняя напряженность между соратниками шейха Садека аль-Гериани и мадхалитами³. В результате последние присоединились к операции “Достоинство Ливии” на ливийском востоке и, по некоторым оценкам, могут быть “троянским конем” для влияния Сау-

² Отметим, однако, что отношения между Хафтаром и правительством Тобрука всегда были далеки от идеальных. С самого начала и внутри триполийского, и внутри тобрукского альянса наблюдалось сильное внутреннее соперничество.

³ Одно из направлений салафизма, получившее название по имени саудовского шейха Раби аль-Мадхали.

довской Аравии в Ливии [20, р. 7]. На самом деле, это не удивительно, если вспомнить, что в июле 2013 г. спонсируемая Саудовской Аравией египетская партия салафитов “ан-Нур” поддержала переворот, свергнувший правительство “Братьев-мусульман” в этой стране (см., например, [21, 22]).

С другой стороны, противники Хафтара из “Зари Ливии” представляли собой разрозненное скопление бывших членов Ливийской исламской боевой группы⁴, новых активных берберских националистов, “Братьев-мусульман” и бизнес-элиты Мисураты [15, р. 243]. Таким образом, в эту коалицию вошел ряд исламистских группировок (как умеренных, так и радикальных); при этом наиболее важной партией среди умеренных ливийских исламистов оказались ливийские “Братья-мусульмане” (“Партия справедливости и строительства”⁵). Помимо этого, в коалицию входят берберские националисты (которые вступили в союз с исламистами в основном из-за конфликтов между берберскими городами Нафусских гор и ополчениями Зинтана, объединившись с Хафтаром) и Бригады Мисураты (которые представляют собой наиболее эффективную боевую силу союза и не обязательно являются исламистами, а скорее выступают союзниками ливийских исламистов в тактических целях).

В рамках данной статьи особенно важно отметить, что отношения между умеренными и радикальными исламистами в “Заре Ливии” были очень непростыми с самого начала. Например, по мере того как продвигалась операция “Достоинство Ливии”, в Бенгази произошел раскол между радикальными и умеренными исламистами после того, как группа исламистов из Бенгази, связанная с ливийскими “Братьями-мусульманами”, объявила 16 августа о создании Совета шуры, который был призван служить примирительной инициативой, чтобы “найти решение проблем города”. В ответ Революционный совет шуры Бенгази выступил с декларацией, резко осудившей создание Совета шуры, и обвинил “Братьев-мусульман” в лице Партии справедливости и строительства в попытке “взять под контроль политический ландшафт страны, игнорируя революционеров” [5, р. 28]. Рево-

⁴ Ливийская исламская боевая группа – вооруженная исламистская группировка, которая была сформирована в 1995 г. из ливийских джихадистов, воевавших в Афганистане. Имела связи с “Аль-Каидой” (организация, запрещенная в РФ) и вскоре после терактов 11 сентября была запрещена Советом Безопасности ООН.

⁵ То, что это название столь созвучно названию политической партии египетских “Братьев-мусульман” (Партия свободы и справедливости), но в особенности названию основных умеренных исламистских партий в Марокко и Турции (Партия справедливости и развития) – обе они идеологически очень близки к “Братьям-мусульманам” [23]), конечно же, совсем не случайно. И совсем не случайно, что Турция (под руководством Партии справедливости и развития) поддерживает в Ливии именно исламистско-мисуратскую коалицию.

люционный совет шуры Бенгази также утверждал, что “не будет сражаться во имя демократии или Национального конгресса”, но только “ради Аллаха” [5, р. 29]. Таким образом, ливийские радикальные исламисты фактически обвинили “Братьев-мусульман”, связанных с умеренными исламистами, в борьбе за демократию, а не во имя Бога. И позже отношения между радикальными и умеренными исламистами в лагере “Зари Ливии” очень часто перерастали в ожесточенные столкновения.

Ситуация еще больше осложнялась борьбой внутри обоих лагерей между городскими и племенными ополченцами, которые преследовали свои собственные цели. И без того чрезвычайно сложное положение усугублялось этнической составляющей ливийского конфликта. Племенные отряды туарегов и тубу принимали довольно активное участие в конфликте на юге Ливии. Фактически они поддержали разные стороны в конфликте не столько по идеологическим причинам, сколько для достижения своих собственных целей, связанных с этническими проблемами.

ВНЕШНИЕ СИЛЫ

Внешние силы также оказались важны. Хафтар пользуется серьезной поддержкой со стороны Абд аль-Фаттаха ас-Сиси. На самом деле, ас-Сиси, который жестоко подавлял “Братьев-мусульман” в Египте, служит ролевой моделью для Хафтара в отношении ливийских “Братьев-мусульман” (а также других исламистов) в Ливии [24, 25]. Похоже, что успех ас-Сиси в Египте послужил мощным стимулом для Хафтара предпринять то же самое в Ливии. Но, конечно, поддержка Хафтара Египтом (а также ОАЭ – одним из главных врагов “Братьев-мусульман” в арабском мире) не только моральная. На разных этапах гражданской войны в Ливии помощь Хафтару оказывалась в виде боевой подготовки, поставок боеприпасов, предоставления разведанных, а также поддержки с воздуха. Для ас-Сиси также возможная победа Хафтара важна не только с моральной точки зрения. Хафтар важен для него как оплот борьбы против проникновения радикальных исламистов из Ливии в Египет – стоит помнить, что Ливия и Египет разделяют обширную зону племен конфедерации саада, и успех радикальных исламистов в Восточной Ливии (в настоящее время контролируемой Хафтаром) почти неизбежно приведет к их распространению в соседние районы Египта, что усилит настрой против ас-Сиси [26, 27]. С другой стороны, вполне предсказуемо, что Турция и Катар поддерживают триполитанскую коалицию⁶ (см., например, [28, 29]).

⁶ Это относилось также к Судану при Омаре аль-Башире.

5 октября 2014 г. радикальные исламисты в восточном ливийском портовом городе Дерна присягнули на верность Абу Бакру аль-Багдади и объявили себя частью ИГИЛ⁷. Таким образом, на ливийской сцене появился еще более радикально настроенный исламистский игрок. Примечательно, что в 2016 г. умеренные исламисты Триполитании (действующие при прямой поддержке Соединенных Штатов [30]) сыграли ключевую роль в разгроме ливийской ячейки “Исламского государства” и захвате их фактической столицы в Ливии – Сирта. Их роль здесь была гораздо более заметной, чем роль секуляристов Халифы Хафтара из Киренаики.

РЕКОНФИГУРАЦИЯ СИЛ В ТРИПОЛИ

Вскоре после начала второй волны гражданской войны Миссия Организации Объединенных Наций по поддержке в Ливии начала попытки примирить конфликтующие стороны. В результате этих усилий в марокканском Схирате в декабре 2015 г. было подписано Политическое соглашение, в соответствии с которым было сформировано Правительство национального единства во главе с Фаизом Сарраджем.

Саррадж, с одной стороны, был бывшим членом парламента Тобрука, а с другой стороны, занимал в 2014 г. пост министра жилищно-коммунального хозяйства в кабинете Всеобщего национального конгресса. Таким образом, он считался компромиссной фигурой. Президентский совет должен был принять командование Ливийской национальной армией. Соглашение единогласно одобрил Совет Безопасности ООН, который приветствовал формирование Совета и признал легитимность правительства Фаиза Сарраджа. Депутаты Палаты представителей в Тобруке приняли 26 января 2016 г. решение об утверждении Схиратского соглашения и Президентского совета во главе с Сарраджем. 30 марта 2016 г. Фаиз Саррадж и семь других членов Президентского совета прибыли в Триполи, и на следующий день Правительство национального спасения взяло под свой контроль офис премьер-министра, а премьер-министр Халифа аль-Гувайл, назначенный ВНК, бежал в Мисурату.

В начале апреля 2016 г. правительство Нового Всеобщего национального конгресса передало власть Правительству национального согласия (ПНС), поддерживаемому ООН. В свою очередь Новый Всеобщий национальный конгресс прекратил свое существование.

Однако уже летом 2016 г. Палата представителей Ливии отозвала свое признание ПНС, проголосовав против него. Часть оставшегося Ново-

го Всеобщего национального конгресса также не признала Правительство национального согласия. Таким образом, Схиратское соглашение не привело к окончанию раскола страны. Остались два главных конкурирующих правительства – более исламистское в Триполи и более светское в Тобруке, но в отличие от периода, предшествовавшего его подписанию, именно правительство Триполи, а не власти в Тобруке/аль-Байде стали пользоваться международным признанием.

Дальнейшее развитие событий в 2016 г. во многом определялось борьбой с ИГИЛ, которую вело Правительство национального согласия. Одну из ключевых ролей в борьбе с “Исламским государством” сыграли и Бригады Мисураты, благодаря которым к декабрю 2016 г. удалось полностью освободить столицу ливийского ИГИЛ Сирт от боевиков [31].

В свою очередь, воспользовавшись отвлечением основных сил Правительства национального согласия борьбой с ИГИЛ, Ливийская национальная армия Халифы Хафтара предприняла ряд военных операций по захвату важных объектов нефтяной инфраструктуры страны. В частности, к началу 2017 г. ЛНА установила контроль над нефтеотгрузочными портами Рас-Лануф, ас-Сидр, Марса аль-Брега и Зувейтин. Помимо этого, силам Халифы Хафтара удалось взять под свой полный контроль город Бенгази, который к июлю 2017 г. был полностью освобожден от Бригад обороны Бенгази.

В марте 2017 г. председатель Палаты представителей Ливии Агила Салех выступил с предложением проведения выборов президента, а также в законодательные органы власти в течение года. Следствием этого решения стала приостановка участия Палаты представителей в Схиратских соглашениях. Помимо этого, члены Палаты представителей подтвердили отмену своего прежнего решения от 26 января 2016 г. об утверждении Президентского совета во главе с Фаизом Сарраджем.

После этого мировое сообщество неоднократно предпринимало попытки усадить противоборствующие стороны за стол переговоров с целью выработки альтернативного Схиратским договоренностям решения. Тем не менее мировому сообществу пока так и не удалось добиться серьезного прогресса в урегулировании ливийского конфликта и прийти к прочному компромиссу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, имеются основания утверждать, что корни “второй волны” ливийской революции проследивались еще во время первого этапа гражданской войны 2011 г. Во многом они так или иначе были связаны со специфической формой политического

⁷ Организация, запрещенная в РФ.

устройства в Ливии во времена правления Муамара Каддафи – Джамахирии. Ее характерной чертой стало практически полное отсутствие институтов, которые бы объединяли ливийский центр в Триполи и периферию. Единственным исключением здесь могут считаться “революционные комитеты”, которые представляли собой довольно эффективную национальную политическую структуру.

Однако новым властям, уничтожившим “революционные комитеты” в ходе ливийской революции 2011 г., так и не удалось найти им замены и создать какое-либо подобие единой административной структуры. В результате единственными эффективными структурами власти оказались городские и сельские советы, а после 2011 г., как отмечают некоторые исследователи, муниципальные выборы в городах и селах часто имели больший вес, чем национальные выборы. Таким образом, уже в 2011 г. ополченцы из разных городов действовали как самостоятельные, никому реально не подчиняющиеся воинские формирования, а общеливийские политические структуры, созданные после ликвидации Джамахирии, были обречены на неустойчивость.

В результате за более чем десять лет гражданского конфликта в Ливии сложилась, с одной сто-

роны, ситуация многовластия, а с другой – несмотря на всю запутанность ливийского гражданского конфликта, внутри страны более или менее устойчивая “система сдержек и противовесов, которая не позволяет ни одной из сил занять доминирующие позиции в военно-политической системе Ливии” [32].

Очередная попытка монополизировать политическую власть в Ливии, предпринятая Халифой Хафтаром в 2019–2020 гг., в очередной раз подтвердила патовость ситуации в Ливии. Фиаско, которое потерпела Ливийская национальная армия в ходе попытки захватить Триполи в апреле 2019 г., во многом было обусловлено тем, что Хафтар фактически не был поддержан ни одной военно-политической силой в стране – в первую очередь ввиду того, что это могло бы привести к чрезмерной концентрации власти в одних руках, что противоречило бы интересам остальных игроков [31]. Таким образом, невозможность военной победы ни одной из сторон ливийского конфликта позволяет надеяться на новое соглашение между всеми противоборствующими сторонами.

Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00155).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Видясова М.Ф. Европа и гражданская война в Ливии: куда идет страна 140 племен и “120 воюющих сторон”. *Актуальные проблемы Европы*, 2018, № 4, сс. 184–208. [Vidyasova M.F. Evropa i grazhdanskaya voyna v Livii: kuda idet strana 140 plemen i “120 voyuyushchikh storon” [Europe and the Civil War in Libya: Where the Country of 140 Tribes and “120 Warring Parties” Goes]. *Current Problems of Europe*, 2018, no. 4, pp. 184–208].
2. Долгов Б.В. *Феномен “Арабской весны” 2011–2016 гг.: причины, развитие, перспективы: Тунис, Ливия, Египет, Сирия, Алжир*. Москва, URSS, 2017. 198 с. [Dolgov B.V. *Fenomen “Arabskoi vesny” 2011–2016 gg.: prichiny, razvitie, perspektivy: Tunis, Liviya, Egipt, Siriya, Alzhir* [The Phenomenon of the “Arab Spring” 2011–2016: Causes, Development, Prospects: Tunisia, Libya, Egypt, Syria, Algeria]. Moscow, URSS, 2017. 198 p.]
3. Фролов А.В. Ливия: проблемы и бремя транзита. *Международная жизнь*, 2018, № 11, сс. 115–137. [Frolov A.V. Liviya: problemy i bremya tranzita [Libya: Problems and the Burden of Transit]. *International Affairs*, 2018, no. 11, pp. 115–137.]
4. *African Development Bank. Statistics*. Tunis, 2019. Available at: <https://www.afdb.org/en/knowledge/statistics> (accessed 28.12.2020).
5. Barr N., Gartenstein-Ross D. Dignity and Dawn: Libya’s Escalating Civil War. *The International Centre for Counter-Terrorism – The Hague* 6, 2015, no. 1. DOI: <http://dx.doi.org/10.19165/2015.1.01>
6. Fraihat I. *Unfinished Revolutions. Yemen, Libya, and Tunisia after the Arab Spring*. New Haven, CT, Yale University Press, 2016. 287 p.
7. al-Qadhdhafi M. *Al-Kitab al-Akhdar*. Tarabulus: al-Markaz al-‘Alamiyy I-Dirasat wa-Abhath al-Kitab al-Akhdar, 1998. [The Green Book. Tripoli: al-Markaz al-‘Alamiyy I-Dirasat wa-Abhath al-Kitab al-Akhdar, 1998]. Available at: <https://archive.org/details/political-00057/page/n99/mode/2up> (accessed 09.01.2021).
8. David R., Mzioudet H. *Personnel Change or Personal change? Rethinking Libya’s Political Isolation Law*. Washington, DC, The Brookings Institution, 2014. Available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/Lustration-in-Libya-English.pdf> (accessed 09.01.2021).
9. Barfi B. *Khalifa Haftar: Rebuilding Libya from the Top Down*. Washington, DC, The Washington Institute for Near East Policy, 2014. Available at: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/khalifa-haftar-rebuilding-libya-top-down> (accessed 09.01.2021).
10. Baum M.A., Zhukov Y.M. Filtering Revolution: Reporting Bias in International Newspaper Coverage of the Libyan Civil War. *Journal of Peace Research*, 2015, no. 52 (3), pp. 384–400.
11. Eriksson M. *A Fratricidal Libya and Its Second Civil war*. Stockholm, Swedish Defence Research Agency, 2015. 85 p.

12. Willcoxon G.F. *Peacebuilding, Political Order, and Post-war Risks*. Thesis. Berkeley: University of California, 2015. Available at: <https://escholarship.org/uc/item/14p455v4> (accessed 09.01.2021).
13. Willcoxon G.F. Contention, Violence and Stalemate in Post-war Libya. *Mediterranean Politics*, 2017, no. 22 (1), pp. 91-114.
14. Bandeira L.A.M. *The Second Cold War*. Springer International Publishing, 2017. 492 p.
15. Anderson L. They Defeated Us All: International Interests, Local Politics, and Contested Sovereignty in Libya. *The Middle East Journal*, 2017, no. 71 (2), pp. 229-247.
16. Рясов А.В. *Политическая концепция М. Каддафи в спектре “левых взглядов”*. Москва, Институт Востоковедения РАН, 2018. 328 с. [Ryasov A.V. *Politicheskaya kontseptsiya M. Kaddafi v spektre “levykh vzglyadov”*] [The political concept of M. Gaddafi in the spectrum of “left views”]. Moscow, IOS RAS, 2018. 328 p.]
17. Obeidi A.S. Political Elites in Libya Since 1969. *Libya Since 1969*. Palgrave Macmillan, New York, 2008, pp. 105-126.
18. Salah H. *Op-Ed: The law is failing the women of Libya*. 2014. Available at: <https://www.latimes.com/opinion/op-ed/la-oe-salah-libya-women-under-threat-20140619-story.html> (accessed 25.10.2020).
19. *Khalifa Haftar: The Libyan general with big ambitions*. 2019. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-africa-27492354> (accessed 07.10.2020).
20. Fitzgerald M. *Armed Groups. A Quick Guide to Libya’s Main Players*. Paris, The European Council on Foreign Relations, 2018. Available at: http://www.ecfr.eu/mena/mapping_libya_conflict (accessed 26.02.2020).
21. Коротаев А., Исаев Л. Анатомия египетской контрреволюции. *Мировая экономика и международные отношения*, 2014, № 8, сс. 91-100. [Korotayev A., Isaev L. Anatomiya egipetskoj kontrevolyutsii [Anatomy of the Egyptian Counter-Revolution]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2014, no. 8, pp. 91-100.]
22. Korotayev A.V., Issaev L.M., Shishkina A.R. Egyptian Coup of 2013: an “Econometric” Analysis. *Journal of North African Studies*, 2016, no. 21 (3), pp. 341-356.
23. Васильев А.М., Исаев Л.М., Коротаев А.В., Кожанов Н.А., Мардасов А.Г., Семенов К.В., Хайруллин Т.Р. *Схватка за Ближний Восток. Региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта*. Москва, ЛЕНАНД, 2019. 256 с. [Vasil’ev A.M., Isaev L.M., Korotayev A.V., Kozhanov N.A., Mardasov A.G., Semenov K.V., Khairullin T.R. *Skhvataka za Blizhnii Vostok. Regional’nye aktory v usloviyakh rekonfiguratsii blizhnevostochnogo konflikta*] [The Battle for the Middle East. Regional Actors in the Context of Reconfiguration of the Middle East Conflict]. Moscow: LENAND, 2019. 256 p.]
24. Mahmoud Kh. *Sisi’s ambitions in Lybia*. *Carnegie Endowment for International Peace*. 2018. Available at: <https://carnegieendowment.org/sada/77847> (accessed 15.09.2020).
25. Giampaolo M. *General Haftar and the Risks of Authoritarian “Stability” in Lybia*. IAI, 2020. Available at: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/general-haftar-and-risks-authoritarian-stability-libya> (accessed 25.12.2020).
26. Исаев Л.М., Коротаев А.В. Политическая география современного Египта: опыт количественного анализа. *Азия и Африка сегодня*, 2014, № 9, сс. 5-13. [Isaev L.M., Korotayev A.V. *Politicheskaya geografiya sovremennogo Egipta: opyt kolichestvennogo analiza*] [Political Geography of Modern Egypt: The Experience of Quantitative Analysis]. *Asia and Africa Today*, 2014, no. 9, pp. 5-13.]
27. Коротаев А.В., Исаев Л.М. Политическая география современного Египта. *Полис. Политические исследования*, 2015, № 2, сс. 117-136. [Korotayev A.V., Isaev L.M. *Politicheskaya geografiya sovremennogo Egipta*] [The Political Geography of Modern Egypt]. *Polis. Political Studies*, 2015, no. 2, pp. 117-136.]
28. *European Council on Foreign Relations. A Quick Guide to Libya’s Main Players*. Paris, The European Council on Foreign Relations, 2018. Available at: http://www.ecfr.eu/mena/mapping_libya_conflict (accessed 19.12.2019).
29. Васильев А., Хайруллин Т., Коротаев А. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе. *Азия и Африка сегодня*, 2019, № 10, сс. 2-9. [Vasil’ev A., Khairullin T., Korotayev A. *Novyi al’yans v bor’be za liderstvo v arabskom regione*] [New Alliance for Leadership in the Arab Region]. *Asia and Africa Today*, 2019, no. 10, pp. 2-9.]
30. Tomasevic G., Torbati Ye. *U.S. warplanes launch bombing campaign on Islamic State in Lybia*. 2016. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-libya-security-idUSKCN10C2NF> (accessed 24.12.2020).
31. Захаров А.А., Исаев Л.М. Анархия, нефть и федерация: Ливия после “арабской весны”. *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*, 2019, № 2, сс. 60-82. [Zakharov A.A., Isaev L.M. *Anarkhiya, neft’ i federatsiya: Liviya posle “arabskoj vesny”*] [Anarchy, Oil, and the Federation: Libya after the Arab Spring]. *An Untouchable Reserve: Politics and Culture Debate*, 2019, no. 2, pp. 60-82.]
32. Issaev L.M., Zakharov A.A. Decentralization in Libya after the Arab Spring. *Middle East Policy*, 2020, no. 1, pp. 50-64.

SECOND WAVE OF THE LIBYAN CIVIL WAR: FACTORS AND ACTORS*(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 3, pp. 111-119)**Received 10.07.2020.**Andrey V. KOROTAYEV (akorotayev@gmail.com),**National Research University Higher School of Economics (HSE), Myasnitskaya Str., 20, Moscow, 101000, Russian Federation;**Institute for African Studies, RAS, Spiridonovka Str., 30/1, 123001, Moscow, Russian Federation.**Leonid M. ISAEV (isleonid@yandex.ru),**National Research University Higher School of Economics (HSE), Myasnitskaya Str., 20, Moscow, 101000, Russian Federation;**Institute for African Studies, RAS, Spiridonovka Str., 30/1, 123001, Moscow, Russian Federation.**Alisa R. SHISHKINA (alisa.shishkina@gmail.com),**National Research University Higher School of Economics (HSE), Myasnitskaya Str., 20, Moscow, 101000, Russian Federation;**Institute for African Studies, RAS, Spiridonovka Str., 30/1, 123001, Moscow, Russian Federation.*

Acknowledgements. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2021 with support by the Russian Science Foundation (Project Number 19-18-00155).

The first wave of the civil war in Libya, which ended after the assassination of Muammar Qaddafi in the fall of 2011, did not put an end to the civil conflict in the country. It is shown that in many respects the second wave of the civil war in Libya (the beginning of the active phase of which can be dated May 16, 2014) was a direct continuation of the first wave (February–October 2011). By 2014, it became clear that the Libyan crisis could not be resolved solely through a change in political regime. The revolutionary processes in the case of Libya proved to be fatal for the entire political system, marking the almost complete dismantling of state institutions. Thus, the overthrow of the dictator in Libya did not ultimately solve anything, and the military-political forces that fought in the first wave of civil conflict against Muammar Qaddafi launched an open full-scale armed struggle with each other in May 2014, marking the beginning of the second wave of civil war. This article analyzes the logic and course of the second wave of the civil war in Libya, as well as explores the genesis of key military and political forces in Libya after 2011. The authors conclude that at present time a stalemate has developed in the country. And the impossibility of a military victory for either side of the Libyan conflict allows us to hope for a new agreement between all its parties.

Keywords: Libya, Qaddafi, civil war, Jamahiriya, political institutions, socio-political destabilization.

About authors:

Andrey V. KOROTAYEV, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization of the National Research University Higher School of Economics, Leading Researcher, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, RAS.

Leonid M. ISAEV, PhD, Deputy Head of the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization of the National Research University Higher School of Economics, Researcher, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, RAS.

Alisa R. SHISHKINA, PhD, Senior Researcher of the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization of the National Research University Higher School of Economics, Junior Researcher, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, RAS.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-111-119

ПРАВОПОПУЛИСТСКИЕ ГРАЖДАНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ: ЗАПАДНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ СИТУАЦИЯ

© 2021 г. А. Митрофанова, О. Михайленок

*МИТРОФАНОВА Анастасия Владимировна, доктор политических наук,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, РФ, 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
(anastasia-mit@yandex.ru).*

*МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович, доктор политических наук, профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, РФ, 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
(m-oleg-m@yandex.ru).*

Статья поступила в редакцию 14.05.2020.

Статья посвящена выявлению общих характеристик правопопулистских гражданских движений Западной Европы и США и оценке возможности применить полученные выводы к руссконационалистическим (праворадикальным) организациям в России. Авторами выделены общие взаимосвязанные характеристики названных движений: 1) ориентация на решение местных, как правило, социальных проблем; 2) сетевое устройство – независимость низовых ячеек и выстраивание повестки дня снизу вверх; 3) идеологическая амбивалентность вплоть до замены идеологии субкультурой; 4) цифровизация деятельности. Хотя в России отсутствуют гражданские движения, структурно или функционально идентичные западным правым популистам, авторы демонстрируют, что часть радикальных русских националистов постепенно отказывается от самостоятельного формирования повестки дня, следуя за локальными протестными настроениями. Превращение праворадикальных организаций в локальные институты гражданского общества теоретически могло бы обеспечить им успех на местных выборах, подобный “электоральному прорыву” западных правых популистов.

Ключевые слова: правый популизм, гражданские движения, русский национализм, правые движения, деидеологизация, сетевые движения, цифровизация.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-120-129

ВВЕДЕНИЕ

Приблизительно с начала 2000-х годов внимание исследователей из разных стран привлекают так называемые правопопулистские движения и партии в Западной Европе и США, которые, как отмечают Р. Водак и М. Хосраваник, “не распространяют последовательную идеологию, а скорее предлагают разнокалиберный набор верований, стереотипов, установок и соответствующих программ, направленных на то, чтобы привлечь и мобилизовать ряд противоречащих друг другу сегментов электората” [1, р. xvii]. Некоторые исследователи скептически относятся к термину “популизм” или отличают “новый” популизм от “старого” [2 и др.]. С.В. Погорельская указывает, что “правых популистов” невозможно отделить от “правых радикалов” [3, с. 14]; соответственно, те же партии и движения известны как “новые крайне правые”, “популистские правые радикалы”, а также “новые националисты”, вплоть до определения правого популизма через национализм [4, 5, 6, 7].

Появление популизма политические теоретики объясняют растущим недоверием граждан к институтам представительной демократии. Многие исследователи видят общий существенный при-

знак популистов в противопоставлении “народа” и “элиты” [8, pp. 151–152; 9 и др.]: “забытых людей”, “жертв глобализации” – транснациональным корпорациям, местных активистов – космополитической государственной бюрократии. За последние пять лет именно правые популисты, используя идею социальной справедливости, добились электоральных успехов в разных странах Европы, а также в США, если рассматривать победу Дональда Трампа как успех популизма.

Изучение правых популистов в основном предполагает исследование партий. Но рядом с партиями как их генетическая основа или резервуар поддержки существуют другие акторы, степень политического влияния которых несоизмерима с партийной. Их называют гражданскими инициативами особого типа [10] или новыми формами гражданской организации [11, с. 8].

Авторы предлагают обозначить этих акторов как правопопулистские гражданские движения. Их функции в политической системе аналогичны тому, что Элиас Канетти называет “массовым кристаллом” – небольшой устойчивой группой людей, выполняющих задачи по возбуждению массы [12, сс. 84–86], с поправкой на возможности цифровых средств коммуникации. Относительно

стабильные “сетевые узлы” (ноды) обеспечивают и координируют длительную целенаправленную политическую активность слабо организованных масс вплоть до “электорального прорыва” [5, с. 95]. Невозможно точно установить, что является первичным — стабильный узел-организация или спонтанное движение; вероятнее всего, они находятся в динамическом взаимодействии и способны усиливать друг друга.

Научная литература, посвященная правопопулистским гражданским движениям, носит в основном характер исследования отдельных кейсов, в чем достигнуты впечатляющие результаты, в том числе исследователями, задающимися вопросом о применимости западного опыта к условиям постсоциализма [13] и проводящими параллели между западной и российской ситуациями [14, 15]. Кейсы несут характерные признаки своих культур, затрудняющие их сравнение “на сущностном уровне” [3, с. 12]. Тем не менее у всех разновидностей правого популизма есть нечто общее, позволяющее говорить о глобальной тенденции. Появляются сравнительные и обобщающие исследования правопопулистских гражданских движений (см., например, [6, 16, 17]). Сами движения создают транснациональные сети, в которых участвуют и российские правые (националистические) организации как через установление связей с себе подобными в других странах, так и через процесс эмуляции (например, создание по модели движения ПЕГИДА в Германии — движения *PEGIDA UK* в Великобритании, Норвежской лиги обороны — по модели Английской лиги обороны и т. п.).

Цель статьи заключается в выявлении общих характеристик правопопулистских гражданских движений Западной Европы и США с последующей оценкой возможности применить полученные выводы к русско-националистическим (праворадикальным) организациям в России. Авторы не ставят задачу отслеживать состояние конкретных движений, так как после официального исчезновения одной группы ее база поддержки обычно переходит к другим, а общее количество сторонников остается достаточным для обеспечения коллективной политической активности.

Методология исследования предусматривает сравнение ряда типичных — несущих все определяющие характеристики данной категории — правопопулистских гражданских движений Западной Европы и США по определенным основаниям, а также собственные полевые исследования авторов.

Движения, выбранные для сравнения, отражают весь спектр акторов: от активных участников электорального процесса (фактически партий) до слабо организованных и идеологически разнород-

ных протестных масс. Исследование покрывает как завершённые — насколько можно судить в настоящий момент, поскольку гражданские движения отличаются способностью к регенерации, — так и продолжающиеся кейсы. Речь идет о движениях ПЕГИДА (*Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes*), ЛЕГИДА и подобных им (Германия), Английской лиге обороны (*English Defence League, EDL*), Движении Чаепития (США). В научной литературе эти акторы характеризуются как подобные друг другу. Исключение представляет Движение Пяти звезд (Италия), которое не имеет выраженных субкультурных признаков “правизны”, но проявляет многие общие с правыми популистами свойства, на которые мы и будем ориентироваться. Не все выделенные авторами признаки присутствуют у различных движений в равной степени, и каждый признак проявляется у конкретного движения в собственной, культурно обусловленной манере.

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРАВОПОПУЛИСТСКИХ ГРАЖДАНСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Авторы выделяют следующие переплетенные между собой характеристики правопопулистских гражданских движений.

Локальный характер повестки дня. Правопопулистские движения ориентированы на решение локальных проблем — как правило, социальных. Львиная доля их активности не относится к электоральному процессу и даже не носит видимого политического характера. Например, движение ПЕГИДА приглашало сторонников не на демонстрации, а на “вечерние прогулки”, *EDL* распродарила списки магазинов и ресторанов, продающих халяльное мясо без специальной маркировки [4, р. 60; 6, р. 25]. Локальный характер деятельности каждой ячейки, как правило, делает ее способной сотрудничать с местными властями, к чему не стремились идеологизированные ультраправые группировки. Правопопулистские гражданские движения создают себе респектабельный имидж, отказываясь от всего, что напоминает о неонацизме, расизме и т. д., в том числе от внешних субкультурных признаков. Например, *EDL*, избегая традиционного языка ультраправого дискурса, отрицала склонность к насилию и расизм, настаивая на “правозащитном” характере своей деятельности [18, pp. 68–69].

Правопопулистские движения могут сами изучать локальные проблемы, вычленив то, что вписывается в их повестку (например, *EDL* связывала продажу халяльного мяса с “исламизацией Британии”). В других случаях они следуют за актуальной

местной повесткой дня, иногда заимствуя ее у других, например экологических, гражданских инициатив [19, р. 4]. Движение Пяти звезд участвовало в местных протестах экологов против строительства линии скоростных поездов между Италией и Францией. Группы Движения Чаепития в США в некоторых штатах также объединялись с местными экоактивистами для противостояния строительству нефтепровода Альберта – Мексиканский залив [20, р. 157].

Механизм рекрутирования правопопулистских гражданских движений также локален – в ячейку приходят “местные”. Мотивирующим фактором являются не столько идеология (см. ниже), сколько преимущества от участия в группе, в том числе ее способность обеспечивать как эмоциональное удовлетворение, так и вполне материальную взаимопомощь участников [21, pp. 199-201; 22, pp. 51-52; 23]. Интерес к идеологии возникает после того, как потенциальные сторонники осознают наличие преимуществ от участия в ячейке.

Подобный механизм, полагают авторы, позволяет правопопулистским гражданским движениям привлекать участников спонтанных протестов и обеспечивать поддержку на локальном уровне. Если существует локальная проблема и появляется группа, готовая ею заниматься (хотя бы на уровне подачи петиции), это само по себе обеспечивает местной ячейке движения определенный ресурс. Некоторые исследователи обращают внимание на аналогию между правопопулистскими гражданскими движениями и “однопроблемными” партиями и группировками [24, с. 104]. Это не отрицают и сами участники движений: например, активисты *EDL* определяют себя как группу одной проблемы – “воинствующего ислама” [18, р. 69]. Однопроблемная группа, особенно с сильной локальной привязкой, представляет из себя “зонтик”, под которым собираются протестующие всех идеологических ориентаций, к чему и стремятся правопопулистские движения.

Сетевая структура. Автономность местных ячеек и выстраивание повестки дня снизу вверх отражают сетевое устройство правопопулистских гражданских движений [25, р. 280; 26, р. 199]. Сетевой характер не всегда означает отсутствие запоминающихся харизматических лидеров [27], но в целом гражданские движения отказались от присущего ультраправым авторитарного подхода к руководству. Даже движения, достаточно централизованные для успешного участия в выборах и функционально являющиеся партиями – например, Движение Пяти звезд – провозглашают себя “антипартийными” [28, р. 67; 29, 30].

В сетевой организации нет ничего нового для правых радикалов: еще в начале 1980-х годов, что-

бы уйти от полицейского надзора, один из тогдашних руководителей Ку-Клукс-Клана Луис Бим предложил ультраправым группировкам перейти к системе независимых индивидов и групп (фантомных ячеек), каждый сегмент которой берет на себя полную ответственность относительно целей и методов борьбы. Безлидерское сетевое движение устроено по принципу Фидо, где сеть формируется самими узлами – нодами и хабами (нод – небольшой хаб). Такой способ позволяет сохранять локальную ориентацию правопопулистских гражданских движений. Активисты считают основным преимуществом подобной сети отсутствие иерархии командования и контроля, благодаря чему ни один узел не является незаменимым, а сеть не поддается разрушению [6, pp. 22-23]. Узлы могут зависеть от единой платформы, что придает сети сходство с Интернетом, или быть совершенно автономными. Во втором случае участие в электронном процессе на правах партии будет невозможно.

Взрывной рост Движения Чаепития, отмечают исследователи, был обусловлен независимостью низовых объединений друг от друга и от центра [20, р. 151]. Л. Диш пишет, что эти ячейки “настолько организационно децентрализованы, не имея ни единой официальной национальной организации, ни единого политического представителя или спикера, что в каком-то смысле неверно говорить о едином Движении Чаепития” [31, р. 127]. То же самое, с поправкой на культурные особенности, можно сказать и о других праворадикальных гражданских движениях. В Германии они изначально обращались к жителям конкретных городов или регионов: ПЕГИДА зародилась в Дрездене, в Лейпциге было уже собственное движение ЛЕГИДА, в Кельне – движение “За Кельн” [32, 10] и т. д. В то же время исследователи отмечают, что единство движений обеспечивается на цифровых площадках эффектом “эхо-камеры” (например: [20, pp. 144, 152]), когда участники обсуждения взаимно усиливают убежденность друг друга. Подобный эффект отмечен и в офлайн-среде, например на демонстрациях [8, р. 19; 25, р. 199].

Правопопулистские гражданские движения с той или иной степенью радикальности выступают за усиление элементов прямой (партисипаторной) демократии [33, р. 63; 8, pp. 138-141]. Наиболее радикальные формы можно увидеть в США, где Движение Чаепития на уровне местных ячеек частично пересекается с так называемыми суверенными гражданами, которые не подчиняются американским законам и отказываются платить налоги (налоговую тему поднимают и гражданские движения Европы), а иногда доходят до вооруженных столкновений с государством.

Идеологическая и социальная амбивалентность. Правопопулистские гражданские движения определяют себя как “ни правых, ни левых” [33, р. 67; 10] – “правыми” их называют внешние наблюдатели (в случае Движения Пяти Звезд исследователи, как правило, признают идеологическую амбивалентность). Понимание, что у потенциальных сторонников востребована не идеология, а решение локальных социальных проблем, приводит некоторые движения к формированию повестки дня на основе того, что они считают народными чаяниями: иммиграция, рост преступности, экологические проблемы или безработица. Деятельность движения сводится к решению прикладных задач, которые формулируются исходя из местной ситуации.

Правую ориентацию движений выдает их привязанность к локальным проблемам, поскольку левая повестка дня ассоциируется с универсализмом. О “правизне” свидетельствует и тоска по прошлому, призыв “вернуть себе страну”. В то же время правопопулистские движения все время ускользают от идеологической классификации: когда их уличают в авторитаризме, они исповедуют безлидерство; когда их обвиняют в обскурантизме – становятся на сторону сексуальных меньшинств.

Сначала исследователи предполагали, что сторонниками правопопулистских гражданских движений становятся представители тех же социальных слоев (небогатых, малообразованных и т. д.), которые образуют базу ультраправых группировок, однако детальные исследования этого не подтвердили [8, р. 74, 57]. Правопопулистские гражданские движения пытаются собрать под свои знамена буквально всех. Их формат ориентирован не на социальные группы, а на личный выбор человека. У Движения Пяти звезд исследователи даже отметили “двойную идентичность”: в местной политике его гражданские инициативы отвечают на потребности обеспеченных слоев населения, а в национальной – на запросы экономически слабых слоев и регионов [33, р. 246].

Даже такие движения, как *EDL*, с откровенно правой риторикой и стилем, подчеркивают терпимость к разным расам, этническим группам и религиям: движение оказалось способно привлечь сикхов, евреев, чернокожих и даже мусульман, расширив тем самым базу поддержки. Движение Чаепития, заклеенное левыми критиками как “типично” расистское, также стремилось извлечь свою повестку от традиционных консервативных тем (абортов, иммиграции), заявляя о своем “феминизме” и приглашая на митинги представителей цветного населения [20, р. 148]. Повестка дня Движения Чаепития, конечно, содержит видимые эле-

менты идеологии свободного рынка, но и здесь не все просто: исследователи отмечают риторику, направленную против корпораций, и даже поддержку государственных социальных программ и всего прочего, что в США считается наследием Нового курса Рузвельта [31, р. 129; 20, pp. 147-149].

В условиях идеологической амбивалентности в качестве отличительных используются субкультурные признаки: особенности одежды, поведения, музыкальные стили, татуировки и т. д.; для привлечения сторонников правопопулистские гражданские движения используют разного рода “креативные” приемы – переодевания, игры и т. д. [21, pp. 186-192]. Это касается как публичных мероприятий, так и повседневной активности. Например, демонстрации ПЕГИДА часто заканчивались тем, что участники включали фонарики или телефоны и направляли лучи вверх, чтобы “просветить” своих оппонентов [8, р. 19]. Для демонстраций *EDL* характерно было использование масок свиней, шапок со свиными ушами, карикатурных костюмов мусульман. Один из основателей движения взял псевдоним по имени известного лидера футбольных фанатов, то есть “Томми Робинсон из Лутона” сам по себе являлся игровым персонажем [22, р. 378]. Движение Чаепития началось в феврале 2009 г. с театрализованной акции блогера Кели Карпендер, которую противники называли “консерватором с пирсингом в носу” [34, р. 16]; в знак протеста против одного из законопроектов она раздавала в торговом центре сэндвичи со свиной начинкой (акция была построена на игре слов). Движения используют специфический сетевой юмор (демотиваторы, фотожабы и т. д.), который переносится в реальную жизнь (например, демонстранты ПЕГИДА и ЛЕГИДА в Германии носили транспарант с фотографией Ангелы Меркель в “прифотошопленном” хиджабе).

Цифровая форма. Использование Интернета, в том числе социальных сетей и мессенджеров, отражает присущее протестным движениям стремление стать независимыми от посредничества традиционных СМИ. Левые и правые радикалы прошлых десятилетий использовали листовки и радиопередатчики для распространения своих взглядов и передачи информации. Сетевые движения появились не в результате цифровизации, но распространение персональных компьютеров создало для них идеальную среду. Еще до Интернета ультраправые безлидерские движения начали использовать новейшие для того времени средства координации в виде электронных досок объявлений.

Цифровизация не является необходимой для правопопулистских гражданских движений, но облегчает им привлечение сторонников и работу

с участниками. Обычно эти движения начинаются с интернет-активности и продолжаются в той же форме (ПЕГИДА начиналась с группы в Фейсбуке, Движение Пяти звезд – с личного блога Беппе Грилло, затем продолжившись на платформе *Meetup.com* и т.д.). Их офлайн-часть представляет собой вершину айсберга совокупной активности. *EDL* даже гордилась невидимыми “диванными войсками” [24, р. 285]. Исследователи выявляют у правопопулистских движений высокую корреляцию между цифровой и реальной активностью [35, р. 246]. Большинство движений не только используют социальные сети и мессенджеры для связи и координации спонтанной активности, но и стараются, чтобы каждая реальная акция воспроизводилась в Интернете как видео или фотоальбом [4, р. 23]. Виртуальный активизм необходим для того, чтобы участники даже на расстоянии постоянно ощущали принадлежность к движению. Интернет способствует распространению новых удачных практик, используется как платформа для фандрайзинга и продажи товаров с символикой (это важно для поддержания субкультуры и приносит прибыль).

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАДИКАЛЬНОМ РУССКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ

В настоящий момент в России отсутствуют гражданские движения, структурно или функционально идентичные западным правым популистам. В то же время российская радикально-националистическая среда¹ эквивалентна крайне правым Западной Европы и США, в то время как самообозначение неолибералов в качестве “правых” потеряло актуальность – с этим согласны как носители идеологии, так и исследователи (об эволюции представлений о “правых” и “левых” в российской политике см., например, [15, pp. 14–18]). Постоянное взаимодействие российских радикальных националистов с европейскими и американскими правыми движениями, предполагавшее обмен как идеями, так и практиками, началось сразу после распада СССР, что привело к формированию (в начале 2000-х годов) праворадикальных движений нового типа в России – менее идеологизированных и стремившихся объединять разные социальные силы под лозунгом решения одной проблемы. К таковым относится Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ, создано в 2002 г., запрещено как экстремистское

¹ Под радикальными русскими националистами авторы имеют в виду партии, движения и отдельных авторов, для которых политическое самоопределение русских как этнической группы является центральным элементом идеологии и политической программы [36, р. 6].

в 2011-м), а также движение национал-демократов (нацдемов), выступавших за гражданские свободы и поддержку мелкого и среднего бизнеса. Из среды нацдемов вышел Алексей Навальный – один из организаторов Национального русского освободительного движения в 2007 г. и член оргкомитета Русского марша с 2011 г.

Как подчеркивалось ранее, правопопулистские гражданские движения на Западе возникли на основе правого радикализма, с которым так и не смогли организационно размежеваться. В России примерно в начале 2000-х годов также началась трансформация праворадикальных движений в сторону деидеологизации и обращения к местной неполитической проблематике. На основе эмпирических исследований, проводившихся А.В. Митрофановой совместно с А.Г. Кузьминым в 2012–2015 гг., авторы могут привести конкретный пример близкой ДПНИ и нацдемам русской националистической организации “Рубеж Севера” из Республики Коми, которая во многих аспектах подходила под характеристики правопопулистских гражданских инициатив (пренебрежение идеологией, ориентация на локальные социальные проблемы, элементы сетевизации и цифровизации деятельности).

За исключением “национализма коренного населения”, призванного объединить русских и этнических коми, у “Рубежа” не было четкой идеологии. В материалах организации можно было найти элементы монархизма, белого расизма, социализма и либерализма [36]. Вместо идеологии развивалась субкультурная сторона, позволившая представить участие в движении как образ жизни, прежде всего для молодежи. Акции носили игровой, театрализованный характер.

“Рубеж” сконцентрировался на локальных проблемах, которые часто не носили политического характера, например, участники движения проводили в магазинах проверки с целью установить, не продают ли там алкоголь несовершеннолетним. Но организация поднимала и политические проблемы иммиграции и исламизации – тематика “западная” и до середины 2000-х годов мало характерная для русского национализма. В ноябре 2009 г. “Рубеж” провел успешную кампанию против строительства исламского центра, получив серьезную поддержку населения, поскольку выделенная площадка изначально предназначалась для поликлиники.

“Рубеж” можно рассматривать как крупный хаб в сети, связывающей русские националистические организации. В деятельности организации присутствовали популистские обертоны: призывы к “народным сходам” как методу решения всех локальных вопросов, а также антиналоговая риторика, но

эти тенденции не получили связного оформления. Для своего времени (то есть периода до 2014 г.) “Рубеж Севера” отличался высоким уровнем цифровизации. К 2014 г. организация превратилась в институт гражданского общества, который реагировал на все местные проблемы [36]. На этом этапе движение могло бы принять участие в местных выборах, так как определенная поддержка граждан была практически гарантирована. Электоральный прорыв, однако, не состоялся, так как в 2015 г. лидер “Рубежа” А. Колегов и другие активисты были осуждены за так называемую “охоту на педофилов” в Интернете, а организацию в ноябре 2016 г. официально ликвидировали.

Возможно, “Рубеж Севера” представлял собой уникальный для России кейс. Тем не менее начиная со второй половины 2000-х годов социальная проблематика и гражданская ответственность, вплоть до благотворительности и сдачи крови, становятся важными темами для русских националистов в целом. Особенно большое внимание уделяется спорту. Поскольку идеология и политические мероприятия националистов (митинги, демонстрации, пикеты) не пользовались популярностью, некоторые из них отказались от самостоятельного формирования повестки дня и следуют за локальными протестными настроениями. Если ранее националистические организации включались в спонтанные выступления, хоть сколько-нибудь относящиеся к идеологии (конфликты “местных” и “приезжих”), в настоящее время они проявляют интерес к внеидеологическим гражданским движениям, например к лагерю протестующих против мусорного полигона возле станции Шиес Архангельской области. Елена Рохлина, одна из лидеров русского национализма, руководитель группы “Поддержка русских политзаключенных”, входящей в Постоянно действующее совещание Национально-патриотических сил России, летом 2019 г. посетила этот лагерь. В ее выступлениях заметно стремление, с одной стороны, политизировать экологический протест, представив его как образец прямой демократии, с другой – включить локальные социальные темы в собственную повестку дня: “Шиес – это место сакральное, и каждый оппозиционер обязан там побывать... Там действительно царит народовластие, и достаточно пяти минут на сходе для того, чтобы решить такой вопрос – кто за что отвечает. Никаких там паразитических прокладок, вот как нашей системе не нужно... Сейчас всем оппозиционерам – красным, белым, каким угодно, или активистам гражданским, им нужно поддерживать вот такие виды протеста, которые народ сам родил на местах...” [37].

Заметной деидеологизации русских националистов не наблюдается, но приблизительно с на-

чала 2018 г. часть из них сближается с левыми организациями, заставляя вспомнить о “красно-коричневых” 1990-х годов [38]. Однако, по мнению авторов, современные союзы такого рода отличаются, по крайней мере, два аспекта. Во-первых, они формируются с полным осознанием как идейных различий, так и необходимости – ввиду слабости обеих сторон – совместных действий, в то время как конгломераты прошлого появились потому, что “протестное поле”, образовавшееся после распада СССР, долго не могло идеологически размежеваться. Во-вторых, правые и левые объединяются вокруг социальных вопросов, таких как экология, не делая серьезных попыток выработать единую идеологию. Националисты также расширяют социальную базу за счет широкого толкования понятия “русский”, что отразилось в словах Е. Рохлиной: “Я вообще призывала, чтобы коренные народы взяли и пришли (на Русский марш)... Если бы пришли ряд дагестанцев, ряд ингушей, ряд бурятов, ряд башкиров – это было бы здорово!” [39].

Названные тенденции просматривались на Русском марше 2019 г. в Москве (на Октябрьском поле), собравшем в два раза больше участников, чем годом ранее, – видимо, за счет левых организаций (Сталинский полк, КПРФ, национал-большевики и др.), а также неполитических гражданских инициатив (Движение обманутых дольщиков, Объединение перевозчиков России, протестующие со станции Шиес, активисты борьбы против строительства Юго-Восточной хорды в Москве и др.). Один из организаторов марша, Кирилл Мямлин, заявил: “Мы не красные и не белые, мы не левые и не правые, мы русские” [40]. На марше выявились и проблемы, которые могут дать о себе знать в будущем: во-первых, не все правые организации готовы тактически объединиться с левыми; во-вторых, гражданские протестные движения выглядят заинтересованными исключительно в решении собственных задач, оставаясь безразличными к повестке националистов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторы хотели бы предостеречь самих себя от неоправданных обобщений и складывания всех правых движений в одну корзину. Тем не менее такие разные политические акторы, как “партия тори” и какая-нибудь Британская национальная партия, объединены фактом принадлежности к партиям не только друг с другом, но и с ХДС/ХСС, Альтернативой для Германии и т.д. Авторы считают возможным выявление родовых черт и у правопопулистских гражданских движений. На материале Западной Европы и США в качестве таковых выделены локальная ориентация, сетевой характер,

идеологическая и социальная амбивалентность, а также приспособленность к работе в цифровой среде. Применимость выявленных характеристик к России, конечно, ограничена. Для формирования более полной картины необходимо больше эмпирических исследований, в том числе в странах Восточной Европы и постсоветского пространства. Авторы предполагают, что праворадикальные движения в этой части мира не проявляют аналогичных западным тенденций к деидеологизации. Возможно, это объясняется их стремлением возвести свою генеалогию к правым организациям досоциалистического прошлого, которые были крайне идеологизированными, прежде всего антикоммунистическим. Националистам сложно осознать, что гражданский протест – ресурс, которым могут пользоваться разные политические силы. Тем не менее в России ряд правых, радикально-националистических движений демонстрирует способность следовать образцам западного правого популизма, ориентируясь не на идеологию, а на решение локальных социальных проблем. Такие движения потенциально способны привлечь широкую поддержку общества.

До начала 2000-х годов националистические организации в России были увлечены созданием партий, но их проекты терпели неудачу. Часть националистов – ДПНИ и нацдемы – начали эволюционировать в ту же сторону, что и праворадикальные движения на Западе. Пока неясно, была ли эта

эволюция результатом внутренних процессов или сознательного копирования зарубежных образцов. Но если в Западной Европе и США часть правых радикалов смогла трансформироваться в популистские гражданские движения и осуществить электоральный прорыв, то в России аналогичный процесс пока не завершен. Движениям, которые могли бы стать российскими правыми популистами, не удалось создать устойчивые структуры, и они большей частью растворились в неорганизованной протестной массе.

Тем не менее в России формируется новый тип внепарламентских русских националистов, которые пытаются привлечь сторонников, занимаясь социально полезной деятельностью на микрополитическом уровне. На следующем этапе они могли бы повторить успех западных правопопулистских гражданских движений и создать партийные по функции структуры для участия в местных выборах. Чтобы сделать более определенные прогнозы, данная тема требует дальнейших исследований, как обобщающих опыт конкретных движений, так и применяющих общие модели к эмпирической реальности. Лучшему пониманию параллелей между Россией и Западом способствовала бы и выработка единой терминологии для описания феноменов национализма, правого популизма и радикализма. Данной публикацией авторы хотели бы положить начало научной дискуссии на эту тему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Wodak R., Khosravinik M. Dynamics of Discourse and Politics in Right-wing Populism in Europe and Beyond: an Introduction. *Right-Wing Populism in Europe: Politics and Discourse*. Wodak R., Khosravinik M., Mral B., eds. London, Bloomsbury Press, 2013, pp. XVII-XXVIII.
2. Функе Х., Ренсманн Л. Новый правый популизм в Европе: сравнительный анализ политических партий и движений. *Актуальные проблемы Европы*, 2004, № 2, сс. 75-76. [Funke H., Rensmann L. Novyi pravyy populizm v Evrope: sravnitel'nyi analiz politicheskikh partii i dvizhenii [New Right-wing Populism in Europe: Comparative Analysis of Political Parties and Movements]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 2004, no. 2, pp. 75-76.]
3. Погорельская С.В. Методологические проблемы исследования правого радикализма. Введение. *Правый радикализм в современной Европе*. Ред.-сост. Погорельская С.В. Москва, ИНИОН РАН, 2004, сс. 6-15. [Pogorel'skaya S.V. Metodologicheskie problemy issledovaniya pravogo radikalizma. Vvedenie [Methodological Issues of Studying Right-wing Radicalism. An Introduction]. *Pravyy radikalizm v sovremennoi Evrope* [Right-wing radicalism in modern Europe]. Pogorel'skaya S.V., ed. Moscow, INION RAS, 2004, pp. 6-15.]
4. Jackson P. The Rise of the English Defence League as a Social Movement. *The EDL: Britain's "New Far Right" Social Movement*. Jackson P., ed. Northampton, RNM Publications, 2011, pp. 14-31.
5. Мудде К. Популистские праворадикальные партии в современной Европе. *Берегиня 777. Сова: Общество. Политика*, 2014, № 4, сс. 91-100. [Mudde K. Populistskie pravoradikal'nye partii v sovremennoi Evrope [Populist Right-wing Radical Parties in Contemporary Europe]. *Bereginya 777. Sovo: Obshchestvo. Politika*, 2014, no. 4, pp. 91-100.]
6. Meleagrou-Hitchens A., Brun H. *A Neo-Nationalist Network: The English Defence League and Europe's Counter-Jihad Movement*. London, The International Centre for the Study of Radicalism and Political Violence, 2013. 68 p.
7. Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала. *Вестник Пермского университета. Политология*, 2018, № 3, сс. 19-33. [Oskolkov P.V., Tevdoi-Bourmuli A.I. Evropeiskii pravyy populizm i natsionalizm: k voprosu o sootnoshenii funktsionala [European Right-wing Populism and Nationalism: the Issue of Functional Correlation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 2018, no. 3, pp. 19-33.]
8. Vorländer H., Herold M., Schäller S. *PEGIDA and New Right-Wing Populism in Germany*. London, Palgrave Macmillan, 2018. 212 p.

9. Вайнштейн Г. Европейский популизм в конце 2010-х. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 3, сс. 29-38. [Vainshtein G. Evropeiskii populizm v kontse 2010-kh [European Populism in the End of 2010s]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 3, pp. 29-38.] DOI: 10.2542/0131-2227-2018-62-3-29-38
10. Щербаков В. Ю. Движение гражданских инициатив ФРГ в начале XXI в.: поворот вправо? *Гуманитарные и юридические исследования*, 2017, вып. 3, сс. 123-127. [Shcherbakov V.Yu. Dvizhenie grazhdanskikh initsiativ FRG v nachale XXI v.: povorot vpravo? [Civil initiatives' Movement in West Germany in the beginning of the 21st Century: Turn to the Right?] *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 2017, iss. 3, pp. 123-127.]
11. Семенов И. С. О природе политических изменений в глобальном мире и подходах к их анализу. *Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования*. Семенов И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И., ред. Москва, ИМЭМО РАН, 2014, сс. 5-19. [Semenenko I.S. O prirode politicheskikh izmenenii v global'nom mire i podhodakh k ikh analizu [On the Nature of the Political Changes in the Global World and on Approaches to their Analysis]. *Politicheskie izmeneniya v global'nom mire: teoretiko-metodologicheskie problemy analiza i prognozirovaniya* [Political Changes in the Global World: Theoretical and Methodological Problems of Analysis and Prognostication]. Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I., eds. Moscow, IMEMO, 2014, pp. 5-19.]
12. Канетти Э. *Масса и власть*. Москва, Ad Marginem, 1997. 528 с. [Canetti E. *Massa i vlast'* [Crowds and Power]. Moscow, Ad Marginem, 1997. 528 p.]
13. Большова Н. Н. “ПЕГИДА” как пример массовых протестных движений, возникших в Европе под влиянием миграционного кризиса. *Полис. Политические исследования*, 2016, № 3, сс. 123-137. [Bol'shova N.N. “PEGIDA” как primer massovykh protestnykh dvizhenii, vznikshikh v Evrope pod vliyaniem migracionnogo krizisa [PEGIDA as an Example of Mass Protest Movements that Emerged in Europe under the Influence of the Migration Crisis]. *Polis. Political Studies*, 2016, no. 3, pp. 123-137.]
14. Глухова А. В. Популизм как политический феномен: вызов современной демократии. *Полис. Политические исследования*, 2017, № 4, сс. 49-68. [Gluhova A.V. Populizm kak politicheskii fenomen: vyzov sovremennoi demokratii [Populism as a Political Phenomenon: the Challenge for Contemporary Democracy]. *Polis. Political Studies*, 2017, no. 4, pp. 49-68.]
15. Holzer J., Mareš M., Laryš M. *Militant Right-Wing Extremism in Putin's Russia: Legacies, Forms and Threats*. London and New York, Routledge, 2019. 292 p.
16. Macklin G. Transnational Networking on the Far Right: The Case of Britain and Germany. *West European Politics*, 2013, vol. 36, no. 1, pp. 176-198.
17. Braouezec K. Identifying Common Patterns of Discourse and Strategy among the New Extremist Movements in Europe: The Case of the English Defence League and the Bloc Identitaire. *Journal of Intercultural Studies*, 2016, vol. 37, no. 6, pp. 637-648.
18. Busher J. Grassroots Activism in the English Defence League: Discourse and Public (Dis)order. *Extreme Right Wing Political Violence and Terrorism*. Taylor M., Holbrook D., Currie P.M., eds. London, etc., Bloomsbury, 2013, pp. 65-83.
19. Biancalana C. From Social Movements to Institutionalization: the Five-star Movement and the High-speed Train Line in Val di Susa. *Contemporary Italian Politics*, 2020, pp. 2-14. DOI: 10.1080/23248823.2020.1743469
20. Grattan L. *Populism's Power: Radical Grassroots Democracy in America*. New York, Oxford University Press, 2016. 304 p.
21. Pilkington H. *Loud and Proud: Passion and Politics in the English Defence League*. Manchester, Manchester University Press, 2016. 272 p.
22. Busher J. *The Making of Anti-Muslim Protest: Grassroots Activism in the English Defence League*. London, Routledge, 2015. 196 p.
23. Meadowcroft J., Morrow E.A. Violence, Self-Worth, Solidarity and Stigma: How a Dissident, Far-Right Group Solves the Collective Action Problem. *Political Studies*, 2017, vol. 65, no. 2, pp. 373-390.
24. Байме, фон К. Популизм и правый экстремизм в партийных системах эпохи постмодерна. *Берегиня 777. Сова: Общество. Политика*, 2014, № 4, сс. 101-109. [Beume, von K. Populizm i pravyi ekstremizm v partiinykh sistemakh epokhi postmoderna [Populism and Right-wing Extremism in the Party Systems of the Post-modern Era]. *Bereginya 777. Sovo: Obshchestvo. Politika*, 2014, no. 4, pp. 101-109.]
25. Allen C. Opposing Islamification or Promoting Islamophobia? Understanding the English Defence League. *Patterns of Prejudice*, 2011, vol. 45, no. 4, pp. 279-294.
26. Virchow F. Creating a European (Neo-Nazi) Movement by Joint Political Action? *Comparative Perspective Varieties of Right-Wing Extremism in Europe*. Mammone A., Codin E., Jenkins B. eds. London, Routledge, 2013, pp. 197-213.
27. Vignati R. Beppe Grillo and the Movimento 5 Stelle: A Brief History of a 'Leaderist' Movement with a Leaderless Ideology. *Beppe Grillo's Five Star Movement: Organisation, Communication and Ideology*. Tronconi F., ed. New York, Routledge, 2015, pp. 9-28.
28. Lanzone M. The “Post-Modern” Populism in Italy: The Case of the Five Star Movement. *The Many Faces of Populism: Current Perspectives*. Woods D., Wejnert B., eds. Bingley, Emerald Group Publishing Limited, 2014, pp. 53-78.
29. Mudde C. The Paradox of the Anti-Party Party: Insights from the Extreme Right. *Party Politics*, 1996, vol. 2, no. 2, pp. 265-276.

30. Mosca L. Democratic Vision and Online Participatory Spaces in the Italian Movimento 5 Stelle. *Acta politica*, 2018, no. 55, pp. 1-18.
31. Disch L. Tea Party Movement: The American “Precariat”? *Representation*, 2011, vol. 47, no. 2, pp. 123-135.
32. Клупт М. Социальная база и перспективы популизма в странах Запада. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 3, сс. 47-55. [Klupt M. Sotsial'naya baza i perspektivy populizma v stranakh Zapada [Social Foundation and Perspectives of Populism in Western Countries]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 3, pp. 47-55.] DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-47-55
33. Vampa D. Local Representative Democracy and Protest Politics: the Case of the Five-star Movement. *Contemporary Italian Politics*, 2015, vol. 7, no. 3, pp. 232-250.
34. Burghart D., Zeskind L. *Tea Party Nationalism: A Critical Examination of the Tea Party Movement and the Size, Scope and Focus of its National Factions*. Kansas City, MO, Institute for Research and Education on Human Rights, 2010. 94 p.
35. Zúquete J.P. “Free the People”: The Search for “True Democracy” in Western Europe’s Far-Right Political Culture. *The Promise and Perils of Populism: Global Perspectives*. de la Torre C., ed. Lexington, University Press of Kentucky, 2015, pp. 231-264.
36. Kuzmin A.G., Mitrofanova A.V. Russian Nationalists in the Komi Republic: a Case Study of the Frontier of the North. *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, 2017, vol. 45, no. 2, pp. 238-255.
37. Шиес – пример народовластия. #ЕленаРохлина. *Телеканал Спец*, 17.07.2019. [Shies – an Example of People’s Power. #ElenaRokhlina. *Telekanal Spets*, 17.07.2019. (In Russ.)] Available at: https://www.youtube.com/watch?v=ggrG1e7U_ls (accessed 06.05.2020).
38. Альперович В. Красно-коричневый – хит сезона. Публичная активность ультраправых групп. Зима–весна 2018–2019 годов. *Информационно-аналитический центр “Сова”*, 09.07.2019. [Al'perovich V. Krasno-korichnevyi – khit sezona. Publichnaya aktivnost ultrapravykh grupp. Zima–vesna 2018–2019 godov [Red-brown – the hit of the season. Public activity of the far right groups. Winter – spring 2018–2019]. *Informatsionno-analiticheskii tsentr “Sova”*, 09.07.2019.] Available at: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2019/07/d41236/> (accessed 06.05.2020).
39. “Сегодня ты за русских, а завтра русские за тебя!” – Елена Рохлина рассказала о Русском марше, об объединении протестных сил. *Протестная Россия*, 13.10.2019. [“Today You are for Russians, Tomorrow – Russians for You” – Elena Rokhlina spoke about the Russian March, about the Unity of Protest Forces. *Protestnaya Rossiya*, 13.10.2019. (In Russ.)] Available at: <https://zen.yandex.com/media/protrus/segodnia-ty-za-russkih-a-zavtra-russkie-za-tebia-elena-rohlina-rasskazala-o-russkom-marshe-ob-obedinenii-protestnyh-sil-5da3267e5d6c4b00b0b63904> (accessed 06.05.2020).
40. Русский марш 2019 в Москве. Прямая трансляция. *ПДС НПСП*, 04.11.2019. [Russian March in Moscow. Live. *PDS NPSR*, 04.11.2019. (In Russ.)] Available at: https://pdsnpsr.ru/articles/10025-russkij-marsh-2019-v-moskve_04112019 (accessed 22.12.2020).

**RIGHT WING POPULIST CIVIC MOVEMENTS:
WESTERN EXPERIENCE AND THE SITUATION IN RUSSIA**

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 3, pp. 120-129)

Received 14.05.2020.

Anastasia V. MITROFANOVA (anastasia-mit@mail.ru),

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Krzhizhanovskogo str., 24/35, bld. 5, 117218, Moscow, Russian Federation

Oleg M. MIKHAILENOK (m-oleg-m@yandex.ru),

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Krzhizhanovskogo str., 24/35, bld. 5, 117218, Moscow, Russian Federation

The article aims at identifying the characteristics shared by the right-wing populist civil movements of Western Europe and the USA and evaluating the possibility to use them for researching right-wing nationalist organizations in Russia. The movements selected for the comparison range from party-like electoral actors to unorganized protesters. They include as follows: The Five-star Movement (Italy), PEGIDA and the like (Germany), the English Defence League (the UK), the Tea Party Movement (the US). The authors identified several interrelated characteristics shared by these movements: (1) dealing with local, usually social, issues, (2) network-like structure of autonomous local groups building the agenda from below, (3) ideological ambivalence leading to replacing ideology with subculture, (4) digitalization of activism. Although in Russia there are no civic movements structurally or functionally identical to Western right-wing populists, the authors demonstrate that local social issues and civic responsibility have become important topics for some Russian nationalists (right-wing radicals) since the mid-2000s. The trends of deideologization and dealing with non-political local issues are researched mainly on the example of the “Frontier of the North” (Komi Republic). The authors conclude that some of the radical Russian nationalists are gradually declining their own independent agenda, following local protests instead. This opens up the possibility for right-wing organizations to become local civil society institutions and to participate successfully in local elections, similar to the “electoral breakthrough” of right-wing populists in the West. Although it is too early to speak about the deideologization of Russian nationalism, the article suggests that some nationalists are ready to mitigate ideological tensions to secure expanded

social support. At the moment, nationalist organizations in Russia remain frozen between right-wing radicalism and emulating Western right-wing populism.

Keywords: right-wing populism, civic movements, Russian nationalism, right-wing movements, deideologization, network movements, digitalization.

About authors:

Anastasia V. MITROFANOVA, Doctor of Political Science, Leading Researcher.

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Sociopolitical Relations at the Center of Political Science and Political Sociology.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-120-129

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (На примере государственной христианской Церкви Англии)

© 2021 г. О. Балабейкина, А. Янковская

*БАЛАБЕЙКИНА Ольга Александровна, кандидат географических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
РФ, 191023 Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30/32 (olga8011@yandex.ru).*

*ЯНКОВСКАЯ Анна Андреевна, кандидат экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
РФ, 191023 Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30/32 (aia777@yandex.ru).*

Статья поступила в редакцию 01.09.2020.

Предмет исследования – социальная ответственность (СО) религиозных организаций и особенности ее реализации на примере епархий государственной христианской Церкви Англии (ГХЦА). Цель – анализ ведущих направлений осуществления и выявления инструментов реализации данного вида ответственности религиозным институтом. Гипотеза: религиозные организации играют существенную роль в экономике региона, принимая на себя социальные обязательства государства. Опыт реализации ответственности епархиями ГХЦА будет полезен руководству религиозных институтов России для конструктивного сотрудничества с государством.

Ключевые слова: религиозная организация, экономическая деятельность, социальная ответственность, государственная христианская Церковь Англии.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-130-138

Актуальность российских и иностранных региональных исследований, связанных с различными аспектами функционирования структурных элементов конфессионального пространства, обусловлена по-прежнему значимой ролью религиозных институтов в социальной и экономической жизни общества, несмотря на характерные для многих стран, особенно европейских, секуляризационные процессы. В России за последние десятилетия конфессиональное геопространство существенно трансформировалось, так как в условиях постсоветского периода увеличилось число зарегистрированных религиозных организаций, возросла численность адептов религий, среди которых в целом преобладают члены Русской православной церкви [1], а также обозначилось усиление социальной и экономической роли религиозных институтов. Поэтому и опыт зарубежных стран, где традиции взаимоотношений церкви и государства не прерывались, может быть полезен для решения практических задач и осмысления теоретических вопросов, связанных с деятельностью структурных элементов конфессионального пространства.

Российские ученые и представители научных школ других стран неоднократно подчеркивали влияние религиозной принадлежности и степени религиозности населения на формирование количественных и качественных показателей человеческого капитала региона [2, сс. 242-252; 3];

указывали на роль христианских церквей Европы в общественно-политических процессах, в том числе интеграционных [4], а также обозначали иные важные социальные и экономические функции религиозных организаций для современного общества как России, так и зарубежных стран [5, 6, 7]. Социальная ответственность постепенно становится ключевой категорией в рамках общественной деятельности, осуществляемой религиозными организациями.

Роль религиозных институтов в экономике стран и регионов, а также оказываемое ими влияние на развитие общественных процессов находит существенные проявления и в реализации деятельности, связанной с социальной ответственностью. Научно-практический интерес к данному вопросу у российских и зарубежных специалистов, обусловленный в первую очередь его актуальностью, объективировался в научных статьях [8, 9, 10, 11] и материалах научных конференций [12, сс. 7-13, 35-37, 45-48]. Но тематические работы, в которых бы подробно и многоаспектно отражалась и анализировалась деятельность религиозных институтов, формирующих конфессиональное пространство зарубежных стран, обусловленная реализацией ими социальной ответственности, почти не встречаются. В качестве объекта исследования отдельные епархии ГХЦА выбраны неслучайно. Во-первых, обозначенный

религиозный институт обладает на большей части территории Великобритании (в Англии) статусом государственного, что влечет за собой выполнение обязательного требования к формированию и опубликованию ежегодных финансовых отчетов, отражающих его экономическую и социальную деятельность. Данное обстоятельство открывает возможности для анализа и обработки официальных статистических данных, служа репрезентативности результатов исследования.

Во-вторых, значимым фактором, позволяющим объективно оценивать различия в осуществлении социальной и экономической деятельности религиозным институтом на региональном уровне, выступает территориально-административная оформленность ГХЦА, объективированная в ее структурированном церковно-административном делении, которое выражается в иерархической системе соподчиненных таксономических единиц.

* * *

Формально государственную христианскую Церковь Англии возглавляет монарх, а на макроуровне данная религиозная организация подразделяется на две церковные провинции (архиепархии), высшим органом управления каждой из которых является синод. Южная провинция Кентербери и северная Йорк, возглавляемые архиепископами, функционируют автономно. В свою очередь, каждая из архиепархий подразделяется на епархии (англ. — *diocese*), находящиеся под руководством епископов, а епархии состоят из низовых единиц — приходов (англ. — *parish*). Приходы в количестве примерно 15–25 объединены в благочиния (англ. — *deanery*). Кентербери и Йорк неравны по площади территории, числу епархий, приходов и численности прихожан. Так, южная провинция по всем этим показателям в разы превосходит северную и насчитывает 29 епархий, включающих чуть менее 9,5 тыс. приходов, а 12 епархий Йорка образуют около 3 тыс. приходов.

Если проводить аналогию с государственно-административным делением, то получается, что епархия соответствует территориальной единице на уровне регионального субъекта (несколько епархий Церкви Англии совпадают в своих границах с одноименными церемониальными графствами), а благочиния — составляющим ее районам. Так, например, Саузвелл и Ноттингем включают 9 благочиний, а Лестер — 10. Формирование и распределение финансовых средств в ГХЦА осуществляется по следующей схеме: в зависимости от размера прихода (в частности, от числа прихожан, зарегистрированных в качестве членов прихода и оплачивающих в его пользу членские взносы) его настоятелю предписывается переводить ежегодно

определенную сумму в благочиния, а последние перечисляют взносы в епархию. Епархиальные взносы формируют бюджет каждой из двух архиепископий. В дальнейшем эти денежные средства снова частично направляются в регионы на уровень благочиний и приходов. Указанное перераспределение церковных средств имеет целью обеспечение стабильного выполнения малоодоходными приходами всех возложенных на них функций, а также финансирование разнообразных целевых программ, предоставление грантов как приходам, так и благотворительным организациям.

Выявление различий в проявлениях деятельности в области реализации социальной ответственности ГХЦА как религиозного института в рамках данного исследования на региональном уровне будет проводиться на примере ее граничащих друг с другом отдельных епархий — Саузвелл и Ноттингем (архиепархия Йорк) и Лестер (архиепархия Кентербери), территориально совпадающих с церемониальными графствами Англии — Ноттингемшир и Лестершир соответственно. В данном случае реализовано применение кейс-метода, рекомендуемого учеными для случаев, когда статистическая обработка данных для всего объекта невозможна или затруднительна [13] в связи с недостатком первичных данных. Кроме того, выбранные для исследования епархии расположены на территории разных архиепархий ГХЦА, граничат друг с другом и обладают примерно одинаковыми исходными характеристиками — площадью территории, численностью населения, количеством приходов.

К сожалению, не существует унифицированного формата для предоставления статистической отчетности по социальной деятельности Церкви Англии (по направлениям реализации, объемам затраченных средств, охвату целевой аудитории и т. д.) на микро- и макрорегиональном уровнях. Эмпирические материалы, отражающие обозначенные выше данные, собирались с помощью проведения глубинных интервью с представителями ее отдельных епархий — сотрудниками епархиальных отделов, настоятелями приходов, благочинными (всего было опрошено 15 респондентов). А также извлекались из представленных в различной степени подробности епархиальных финансовых отчетов и с официальных сайтов структурных единиц ГХЦА.

* * *

Церковь, выступая как социальный институт, осуществляет и социальную работу. Идеологическая вероучительная доктрина ГХЦА находит отражение в конкретных направлениях реализации ее социальной ответственности, на которые затрачиваются денежные и иные средства. Одновре-

менно с этим Церковь Англии частично берет на себя функции, затраты на осуществление которых обычно распределяются из государственного бюджета. Таким образом, социальная ответственность является значимым элементом экономической деятельности церкви. Однако, несмотря на серьезную вовлеченность в решение социальных и экономических проблем региона, представителями ГХЦА часто отмечается отсутствие единого понимания содержания термина “социальная ответственность”. В их обороте не существует сжатого универсального определения: епархии самостоятельно формируют представления о наполнении термина “социальная ответственность”, используемых инструментах и методах ее реализации, общей чертой которых является осуществление деятельности, мотивированной “христианской любовью к ближним”. Обозначенные виды работ предполагают выявление существующих социальных проблем и вовлечение церковных организаций в их решение, причем конкретные направления приложении усилий будут зависеть как от социального контекста и местных потребностей, так и действующей епархиальной стратегии.

Информация, представленная в отчетных документах религиозных организаций, рассматриваемых в данном исследовании в качестве его основного объекта, позволяет говорить о том, что к трактовке понятия “социальная ответственность” они подходят весьма вольно, поэтому требуется уточнение его смысла.

Теоретические и практические вопросы, связанные с социальной ответственностью, освещались в трудах десятков ученых, среди которых основоположниками можно назвать представителей зарубежной науки – Г. Боуэна, Д. Вуда, Л. Престона и др. [14, 15, 16]. Расширенный же перечень специалистов, внесших вклад в формирование дефиниции “социальная ответственность” в рамках разных научных школ и направлений, представлен в диссертационном исследовании, посвященном данной проблематике [17, с. 7]. Анализируя теоретическую часть работ по данной теме, можно прийти к выводу, что наиболее универсальным является следующее определение: социальная ответственность – это институт, являющийся неотъемлемой частью экономической, социальной, экологической, этической и правовой сфер и соответствующий современным потребностям общества. Многоуровневая система социальной ответственности всех его участников является одним из основополагающих условий формирования гражданского общества в любой стране.

В работах западных ученых, избравших предметной областью исследований экономико-правовое направление и институциональный анализ,

чаще всего смысловой акцент делается на экологической составляющей социальной ответственности. В свою очередь российские специалисты традиционно предпочтение отдают разделному анализу экологической и социальной ответственности. При этом каждый из обозначенных видов социальной ответственности трактуется в научных работах как специфичный и самодостаточный из-за своей узкой специализированности. Развитие научного направления, связанного с институциональным анализом, привело к тому, что постепенно выкристаллизовалось представление о социальной ответственности институциональных организаций как о социальном контракте, носящем добровольный характер. Такая форма ответственности предполагает действия, согласованные с морально-этическими нормами, принятыми в обществе и декларируемыми институтом. Целеполагание всех реализуемых мероприятий должно быть направлено на решение социальных и экономических проблем местного населения, стабилизацию и последовательное улучшение состояния окружающей среды, достижение социальной стабильности. Это предполагает долгосрочную перспективу тесного взаимовыгодного сотрудничества религиозных институтов, органов власти и общества.

Применительно к социальной ответственности именно рассматриваемого в исследовании религиозного института (ГХЦА) можно отметить тот факт, что дискуссии о новых тенденциях в развитии Церкви и направлениях ее социальной работы в связи с обозначившимися общественными трансформациями ведутся со второй половины XX в. [19, 20, 21]. Результаты размышлений ученых по обозначенному поводу сводятся к выводам о том, что перечень видов социальной деятельности Церкви Англии будет расширяться, а вовлекаемый в нее для оказания разнообразной помощи контингент не будет ограничиваться адептами англиканства. Изменения настанут в ущерб консервативным представлениям, диктуемым вероучительной доктриной, так как потребуют учета трансформаций ценностно-ориентационных установок общества. В противном случае последует или раскол внутри Церкви, или еще более существенная, чем в настоящее время, утрата контингента верующих.

* * *

Однако, несмотря на то что понятию “социальная ответственность” учеными на теоретическом уровне уделено внимание, в современном научном обороте до сих пор отсутствует его определение применительно к религиозной организации. Но оно требует отдельного уточнения, поскольку очевидно, что социальная ответственность обозначенных организаций имеет свою специфику, обусловленную фундаментальными для составляющего их

контингента мировоззренческими представлениями, а также особенностями законодательно установленных для них правовых и экономических отношений [12, 18].

С начала исторического формирования англиканства как конфессии христианства Церковь ориентировалась на работу вовне: социальная работа общин позиционировалась как приоритетное направление деятельности (осуществление начального образования, помощь малоимущим, посещение заключенных, медицинская помощь и пр.). Социальная ответственность религиозных институтов предполагает добровольный вклад составляющих их организаций в развитие общества и решение проблем в социальной сфере, направленный на дополнение ответственности государства, а также дальнейшую интеграцию социальных императивов в процесс принятия решений, стратегию, деятельность, систему ценностей и культуру религиозной организации. Таким образом, под социальной ответственностью религиозных институтов в представленном исследовании предлагается понимать совокупность осуществляемых ими мероприятий, направленных на достижение социальнозначимых целей и ориентированных на неограниченное число лиц, имеющих разную степень отношения к определенной религии или религиозной организации.

Реализуемые в рамках государства и ГХЦА институциональные функции частично дублируются. Так, возможность осуществления процедуры регистрации (заключения) брака в религиозно-обрядовой форме была делегирована Церкви с самого начала ее выделения в самостоятельный институт. Во многом специфику социальной деятельности Церкви определяет ее правовой статус на территории Англии. При этом обозначенный религиозный институт не финансируется национальным бюджетом, что влечет за собой покрытие расходов преимущественно за счет пожертвований прихожан. К прочим источникам доходов относятся инвестиционная деятельность Церкви, поступления в виде пожертвований организаций и частных лиц (часто целевых) и оказание платных услуг населению. Правительство Великобритании частично перечисляет денежные средства на реставрацию церковных зданий, имеющих историко-культурную ценность, и функционирование церковных школ. В британской системе образования на долю негосударственных учреждений, в том числе школ, принадлежащих религиозным институтам (преимущественно ГХЦА), приходится около трети обучающихся. В современных условиях осуществление образовательной работы не является возложенным законной властью на Церковь обязательством в силу отсутствия прямых механизмов финансирования данной деятельности. Предо-

ставление образовательных услуг населению изначально декларировалось как одна из приоритетных целей при определении направлений социальной работы религиозного института.

Религиозные организации, осуществляющие благотворительную деятельность, обладают возможностью получить налоговые льготы после регистрации в данном качестве при соблюдении специальных условий. После этого их деятельность не облагается подоходным налогом, налогом с доходов и налогом на увеличение рыночной стоимости капитала. Кроме того, с земли и строений, занятых благотворительными организациями, выплачивается только 50% платежей за пользование коммунальными услугами¹. При этом все приходские церковные советы являются благотворительными организациями, большинство из которых не нуждается в регистрации в благотворительной комиссии (за исключением тех, чей годовой доход превышает 100 тыс. ф. ст.). Таким образом, каждый член совета также является участником – попечителем благотворительной организации. Церковь осуществляет помазание на королевский престол, поддерживая монархические традиции и их консолидирующую роль в современном обществе Великобритании.

Социальная роль ГХЦА проявляется и в вопросах, связанных с укреплением семейных ценностей. В Соединенном Королевстве легитимна и гражданская, и религиозная церемония совершения брака, но последняя требует специальной регистрации мест богослужения для этой цели. Только при соблюдении этого условия венчанные браки признаются легитимными.

Значительная часть социальной деятельности Церкви связана с образованием населения, осуществляемым на разных уровнях – от курсов иностранного языка или рукоделия в отдельных приходах до находящихся в ведении этого религиозного института средних и высших учебных заведений. Великобритании присуща значимая доля частного образования, в том числе в школах, принадлежащих религиозным институтам (в большей степени англиканским). Государственные школы посещают около 60% обучающихся, в частных (к которым относятся также и религиозные школы) с долевым субсидированием – чуть более трети и менее 4% учится в независимых частных школах. Определенное отличие светских от религиозных учебных заведений состоит в том, что последние находятся в ведении конкретной конфессии и имеют право отображать эту конфессиональность в учебном процессе и в организации школьной жизни.

¹ Подробнее см.: Благотворительность в Англии. *Институт социальных инвестиций*. Available at: <https://sites.google.com/site/insocin/home/titular-isi/blagotvoritelnost/blagotvoritelnost-v-anglii> (accessed 03.07.2020).

Государством активно поощряется инициатива социальной ответственности религиозных организаций, и структуры ГХЦА широко используют перечисленные выше и иные налоговые льготы [22]. На региональном уровне социальная ответственность осуществляется ее епархиями, избирающими различные направления².

* * *

Например, для епархии Лестера одно из приоритетных направлений — помощь обществу в преодолении негативных последствий социального неравенства. Координирующий орган здесь — совет по социальной ответственности. Он представлен руководителем, осуществляющим свои функции безвозмездно, и временным администратором, работающим на условиях частичной занятости. Работа совета по социальной ответственности ведется в следующих направлениях: оказание помощи отбывающим уголовное наказание, а также людям с нарушением слуха, деменцией, инвалидностью; защита окружающей среды; обеспечение честной торговли; поддержание физического и психического здоровья, помощь малоимущим; борьба с бездомностью. Есть также программы, ориентированные на борьбу с современным рабством, нищетой, зависимостью от долговых обязательств, поддержку развития сельского хозяйства.

Реализуя программы социальной ответственности, епархия Лестера активно сотрудничает со следующими организациями.

1. “Справедливое Распределение” (*Fair Share*) — благотворительная организация, усилиями волонтеров перераспределяющая излишки продовольствия среди благотворительных организаций и христианских общин Восточного Мидленда, обеспечивая продуктами питания более 10 тыс. человек.

2. “Кров Лестера” (*One Roof Leicester*) — благотворительная организация, предоставляющая жилье, поддержку и консультации бездомным Лестера. Помимо епархии Лестера, ее учредители — Исламское общество Великобритании и две другие английские благотворительные организации.

3. “Граждане Лестера” — альянс религиозных и образовательных учреждений, союзов и благотворительных организаций с политическими лидерами в целях повышения уровня благосостояния населения Лестера, обучения людей общественно и индивидуально-полезной деятельности с позиции “активного гражданина”.

4. “Лестерская Хартия бездомных” (*Leicester Homelessness Charter*) — организация, осуществляющая координационную работу (в большей степени информационную) по решению проблем бездомности в Лестере.

5. “Саунд-кафе Лестера” (*Sound Cafe*) — мультимедийное творческое пространство для бездомных и малоимущих всех вероисповеданий Лестершира, где им предоставляется возможность креативной реализации в спектаклях, концертах и т. д.

6. “Вместе с Лестером” (*Together Leicester*) — благотворительная организация, созданная в 2017 г. при поддержке епархии Лестера и Церковного городского фонда (*Church Urban Fund*). Ее цели направлены на налаживание партнерских отношений между церквями, законодательными органами, благотворительными организациями и т. д. для динамичного и эффективного развития оказания социальной помощи, а также на борьбу с голодом, социальной изоляцией, бездомностью. Бюджет благотворительной организации за 2018 г. был представлен доходами в 66 667 ф. ст. и, соответственно, расходами в 37 169 ф. ст.³ Доходы организации составили субсидии Церковного городского фонда (добровольной организации ГХЦА, созданной в 1987 г.).

Социальная деятельность на региональном уровне во многом осуществляется за счет епархиального бюджета, поэтому интерес представляет его рассмотрение в общих чертах. Доходы епархии Лестера в 2018 г. составили 9.4 млн ф. ст. (из них 48.15% — приходские взносы), а расходы — 11.6 млн ф. ст., что превышает уровень 2017 г. почти на 1.2 млн ф. ст.⁴ Небольшой дефицит бюджета в 2018 г. вызван снижением отдачи от инвестиций (с 2.7 млн ф. ст. в 2017 г. до 338 тыс. ф. ст. в 2018 г.), наращиванием активов на 234 тыс. ф. ст. (в 2017 г. — 0) и одновременным увеличением финансирования социальной деятельности. 571 тыс. ф. ст. была направлена на гранты в рамках реализации и участия в благотворительных программах, что превышает показатель 2017 г. на 108 тыс. ф. ст., или 19%. Расходы на поддержку церковных школ составили 189 тыс. ф. ст. в 2018 г. (в 2017 — 188 тыс. ф. ст.). На сайте епархии представлен специальный раздел, посвященный социальной ответственности и социальным мероприятиям. Публикуются ежегод-

³ Данные расходы подтверждаются отчетами епархии. *Together Leicester: Annual Report and Accounts for the Period 23 August 2017 to 31 December 2018*. Available at: http://apps.charitycommission.gov.uk/Accounts/Ends57/0001175357_AC_20181231_E_C.PDF (accessed 03.07.2020).

⁴ *Leicester Diocesan Board of Finance: Annual Report and Financial Statement for the Year Ended 31 December 2018*. Available at: http://apps.charitycommission.gov.uk/Accounts/Ends00/0000249100_AC_20181231_E_C.PDF (accessed 03.07.2020).

² Полный перечень представлен в: *Social Responsibility in the Diocese of Leicester*. Available at: <https://www.leicester.anglican.org/content/pages/documents/1565188033.pdf> (accessed 09.07.2020).

ные финансовые отчеты, освещающие расходы Церкви на социальные мероприятия, доступные всем заинтересованным лицам. Таким образом, можно утверждать, что епархия Лестера архиепархии Кентербери активно реализует мероприятия, обусловленные социальной ответственностью религиозной организации, и увеличивает расходы на их проведение.

* * *

Претворением в жизнь социальной политики Церкви епархии Саузвелл и Ноттингем на местах занимается штат сотрудников из четырех человек, включая руководителя программы социального партнерства и реализации миссии. Помимо традиционных направлений социальной работы (работа с пожилыми людьми, борьба с деменцией, с современным рабством, обеспечение равных прав и свобод и пр.) в рамках епархии Саузвелл и Ноттингем реализуется проект “Кров для беженца” (ранее – “Радуга Ноттингема”), направленный на оказание помощи лицам и беженцам, попавшим в трудную жизненную ситуацию в Ноттингемшире. Встречи с ними организуются трижды в неделю. В том числе проводится обучение мигрантов английскому языку.

По инициативе епархии на территории графства в 2018 г. было проведено крупнейшее за всю историю Великобритании исследование, направленное на изучение преступлений, совершенных на почве ненависти. Кроме того, поддерживается специальный веб-сайт для сообщения о подобных инцидентах и получения рекомендаций обратившимся⁵.

В 2018 г. были открыты новые сферы социальной работы, направленные на обеспечение сохранности психического здоровья прихожан, качественное образование и работу с молодежью, помощь с трудоустройством и обеспечением справедливой заработной платы⁶. Реализация данного направления идет через финансовую поддержку работы программы “Граждане Ноттингема” (альянс 37 институтов гражданского общества).

В сфере защиты окружающей среды епархия приняла решение экологизировать (по возможности избегая дополнительных затрат, поскольку в бюджете на 2020–2022 гг. данная строка отсутствует) все сферы церковной жизни, что даст возможность получить медаль международной организации “A Rocha”⁷. С 2018 г. 11 приходов Саузвелла

и Ноттингема предпринимали усилия по уменьшению экологического следа, целенаправленно сократив использование пластика в период Великого поста и призывая к этому своих прихожан. Проводятся финансируемые епархией конференции и мероприятия экологической направленности, но для получения престижного статуса экоепархии нужно, чтобы еще 13 приходов Саузвелла и Ноттингема были зарегистрированы как экоцеркви, а 12 из них по итогам работы за отчетный год получили бронзовые награды.

Обращаясь к епархиальному бюджету рассматриваемой епархии, можно отметить его схожесть с бюджетом епархии Лестера. Общие доходы Саузвелла и Ноттингема составили 9.1 млн ф. ст. в 2018 г. и 11.1 млн (57.1% – приходские взносы) в 2019-м, а расходы – 9.2 млн ф. ст. в 2018-м и 10.2 млн в 2019 г. Небольшой дефицит бюджета в 2018 и 2019 гг. связан с дополнительными вложениями (72.2 тыс. и 1.1 млн ф. ст. соответственно) в Фонд стратегического развития епархии.

Расходы епархии Саузвелл и Ноттингем на программы социального партнерства и взаимодействия включали финансирование работы Отдела епархии по партнерству и реализации миссии, гранты в рамках программ поддержки семей, поддержку проекта “Радуга Ноттингема”, программы “Граждане Ноттингема” и составили в 2019 г. 1.7 млн ф. ст. В частности, на собственно социальные программы, реализуемые на уровне приходов и епархии, а также на целевые гранты в 2019 г. потрачено 314.2 тыс. ф. ст. (в 2018-м – 263.4 тыс.). Расходы на образование состояли из затрат на выплату зарплат руководителям учебных учреждений (в 2019 г. – 267.9 тыс. ф. ст., в 2018-м – 237.5 тыс.) и на обеспечение работы колледжей, включая реализацию программы “Дети и молодежь” (931 тыс. ф. ст. в 2018 г.). По всем категориям социальных расходов начиная с 2020 г. по прогнозам до 2022 г. прослеживается тенденция к их ежегодному сокращению (расходы на внешние гранты и программы социального партнерства и взаимодействия – на 10% от уровня 2019 г. к 2022 г., образование – на 3%, программы по работе с детьми и молодежью – на 20%)⁹.

* * *

Представленный анализ социального аспекта деятельности Церкви Англии позволил прибли-

⁵ См.: <http://www.report-it.org.uk/home>

⁶ Данные направления зафиксированы в отчете епархии: *Partnerships & Mission Annual Report 2018*. Available at: <https://southwell.anglican.org/wp-content/uploads/2019/10/Partnerships-Mission-Annual-Report-2018-ONLINE-002.pdf>.14 (accessed 03.07.2020).

⁷ Подробнее см. официальный сайт: <https://ecochurch.arocha.org.uk/> (accessed 03.07.2020).

⁸ Расходы епархии Саузвелл и Ноттингем представлены в отчете: *Ministry costs 2019 of Southwell & Nottingham Diocese*. Available at: https://southwell.anglican.org/wp-content/uploads/2019/07/SD_2019MinistryCosts_WEB.pdf.2 (accessed 08.02.2020).

⁹ Бюджет доступен на официальном сайте: *Southwell & Nottingham Diocesan Budget 2020*. p. 16. Available at: <https://southwell.anglican.org/wp-content/uploads/2019/11/Budget-2020-for-website.pdf> (accessed 08.02.2020).

зиться к ответу на вопрос о том, как она меняется в современных условиях. Были выявлены и консервативные, и либеральные тенденции.

Либеральные тенденции проявляются в нескольких сферах, таких как:

1) обеспечение гендерного равенства (допустимость женских ординаций в ГХЦА);

2) остро стоит вопрос о законодательно легализованных (разрешенных) однополых браках, совершение которых безоговорочно и прямо запрещает христианская вероучительная доктрина;

3) оказание помощи всем слоям населения независимо от религиозной, этнической, социальной и общинно-приходской принадлежности. В приходах ведется активная работа по адаптации мигрантов, предоставляется помощь с освоением школьной программы и языка мигрантами и их детьми из традиционно мусульманских стран.

Консервативные тенденции прослеживаются в работе по поддержке и укреплению традицион-

ного института семьи и брака (организация психологического консультирования в приходах, объединяющие семейные мероприятия, кризисные центры и осуществление целевой помощи нуждающимся семьям).

Можно сделать вывод о значительном совпадении направлений реализации социальной ответственности Церкви на региональном уровне, отметив большую вовлеченность епархии Саузвелла в задачи охраны природной среды, экономии ресурсов и повышения экологической сознательности граждан. Социальная ответственность религиозных организаций имеет свою специфику, обусловленную их фундаментальными целями, predetermined источниками вероучений. При этом аналитический обзор основных направлений реализации социальной ответственности епархиями ГХЦА и анализ финансовых затрат на ее осуществление позволяют говорить о значительной роли епархий в экономике регионов Англии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Манаков А.Г., Дементьев В.С. Территориальная структура конфессионального пространства юго-восточной части Балтийского региона. *Балтийский регион*, 2019, т. 11, № 1, сс. 92-108. [Manakov A.G., Dement'ev V.S. Territorial'naya struktura konfessional'nogo prostranstva yugo-vostochnoi chasti Baltiiskogo regiona [Territorial structure of confessional space in the South-Eastern part of the Baltic region]. *Baltic Region*, 2019, vol. 11, no. 1, pp. 92-108.] DOI: <https://doi.org/10.5922/2078-8555-2019-1-7>
2. Чирук С.В. Влияние религиозного фактора на демографические процессы. Теоретико-методологические основы историко-демографического исследования. *Теоретико-прикладные аспекты социально-экономического развития стран Центральной Азии и СНГ*. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Т. 1. Алматы, Центр оперативной печати КазАТиСО, 2013, сс. 242-252. [Chiruk S.V. Vliyanie religioznogo faktora na demograficheskie protsessy [Influence of the religious factor on demographic processes]. *Teoretiko-prikladnye aspekty sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya stran Tsentral'noi Azii i SNG* [Theoretical and methodological bases of historical and demographic research of socio-economic development in Central Asia and the CIS]. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Vol. 1. Almaty, Tsentr operativnoi pechati KazATiSO, 2013, pp. 242-252.]
3. Peri Rotem N. Religion and fertility in Western Europe: trends across cohorts in Britain, France and the Netherlands. *European Journal of Population*, 2016, no. 2, pp. 231-265.
4. Канунников А.А. Церкви и религиозные организации: участие в европейском интеграционном процессе. *Известия Иркутского государственного университета, Серия: Политология, Религиоведение*, 2017, № 20, сс. 121-129. [Kanunnikov A.A. Tserkvi i religioznye organizatsii: uchestie v evropeiskom integratsionnom protsesse [Churches and religious organizations: participation in the European integration process]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*, 2017, no. 20, pp. 121-129.]
5. Laughlin R.C. Accounting in its Social Context: An Analysis of the Accounting Systems of the Church of England. *Accounting, Auditing and Accountability Journal*, 1988, no. 1, pp. 19-42. DOI: 10.1108/EUM000000004622. Available at: https://www.researchgate.net/publication/242349417_Accounting_in_its_Social_Context_An_Analysis_of_the_Accounting_Systems_of_the_Church_of_England (accessed 09.07.2020).
6. Соколовская О.В. Социальная роль христианских церквей в сфере общественного правосознания. *Омский научный вестник*, 2013, № 2 (116), сс. 118-121. [Sokolovskaya O.V. Sotsial'naya rol' khristianskikh tserkvei v sfere obshchestvennogo pravosoznaniya [The social role of Christian churches in the sphere of public legal awareness]. *Omsk scientific Bulletin*, 2013, no. 2 (116), pp. 118-121.]
7. Богатова О.А., Долгаева Е.И., Митрофанова А.В. Деятельность социально-ориентированных организаций Русской православной церкви: региональные аспекты. *Регионология*, 2019, т. 27, № 3, сс. 489-512. [Bogatova O.A., Dolgaeva E.I., Mitrofanova A.V. Deyatel'nost' sotsial'no orientirovannykh organizatsii Russkoi pravoslavnoi tserkvi: regional'nye aspekty [Activities of socially oriented organizations of the Russian Orthodox Church: regional aspects]. *Regionology*, 2019, vol. 27, no. 3, pp. 489-512.] DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.489-512>
8. Гогин А.А., Гогина В.Н. Правовые аспекты экономической деятельности религиозных организаций: прошлое и настоящее. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*, 2018, № 2, сс. 13-21. [Gogin A.A., Gogina V.N. Pravovye aspekty ekonomicheskoi deyatel'nosti religioznykh organizatsii: proshloe i nastoyashchee [Legal

- aspects of economic activity of religious organizations: past and present]. *Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga state University*, 2018, no. 2, pp. 13-21.]
9. Гориславская Н.В. Особенности экономического анализа деятельности религиозных организаций. *Вестник Астраханского государственного технического университета, Серия: Экономика*, 2014, № 4, сс. 85-91. [Gorislavskaya N.V. Osobennosti ekonomicheskogo analiza deyatel'nosti religioznykh organizatsii [Features of economic analysis of the activities of religious organizations]. *Bulletin of the Astrakhan state technical University, Seriya: Ekonomika*, 2014, no. 4, pp. 85-91.]
 10. Кудряшов С.М. Шведская модель церковно-государственных отношений. *Человек и культура*, 2013, № 4, сс. 53-80. [Kudryashov S.M. Shvedskaya model' tserkovno-gosudarstvennykh otnoshenii [Swedish model of Church-state relations]. *Man and Culture*, 2013, no. 4, pp. 53-80.] DOI: 10.7256/2306-1618.2013.4.1452
 11. Makris G., Bekridakis D. The Greek Orthodox Church and the Economic Crisis Since 2009. *International Journal for the Study of the Christian Church*, 2013, vol. 13, no. 2, pp. 111-132. DOI: <https://doi.org/10.1080/1474225X.2013.793055>
 12. *Социальное служение Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы*. Материалы научно-практической конференции. 13–14 июня 2019 г. СПб., ЦРКиСО. 374 с. [Social service of the Orthodox Church: problems, practices, prospects. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii. 13–14 June 2019. SPb., TsRKiSO. 374 p. (In Russ.)]
 13. Ласт Д.А. Кейс-метод для экономических и бизнес исследований. *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*, 2015, № 4, сс. 17-26. [Last D.A. Keis-metod dlya ekonomicheskikh i biznes issledovaniy [Case-method for economic and business research]. *The bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*, 2015, no. 4, pp. 17-26.]
 14. Bowen H.R. *Social Responsibilities of the Businessman*. New York, Harper and Row, 1953. 276 p.
 15. Wood D. Corporate social performance revisited. *Academy of Management Review*, 1991, vol. 16, no. 4, pp. 691-718.
 16. Preston L., Post J. *Private management and public policy: the principal of public responsibility*. New York, Prentice Hall, 1975. 192 p.
 17. Янковская А.А. *Институциональная среда социальной ответственности предприятия: теоретико-экономический анализ*. Автореф. дис. канд. экон. наук. Санкт-Петербург, 2008. 18 с. [Yankovskaya A.A. *Institutsional'naya sreda sotsial'noi otvetstvennosti predpriyatiya: teoretiko-ekonomicheskii analiz* [Institutional environment of social responsibility of the enterprise: theoretical and economic analysis]. Avtoref. dis. kand. ekon. nauk. Sankt-Peterburg, 2008. 18 p.] Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003455582> (accessed 09.02.2020).
 18. Хулап В., Астэр И.В., ред. Диакония как инструмент конструирования гражданского общества и формирования социальной ответственности. *Социальное служение Русской Православной Церкви*. СПб., СПбГИПСР, 2014. [Khulap V., Aster I.V., eds. Diakoniya kak instrument konstruirovaniya grazhdanskogo obshchestva i formirovaniya sotsial'noi otvetstvennosti [Diakonia as a tool for the construction of civil society and formation of social responsibility] *Sotsial'noe sluzhenie Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. [Social service of the Russian Orthodox Church]. SPb., SPbGIPSR, 2014. Available at: http://social-orthodox.info/6_3.htm#_ftn19 (accessed 01.02.2020).
 19. Ramsay L. The Church of England, Homosexual Law Reform, and the Shaping of the Permissive Society, 1957–1979. *Journal of British Studies*, 2018, no. 57 (1), pp. 108-137. DOI: 10.1017/jbr.2017.180
 20. Vasey-Saunders M. *The Scandal of Evangelicals and Homosexuality: English Evangelical Texts, 1960–2010*. Abingdon, Routledge, 2015. 258 p.
 21. Scharlemann M.H. *The church's social responsibilities*. St Louis, Missouri, Concordia Pub. House, 1971. 99 p.
 22. Kettell S. Social Capital and Religion in the United Kingdom. *Faith-Based Organizations and Social Welfare. Palgrave Studies in Religion, Politics, and Policy*. Manuel P., Glatzer M., eds. London, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 185-203. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-77297-4_8

**SOCIAL RESPONSIBILITY OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS
(On the Example of the State Christian Church of England)**

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 3, pp. 130-138)

Received 01.09.2020.

Ol'ga A. BALABEIKINA (olga8011@yandex.ru),

Saint-Petersburg State University of Economics, Griboedov Channel, 30/32, St. Petersburg, 191023, Russian Federation.

Anna A. YANKOVSKAYA (aia777@yandex.ru),

Saint-Petersburg State University of Economics, Griboedov Channel, 30/32, St. Petersburg, 191023, Russian Federation.

The main topic of the study is the social responsibility of religious organizations, the specific features of which are investigated on the example of individual dioceses of the State Christian Church of England. The goal is to analyze the leading ways of advancing of the indicated type of economic activity, to identify instruments for the implementation of social responsibility by a foreign religious institute on the territory of structural units of a regional level – dioceses. The main hypothesis of the study is that religious organizations, implementing a variety of activities within the framework of social responsibility, play a significant role in the economy of the region, largely taking on the social obligations

of the state. To achieve the goal and confirm the statement, methods of analysis of actual and economic-statistical information and comparative comparison were used. The main findings of the study can be useful both in the realization of inter-confessional contacts and in the formulation of strategy for the development of state-religious relations in Russia, where the social and economic role of religious organizations is increasing. One of the distinguishing features of social responsibility of the Anglican Church organizations is implementing environment protection goals as one of the important directions in their social work. This part of social responsibility of religious institutions in our country is rarely embodied. The experience and model of managing social responsibility issues by the dioceses of the Church of England can be useful for Russian religious institutions aiming to build more successful and constructive partnership with the state.

Keywords: Religious Organization, Economic Activity, Social Responsibility, State Christian Church of England.

About authors:

Ol'ga A. BALABEIKINA, Candidate of Geography, Associate Professor.

Anna A. YANKOVSKAYA, Candidate of Economics, Associate Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-130-138

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

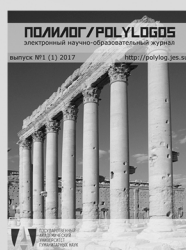
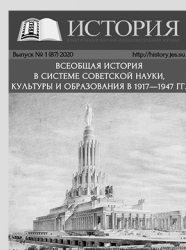
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

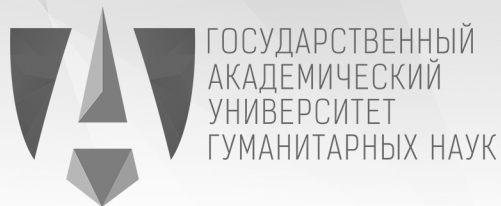
НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaun

instagram.com/gaun_/_

gaun.ru

E-mail: info@gaun.ru

vk.com/gaun

